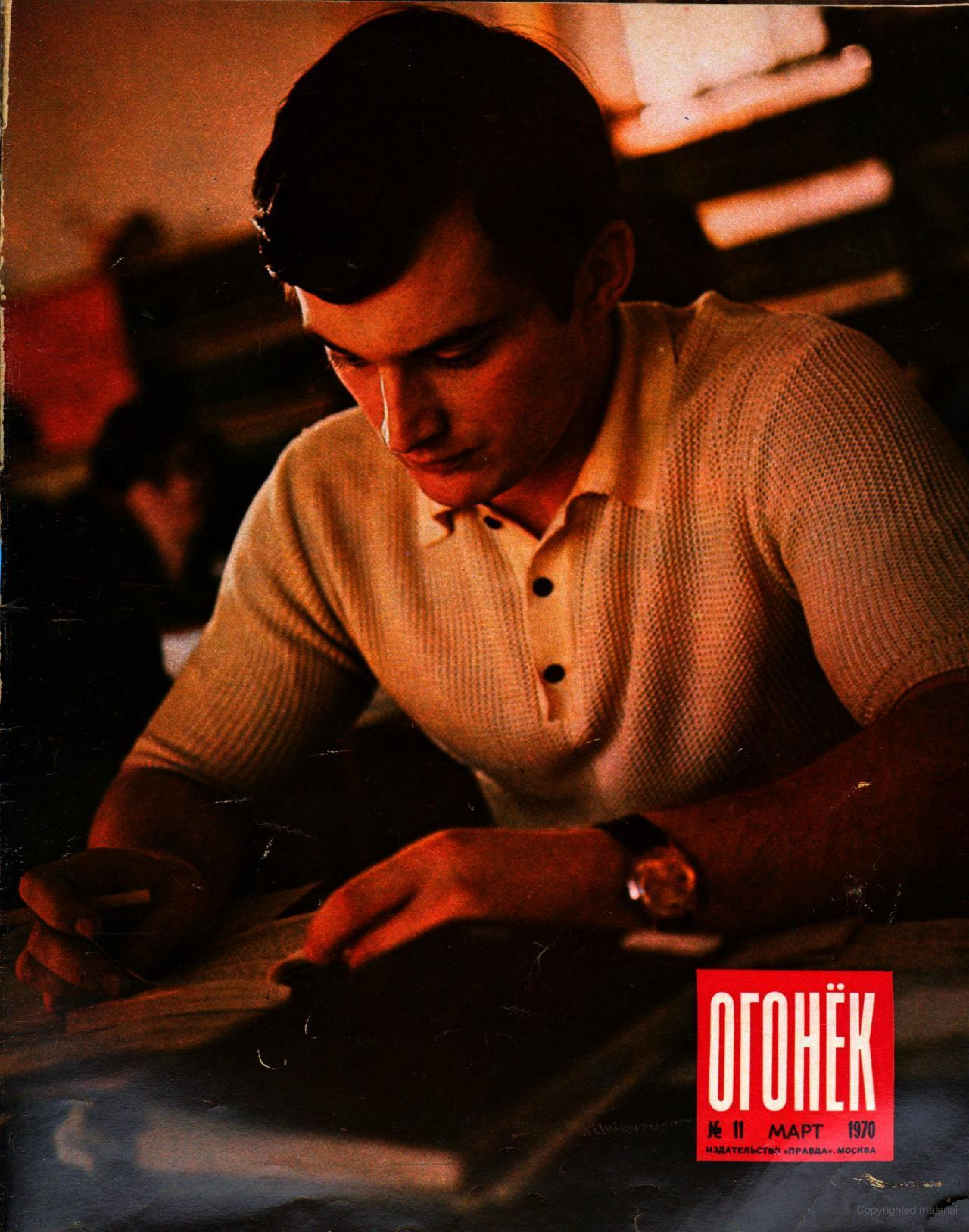
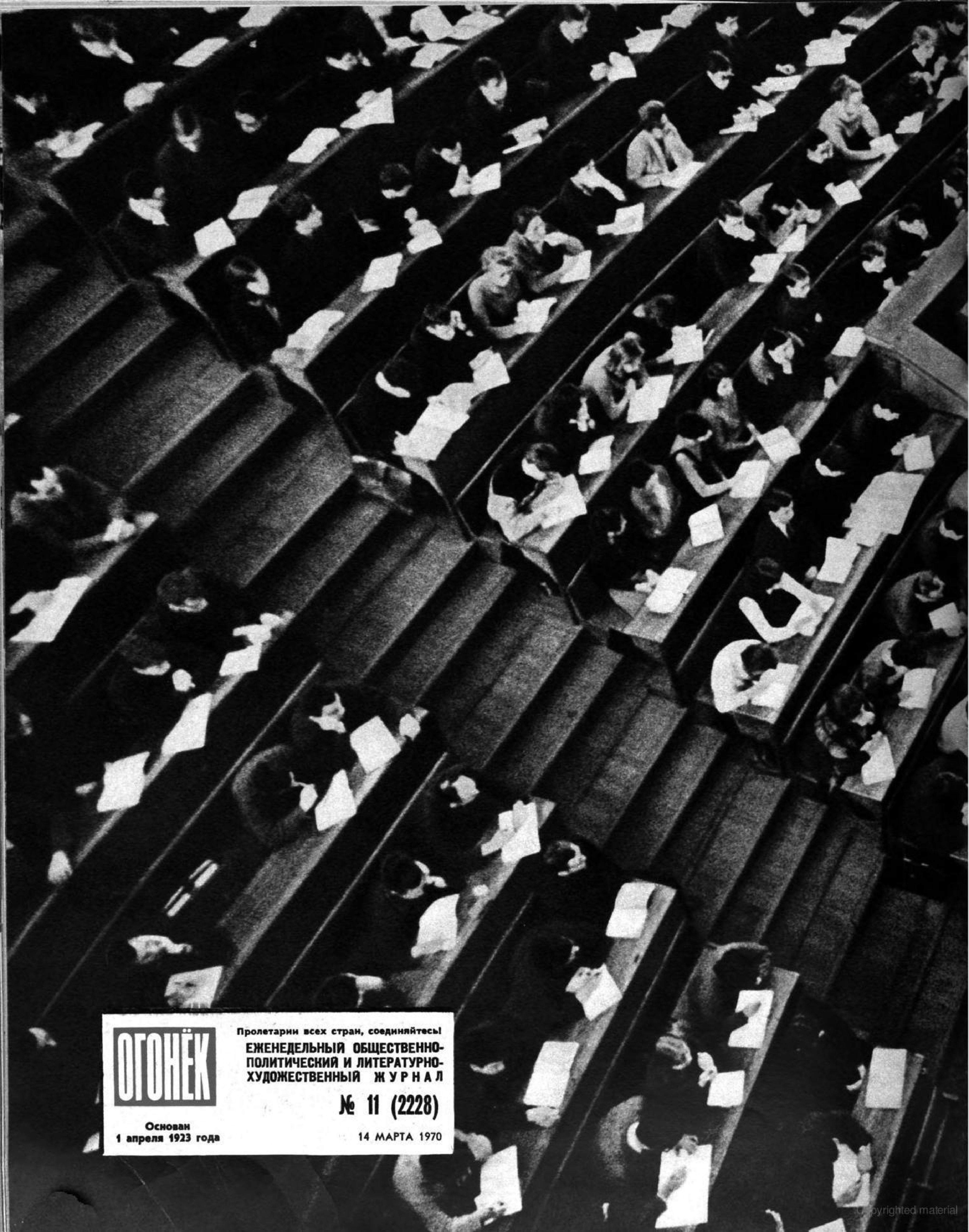

ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 11 (2228)

Основан 1 апреля 1923 года

14 МАРТА 1970

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

В. И. Ленин

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

ВЕЛИКАЯ ЗАДАЧА

Министр высшего и среднего специального образования СССР, член-корреспондент Академии наук СССР В. П. ЕЛЮТИН

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА». В 1921 году на II Всероссийском съезде политпросветов В. И. Ленин говорил: «После решенной задачи величайшего в мире политического переворота перед нами стали иные задачи — задачи культурные...» Как высшая школа решала задачу подготовки людей, способных овладеть высотами науки и техники? Какова ее структура сегодня? Распределение вузов в национальных республиках.

Министр. Вся история нашего государства — путь страны от технико-экономической отсталости к современной индустрии и механизированному сельскому хозяйству, от неграмотности населения к невиданному росту народного образования, науки и культуры. Социализм дал советским людям просвещение и образование, неизмеримо возвысил и обогатил духовную жизнь общества.

Наиболее ярко свидетельствуют об этих достижениях темпы роста подготовки специалистов: ныне их выпускается вузами в пятьдесят с лишним раз более, чем до революции. И это не замедлило сказаться на развитии советской науки и техники, международный престиж которых столь высок.

В настоящее время в стране работает восемьсот вузов (сравните: в четырнадцатом году было всего сто пять), в которых обучается 4,8 миллиона студентов, что в пять с лишним раз больше по сравнению даже с 1940 годом. Всего за годы Советской власти подготовлено свыше 9 миллионов специалистов с высшим образованием.

Послевоенный период принес с собой значительные перемены и в размещении высших учебных заведений, приблизил их к районам производства. Вузы имеются во всех союзных республиках, что обеспечивает подготовку необходимых национальных кадров. Тут уместно напомнить, что до Октябрьской революции на территории десяти из пятнадцати наших союзных республик не было ни одного высшего учебного заведения вообще. По одному всего вузу было в Грузии и Латвии. Сейчас в Грузинской ССР — 18 вузов, в Латвийской — 10. Многие обла-

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Лекция на физическом факультете.

Фото А. Награльяна.

Продолжение см. на стр. 6

ДОГОВОР ВСТУПИЛ В СИЛУ

Пятого марта в Доме приемов в Москве состоялся акт сдачи на хранение ратификационных грамот Договора о нераспространении ядерного оружия странами-депозитариями — Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Ратификационную грамоту Соединенных Штатов сдал на хранение правительству СССР посол США в СССР Джэкоб Д. Бим. От имени Советского правительства грамоту принял министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. Ратификационные грамоты Договора о нераспространении ядерного оружия сдали также Социалистическая Федеративная Республика Югославия, Малайзия и Ямайка. Ратификационная грамота Великобритании, являющейся также страной-депозитарием, была сдана на хранение правительству СССР 29 ноября 1968 года. По условиям статьи IX, предусматривающей вступление Договора о нераспространении ядерного оружия в силу после его ратификации и сдачи на хранение ратификационных грамот государствами-депозитариями СССР, США и Англией, а также сорока другими государствами, договор вступил в силу 5 марта 1970 года.

После сдачи ратификационных грамот выступил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Выразив по поручению Советского правительства большое удовлетворение по поводу вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия, товарищ А. Н. Косыгин сказал:

— Как известно, Договор о нераспространении ядерного оружия не ликвидирует еще сами ядерные вооружения. Поэтому сейчас очень важно, чтобы ядерные державы, как и все другие страны, сделали все возможное для прекращения гонки ядерных вооружений, для продвижения вперед в деле всеобщего и полного разоружения. Этого настоятельно требуют интересы оздоровления международной обстановки.

Советский Союз и другие социалистические страны считают необходимым и дальше идти по этому пути и призывают все государства проявить добрую волю и готовность на практике приступить к подлинному разоружению.

На снимке: выступает Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Фото А. Устинова.

ВО ИМЯ НАРОДА

15 марта Генеральному секретарю Итальянской коммунистической партии товарищу Луиджи Лонго исполняется семьдесят лет.

Тех, чья жизнь начиналась в далеком 1900 году и была всегда связана с самыми значительными событиями нашего бурного столетия, мы часто называем ровесниками века. В этих словах заключено прежде всего искреннее уважение перед несгибаемой волей и мужеством людей, которые целью и смыслом жизни своей сделали борьбу за идеалы мира и социализма.

В эти дни на римскую улицу Боттэге Оскурэ, где находится здание руководства Итальянской компартии, приходят сотни писем и телеграмм. Читая теплые слова привета, Луиджи Лонго вспоминает 1920 год. В тот год он, сын крестьянина, стал членом социалистической партии, познакомился с Грамши и Тольятти и избрал целью своей жизни борьбу за новую Италию. Он вспоминает, наверное, и 1921 год — Учредительный съезд коммунистической партии, на котором присутствовал делегатом туринской секции.

Живой ум и энергичный характер Л. Лонго, его преданность делу, высокое чувство долга очень скоро выдвигают этого человека в число наиболее авторитетных руководителей Коммунистического союза молодежи Италии. В 1922 году Л. Лонго участвует в работе III конгресса КИМа и IV конгресса Коминтерна.

С волнением и большой теплотой товарищ Лонго вспоминает дни своего первого пребывания в Москве, то огромное впечатление, которое на него произвели выступления Ленина, атмосфера революционного города, первые встречи с советскими людьми.

А затем долгие годы борьбы против фашизма, тюрьма, переезд во Францию и Швейцарию, где Л. Лонго остается до 1932 года и руководит организацией нелегальной политической борьбы в Италии.

После второй мировой войны, когда страна была освобождена от фашизма, Луиджи Лонго избирается заместителем Генерального секретаря партии, а в 1964 году становится преемником П. Тольятти на этом посту. Все свои силы, весь свой многогранный опыт Л. Лонго отдает делу организационного и идеологического укрепления рядов итальянских коммунистов. При его непосредственном и самом активном участии разрабатывается стратегическая линия партии, линия борьбы за мир, демократию и социализм.

Будучи искренним другом СССР, Л. Лонго — непримиримый борец против антисоветизма, в какой бы форме он ни проявлялся. В своем докладе на XII съезде ИКП Л. Лонго вновь с особой силой отмечал, что итальянские коммунисты всегда стоят на стороне Советского Союза, всех социалистических стран, чья роль была и остается решающей в деле защиты мира, свободы, лучшего будущего земли.

Луиджи Лонго исполняется семьдесят лет. Советские коммунисты шлют ему в этот день горячий привет и желают бодрости, крепкого здоровья, больших успехов в борьбе за интересы трудового народа Италии, за великие идеалы коммунизма.

А. ЩЕБЛАНОВ

На снимке — товарищ Луиджи Лонго.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Второй номер нашего журнала за 1970 год был посвящен ленинской внешней политике Советского Союза. Наряду с другими известными политическими деятелями на страницах «Огонька» выступил глава государства Камбоджа принц Нородом Сианук. Получив этот специальный номер «Огонька», глава государства Камбоджа направил в адрес журнала следующее письмо:

Господину Анатолию Софронову
Главному редактору журнала «Огонек»

Господин главный редактор!

Я получил второй номер журнала «Огонек» за 1970 год, который Вы любезно направили мне, а также Ваше письмо. Искренне благодарю Вас за это и за Ваши пожелания.

Я высоко оценил замечательное выступление Вашего журнала и очень хочу поздравить Вас с этим. Я очень рад, что благодаря Вашему доброжелательству Камбоджа была представлена в панораме советской внешней политики. СССР всегда занимал особое место во внешней политике моей страны, и я глубоко счастлив видеть — особенно благодаря таким выступлениям, как в этом номере,— что дружба двух наших народов безгранично укрепляется и развивается.

Прошу Вас, господин главный редактор, принять уверения в моем высоком и дружеском уважении.

Нородом Сианук.

ОТПОР ПРОВОКАТОРАМ

Четвертого марта в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась пресс-конференция для советских и иностранных корреспондентов. Ее открыл заведующий Отделом печати МИД СССР Л. М. Замятин. Группа общественных, государственных деятелей, работников искусства и литературы, научных работников — граждан СССР еврейской национальности,— сказал он,— обратилась с просьбой предоставить ей возможность выступить перед советскими и иностранными журналистами с заявлением.

Текст этого заявления огласил доктор экономических наук профессор Л. М. Володарский.

— Советские патриоты и интернационалисты,— говорится в заявлении,— мы презираем смехотворные претензии правителей Израиля и их сионистских сообщников в других странах говорить от имени всех евреев. У евреев-тружеников, как и у прогрессивных людей всех других наций и народностей мира, нет и не может быть ничего общего с сионистскими расистами.

На вопросы корреспондентов отвечали — депутат Верховного Совета СССР В. Э. Дымшиц, генерал-лейтенант танковых войск, дважды Герой Советского Союза Д. А. Драгунский, академик М. Б. Митин, первый заместитель председателя облисполкома Еврейской автономной области И. Л. Бокор, народная артистка РСФСР Э. А. Быстрицкая и другие.

На снимке: в президиуме пресс-конференции. На трибуне — Л. М. Володарский.

Фото В. Егорова (ТАСС).

ДИКАЯ ПОЛЫНЬ ШОВИНИЗМА

Цезарь СОЛОДАРЬ

В сентябре 1941 года в винницком гетто гитлеровцы умертвили мою мать.

После войны, приводя в порядок свои фронтовые записи, я установил: в день зверского убийства моей матери я под Вязьмой с группой писателей-фронтовиков присутствовал при допросе четырех пленных эсэсовцев. Верившие еще в легенду о блицкриге, в предстоящий «на днях» по плану фюрера захват Москвы, пленные фашистские выкормыши вначале держали себя на допросе нагло. А самый молодой, гитлерюгендовский деятель, стал вызывающе доказывать, что одна из генеральных задач развязанной фюрером войны — это настоятельнейшая необходимость уничтожить всех «презренных полулюдей-евреев, мешающих расцвету высшей арийской расы».

И даже не верится, что сейчас, накануне четвертьвекового юбилея великой Победы советских войск над фашистской разбойничьей армией, снова раздаются высказывания о национальной исключительности, снова слышатся отголоски бесчеловечных расовых «теорий». Втройне не верится, что вовсю трубят об этом в стране, где обязаны особенно ненавидеть расизм, с безжалостной «обоснованностью» истребивший миллионы людей еврейской национальности.

И все же именно из Тель-Авива слышатся расистские лозунги. Мало того. «Теоретические» разглагольствования сионистов Израиля и их американских покровителей методически подкрепляются страшной практикой эскалации войны на Ближнем Востоке. Пиратские операции воздушных и наземных войск Израиля воскрешают в памяти незабываемые трагедии Бабьего Яра и Лидице, Роттердама и варшавского гетто, 6-го каунасского форта и южновьетнамской деревни Сонгми.

А в это время израильский министр иностранных дел Абба Эбан (при яростной поддержке западногерманских реваншистов!) добивается от правительства ФРГ нового вооружения, дополнительной финансовой поддержки. Именно ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ. Ведь еще со времен Аденауэра правительство ФРГ аккуратнейшим образом субсидирует сионистских правителей Израиля. Делается это под видом выплаты репараций за истребленных гитлеровцами во всем мире евреев.

Сионистские правители Израиля переступили предельную грань кощунства и цинизма! Мне страшно и больно подумать, что на западногерманские марки, заплаченные тель-авивским фарисеям за труп моей матери, был, возможно, снаряжен летчик, сбросивший первую бомбу на мирный заводской поселок Абу-Заабаль близ Каира. А окровавленные сребреники, которые сейчас выкачают из казны ФРГ сионистские друзья освенцимских и майданековских палачей, накоплены, может быть, от продажи золотых зубов, вырванных гитлеровскими палачами из трупов жертв винницкого гетто. Поистине все возвращается на круги своя...

Вчитайтесь внимательно в истерические, геббельсовского жанра заклинания Голды Меир, Моше Даяна и прочих сионистских правителей Израиля: как исступленно тщатся они внушить еврейской молодежи других стран, что ее святой долг — пополнить скудное население Израиля. А как же иначе? Ведь израильским «ястребам» нужны новые резервы пушечного мяса, нужны солдаты, способные безжалостно изгонять немощных стариков и крошечных детишек из родных домов, нужны военные летчики, готовые в любой момент хладнокровно, с точным прицелом, обрушить смертоносный бомбовый груз на мирные арабские города!

Такие призывы напоминают мне ламентации американского фабриканта и банковского дельца, одного из руководителей, вернее, владельцев сионистской организации в Филадельфии. Его отдых в ультрароскошном курортном отеле «Бродмоор» в Колорадо-Спрингс совпал с прошлогодним чемпионатом мира по фигурному катанию в этом американском городке. Энергично массируя свой внушительный, в синих прожилках живот перед спуском в наполненный подогретой водою бассейн, преуспевающий филадельфиец наставительно ораторствовал:

— Израилю нужна молодежь, очень нужна. И святой долг евреев всего мира — послать своих детей учиться и работать в Израиль!

— Вы, конечно, уже выполнили свой святой долг? — тут же спросил проповедника в купальных трусиках один из наших спортивных журналистов.

Благодушную улыбку на физиономии филадельфийского бизнесмена сменило выражение холодной деловитости:

— Мой сын обязан сохранить и, как принято в Штатах, умножить все, что я оставлю ему в наследство. А Израиль ждет молодых людей, которые не могут никогда рассчитывать на то, что у вас называют крупной частной собственностью.

— Точнее говоря, переезд в Израиль вы рекомендуете только молодым людям еврейского происхождения из социалистических стран. Уж они-то наверняка не получат в наследство ни фабрик, ни банков, ни фирм, ни ферм. Так?

Подчеркнуто сжав губы, филадельфийский покровитель Израиля, держась за металлические поручни, молча стал спускаться в бассейн.

Но сами израильские заправилы сегодня гораздо откровенней своего американского радетеля. Они не скрывают, что население Израиля должно пополниться за счет молодежи социалистических стран, в частности нашей Советской Родины.

Безумцы! В бесноватом рвении доказать исповедуемую и поднятую современным сионизмом на щит расистскую «теорию» исключительности еврейской нации, они смеют уповать на подобные химеры. И происходит это более чем через полвека после того, как сбылась заветная мечта выдающегося народного писателя Шолом-Алейхема о том, что над стонущей под ярмом самодержавия Россией «взойдет солнце».

Солнце взошло, прекрасное солнце ленинизма. И его живительные, жизненосные лучи навсегда сожгли в среде единых со всем советским народом граждан еврейского происхождения ядовитые ростки сионизма. Да, того самого сионизма, что в рафинированном виде издавна является верным прислужником, сателлитом антисемитизма.

Недаром наиболее реакционные круги антисемитских фашистских организаций Америки рьяно, а главное, щедрыми подачками поддерживают правосионистскую «Лигу защиты евреев», стяжавшую недавно печальную известность попыткой сорвать испытанными методами гитлеровских штурмовиков концерты выдающихся советских музыкантов Кирилла Кондрашина, Святослава Рихтера, Давида Ойстраха.

Вероятно, филадельфийский толстосум, сетовавший на то, что соревнования фигуристов в Колорадо-Спрингс отсрочили «щекочущие нервы» скачки диких мустангов с обязательным убийством на глазах у зрителей загнанных животных, стал ныне одним из главных заправил филадельфийского отделения расистской «Лиги защиты евреев». Ведь она без остатка посвятила себя тому, что весьма на руку разбогатевшим американцам, независимо от их происхождения: борьбе с «красными» по убеждению и «черными» по цвету кожи. Сию лигу с полным правом можно было бы именовать «Лигой защиты фашизма»!

В преддверии двадцатилетия Победы над гитлеровским рейхом я ездил по дорогам войны Польши и ГДР. В Варшаве мне показали потрясшие сердце документальные свидетельства мужества белорусских и украинских партизан, с риском для жизни спасавших от фашистской погони евреев, которым удалось прорваться сквозь колючую ограду зловещего варшавского гетто. А в Берлине на углу Фридрихштрассе и Унтер ден Линден я в точности вспомнил место, откуда первого мая 1945 года три советских солдата — русский, азербайджанец и башкир — поползли под огнем гитлеровских снайперов с горячей пищей для умиравших от голода в близлежащем подвале немецких детей и стариков.

Не от таких ли советских патриотов, не от их ли детей, свято верных ленинским принципам интернационализма, собирается нас «спасти» родственная куклуксклановцам «Лига защиты евреев»?

Мне довелось видеть, с каким непомерным усердием выполняли свои гнусные обязанности агенты этой лиги. Где? Представьте себе, именно там, где декларировалась полная отрешенность от политики — на Олимпиадах в Гренобле и Мехико. Кто? Журналисты и спортивные руководители Израиля. (Времени для этого у них вполне хватило: в Гренобле не было ни одного израильского спортсмена-олимпий-

ца, а в Мехико израильская команда тоже не отличалась особенной многолюдностью.)

Агенты пресловутой лиги, словно гончие, охотились за спортсменами и тренерами еврейской национальности. Они запихивали в сумки и подбрасывали в комнаты сионистские листовки и приглашения на встречи «братьев по крови и духу». В Мехико под дирижерством редактора израильской спортивной газеты господина Александри была предпринята попытка организовать «международную встречу» евреев-спортсменов. Сионистская организация Мехико любезно предоставила для этой цели помещение своего спортивного клуба, содержащегося на средства небольшой кучки банкиров и предпринимателей. Господин Александри и его коллеги всеми силами старались уведомить приглашенных на встречу спортсменов, что для развлечения гостей приглашены самые пикантные представительницы древнейшей профессии, какими только располагает Мехико. Применялись даже такие грязные торгашеские приемы, как всучивание приглашений на бесплатные ужины в мексиканском ресторане «Тель-Авив».

Помните, господин Александри, как накануне закрытия Олимпиады вы стояли с озабоченным лицом на пороге этого ресторана, расположенного близ филиала пресс-центра в гостинице «Мари-Исабель», и сконфуженно сокрушались по поводу того, что ни один советский олимпиец не клюнул на «заманчивое» приглашение. И уж наверняка не забыли, что в распространяемой вами печатной продукции неизменно подчеркивалось: приглашения исходят не от израильского олимпийского комитета, а от американской «Лиги защиты евреев».

Те, кто сегодня в Соединенных Штатах поддерживает хулиганскую деятельность лиги и экстремистские стремления сионизма, практически возрождают худшие, позорнейшие страницы истории своей страны. Еще при жизни Шолом-Алейхема в Америке неожиданно было прервано из-за «нехудожественности» издание его повести «Мальчик Мотл» — чудесной книги, над которой Максим Горький «смеялся и плакал», подчеркнув, что «вся она искрится такой славной, добротной и мудрой любовью к народу». А сегодня творения классиков еврейской литературы издаются в урезанном виде уже не только в Америке, но и в... Израиле.

И это понятно. Разве могут сионистские правители примириться с таким, скажем, высказыванием широко издающегося в Советской стране писателя-демократа Ицхок-Лейбуша Переца: «Мы не хотим выпускать из рук общечеловеческое знамя и не хотим сеять ни шовинистическую дикую полынь, ни фанатический терновник тунеядской философии. Мы хотим, чтобы еврей чувствовал себя человеком, чтобы он участвовал во всем человеческом, имел человеческие стремления...»

Сионисты этого не хотят, ибо истинно человеческие стремления им чужды, как были чужды тем, кто потрясает клейменными свастикой флагами неонацизма на берегах Рейна, кто сжигает напалмом детей Вьетнама!

Среди трудового люда Израиля все больше и больше граждан начинают понимать чудовищность и губительность агрессивно-фашистских планов руководителей страны, обезумевших в шовинистическом угаре. Речь идет не только о коммунистах и комсомольцах Израиля, честно и самоотверженно борющихся с кровопролитным и бесчеловечным «Движением за Великий Израиль» — ядовитой помесью сдобренного фашистской приправой национализма и замешенной на религиозном фанатизме политики империалистических агрессий. Нет, и многие израильтяне, не входящие в ряды компартии и комсомола, с нарастающей тревогой постигают кровожадную сущность сионизма и осознают, в какую бездонную пропасть тащат их страну подогреваемые западными покровителями оголтелые сионистские лидеры.

Не случайно накануне последних выборов в израильский кнессет (парламент) предприниматели увольняли с работы, а власти лишали свободы передвижения почти каждого, кто хоть на йоту подозревался в том, что на выборах отдаст свой голос коммунистам. Кстати, выборы были проведены в точности по американскому образу и подобию: коммунистическому кандидату нужно было практически собрать чуть ли не в полтора раза больше голосов, нежели представителю всех иных — исповедующих сионизм — партий.

Когда я с гордостью думаю о тех, кто стремится выкорчевать вредоносный терновник сионизма, мне, советскому драматургу, приходят на память пламенные слова Уриэля Акосты из одноименной исторической трагедии Карла Гуцкова, прогрессивного немецкого драматурга первой половины XIX века. Непреклонный разоблачитель фарисейских стремлений воинствующего иудаизма, глашатай свободомыслия, Акоста не соглашается отказаться от борьбы за правду и уверенно восклицает:

Кто хочет Истину познать — не смеет
Ее венец суровый отстранить
И уклониться от сражений духа!

Познавшие бессмертную Истину ленинской правды, граждане еврейского происхождения первого в мире социалистического государства, а по их примеру трудящиеся евреи всех стран выиграют сражение духа с шовинистической неправдой сионизма, с дикой полынью его тунеядской философии.

Все жаждущие мира люди планеты обуздают израильских агрессоров и укротят сионистских главарей милитаристского «Движения за Великий Израиль», грозящего человечеству новыми кровопролитиями. И не спасут тель-авивских шовинистов ни нацистские друзья из Бонна, ни наживающиеся на военных авантюрах американские покровители!

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В ИНТЕРЕСАХ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Владимир НИКОЛАЕВ

В наш век небывалого развития средств информации и транспортных коммуникаций планета Земля, когда-то казавшаяся людям безграничной, вдруг как бы резко уменьшилась. Событиями этой минуты, случившимися в одном месте, в ту же самую минуту живут люди всех континентов.

К сожалению, многие события, эхо которых то и дело отдается в разных уголках Земли, приносят не радость, а горе, вызывают гнев и возмущение. Но и в наш тревожный век люди нередко слышат такие известия, которые вселяют в них уверенность, укрепляют надежду, зовут на борьбу за правое дело, несмотря ни на какие трудности и преграды. Именно такой была весть о вступлении в силу Договора о нераспространении ядерного оружия.

Есть немало острых и неотложных международных проблем, которые касаются всех. Но избавление человечества от угрозы ядерной войны — это самый насущный вопрос, требующий своего разрешения.

Пятого марта в Москве состоялся акт сдачи на хранение ратификационных грамот Договора о нераспространении ядерного оружия, и с этого момента он вступил в силу. Под ним стоят подписи почти ста государств!

Государства — участники Договора, обладающие ядерным оружием, обязуются не передавать это оружие кому бы то ни было ни прямо, ни косвенно и не помогать в его производстве или приобретении. В свою очередь, государства, не обладающие ядерным оружием, обязуются не производить и не приобретать такое оружие. Отныне эти принципы, зафиксированные Договором, становятся одной из важнейших норм международного права. А это обязательство накладывает ответственность не только на участников Договора, но и на тех, кто его еще не подписал.

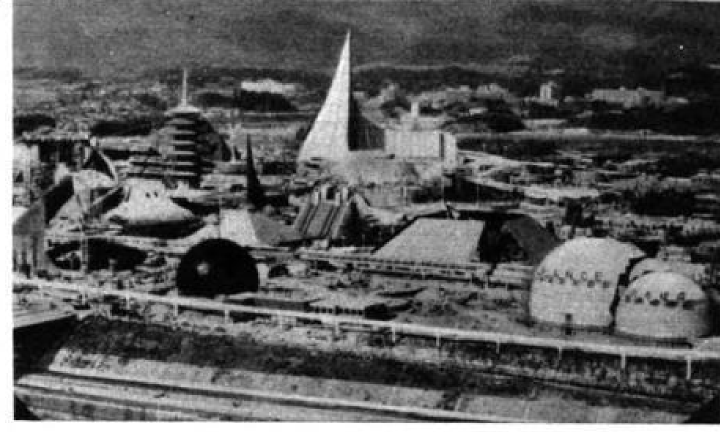
Вступивший в силу Договор не решает всех проблем, связанных с избавлением человечества от угрозы ядерной войны, но он является существенным шагом, ведущим к этой цели. Ведь на каждом пути, длинном или коротком, важно сделать первые шаги. А путь этот будет не из легких. Перед участниками Договора теперь встают серьезные задачи. Взять хотя бы вопрос о контроле, который должен быть надежным и должен быть введен в действие в установленные Договором сроки. Договор о нераспространении ядерного оружия не ликвидирует еще сами ядерные вооружения. А пока они существуют, есть и реальная опасность ядерной войны. Поэтому настоятельно требует своего разрешения проблема прекращения гонки ядерных вооружений. В свою очередь, этот вопрос самым тесным образом связан со всеобщим и полным разоружением, без которого мирная жизнь народов всегда будет находиться под угрозой.

Широко известен тот большой вклад, который вносит Советский Союз в борьбу за ослабление международной напряженности, в том числе и за ликвидацию ядерной опасности. Инициатива нашей страны сыграла немалую роль и в том, что был заключен Договор о нераспространении ядерного оружия. Советский Союз неустанно выступает за всеобщее и полное разоружение. Об этом говорят усилия советских представителей на международной арене, в том числе в рамках Женевского комитета по разоружению, усилия по достижению соглашений о прекращении гонки вооружений, прежде всего ракетно-ядерных.

Мы реалисты. Мы не ожидаем, что в современной международной обстановке можно в один прекрасный день добиться согласия разных сторон и сразу договориться о всеобщем и полном разоружении. Поэтому мы предлагаем продвигаться в этом деле шаг за шагом, опираясь на добрую волю и преодолевая многочисленные трудности. На этом пути, например, необходимо заключить Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов химического и бактериологического оружия и его уничтожении; необходимо договориться о запрещении размещения на дне морей и океанов ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. В конце прошлого года начался наш диалог с Соединенными Штатами по вопросам сдерживания гонки стратегических вооружений. Советское правительство придает важное значение этому диалогу и серьезно готовится к переговорам на эту тему, начинающимся в Вене в апреле этого года.

Можно приводить и приводить примеры мирной инициативы Советского Союза. В этом мы не одиноки. Страны социалистического лагеря также упорно и последовательно отстаивают дело безопасности народов. К сожалению, такая инициатива наталкивается на агрессивную политику империалистических сил, которые выступают против сотрудничества между государствами с различным общественным строем. Эти силы вбивают клинья в дело мира и во Вьетнаме, и в Лаосе, и на Ближнем Востоке, и в других районах. Как ни странно, урок Вьетнама ничему не научил сторонников агрессивного курса во внешней политике США. Налицо тенденция к дальнейшему втягиванию Соединенных Штатов в ближневосточный конфликт на стороне Израиля. Такая политика не может не замедлять продвижения по пути к ослаблению международной напряженности. Но народы все решительнее требуют подлинных гарантий мира и безопасности. Вступивший в силу Договор о нераспространении ядерного оружия — одна из таких реальных гарантий.

НА СТАРТЕ — EXPO'70

Юрий БАНДУРА

Пробиться к Кэндзо Тангэ нелегко: он человек непоседливый. Первая просьба о встрече — и первая неудача: «Г-н Тангэ за границей. Вернется через пару недель». Вторая просьба — вторая неудача: «Г-н Тангэ в Осака. Будет через пару дней». И лишь третья попытка оказалась успешной: «Г-н Тангэ готов принять вас». И вот я наконец в мастерской генерального архитектора «ЭКСПО-70», прославленного метра современного японского зодчества Кэндзо Тангэ.

Мы сидим в небольшом кабинете на шестом этаже современного здания, названного «Зеленой фантазией», хотя ближайшая «зелень» — метрах в семистах, в парке Мэйдзи. Снизу сюда доносится нескончаемый однообразный гул автомашин. В кабинете душно: мода на центральное отопление заставляет то и дело вытаскивать из кармана платок. Передо мною на низком столе пестрая схема, испещренная множеством разноцветных квадратиков, ромбов, овалов...

Непосвященному ничего не стоит запутаться в них, но узкий, длинный палец г-на Тангэ уверенно хозяйничает в этой геометрической комбинации.

— Продумывая общий вид «ЭКСПО», мы исходили из того, что главный тон зададут зарубежные павильоны. Они цветы на древе нашей выставки. А вот эти линии — ветви, дорожки для пешеходов: мы подняли на опоры большие пластмассовые трубы, внутри них проложили эскалаторы, так что посетителю добраться до любого «цветка» будет нетрудно. Видите широкую полосу, от которой идут ветви? Это ствол древа — Площадь празднеств. Линии, которые идут перпендикулярно стволу,— железнодорожные ветви, автомагистраль — это уже сама земля «ЭКСПО». Ну как, похож наш план на дерево?

Я согласно киваю: да, похож.

— «ЭКСПО» не мимолетный гость. Она будет жить на Японских островах полгода. И сезон дождей и летняя жара — все ей достанется. Но посетителям особенности нашего климата не помешают: над Площадью празднеств мы соорудили гигантскую кровлю из металлоконструкций. Под нею умещается не только площадь, но и все, что мы включили в «Зону символа» выставки: центральный выставочный театр, павильон искусств и еще разные сооружения. Так что если вас по дороге в Осака застигнет дождь, вы не беспокойтесь: сумеете посмотреть все и «выйти сухим из воды». А жара тоже вас пусть не беспокоит: везде, где только можно, мы поставили установки для искусственного охлаждения воздуха.

Я благодарю Кэндзо Тангэ за заботу. Ведь мне, как и моим собратьям-журналистам, скоро придется часто ездить по маршруту Токио — Осака и обратно. Я прошу моего собеседника поделиться мнением о павильонах, которые вот-вот распахнут двери перед посетителями.

В ответ он смущенно улыбается:

— Извините, но лучше я пока воздержусь от суждений. Каждая страна — участник выставки строила что хотела и как хотела, вкладывая в проекты свою выдумку, опыт, возможности. Уже только одно это достойно похвалы. Правда, о советском павильоне я могу уже сейчас сказать: он мне понравился. Уверен, что все, кто побывает на выставке, оценят его по достоинству.

Похвалы в адрес нашего павильона мне приходилось в эти дни слышать много раз. На днях я вернулся из Осака, снова обошел еще раз многие павильоны и снова порадовался успеху наших архитекторов. Да, наш «серпастый и молоткастый» громаднейший стяг впечатляет. Этот символичный, величественный монумент достойно представляет на этой грандиозной выставке Советский Союз в год столетия со дня рождения В. И. Ленина.

Об экспонатах, которые расскажут посетителям о нашей стране, о жизни и труде советских людей, пока известно немногое: ведь выставка еще не открылась, и газетчики могут только гадать о том, что же там, за геометрической пестротой архитектурных форм. Ждать осталось недолго — 15 марта двери павильонов широко распахнутся перед миллионами посетителей.

А пока в эти дни умелые руки художников-мастеров наносят последние штрихи и декораторы торопливо завершают свою работу. И хотя позади три напряженных подготовительных года и, казалось бы, все уже давно сделано, заботы не дают ни минуты передышки всем, кто так или иначе связан со стартом «ЭКСПО-70».

Пятьдесят миллионов будущих посетителей выставки многим задают головоломки. Организаторы вынуждены были пойти на поклон в буддийские храмы: «Спасайте! Нам негде расселить гостей!» Жителям близлежащих к выставке районов было предложено предоставлять кров родным, близким, знакомым, которые приедут из других мест страны. Вспышка жилищного кризиса закономерна — первоначально число посетителей выставки предполагалось не больше 30 миллионов. В расчете на эту цифру и планировалось строительство новых гостиниц. Но расчеты подвели, и куда же теперь девать «уточненные» еще 20 миллионов?

Свои проблемы и у местной дорожной полиции — по направлению к выставке и от нее ежедневно должно, по примерным подсчетам, проезжать до 200 тысяч машин. Пропускная способность дорог невелика. Что делать с автотранспортом? Пока блюстители порядка нашли лишь одно решение: начинать наводить «строгий» порядок на дорогах уже за 300 километров до выставки. Правда, сомнительно, что этим поможешь делу... Газета «Джапан таймс» предложила, например, обратиться с призывом к владельцам автомашин не пользоваться собственным транспортом и добираться до выставки поездами и автобусами. Но попробуйте переубедить тех, кто обзавелся машинами, поддавшись на рекламу автомобильных фирм: «На «ЭКСПО» — в своей машине!»

Реклама — тоже одна из проблем. Бизнес есть бизнес, и дельцы не упускают шансов.

На прошлой Всемирной выставке в Монреале японский павильон был подвергнут прессой резкой критике. Известный экономический обозреватель Банди писал тогда в «Гэзетт»: «Япония игнорирует дух международных выставок. Хотя такие выставки должны отражать историю и культуру стран-участниц, Япония заполнила свой павильон такими объектами коммерции, как телевизоры и фотоаппараты». Критика, казалось, не прошла незамеченной. Электротехнический король Мацусита, например, заявил однажды: «Наше отношение к международным выставкам глубоко ошибочно. Всемирная выставка — нечто вроде конкурса на культурный уровень стран-участниц, и было бы неправильно отдельным предприятиям участвовать в экспозиции на основании коммерческих расчетов».

Увы, за прошедшие с того времени три года изменилось хотя и многое, но далеко не все. На «ЭКСПО-70» концерн Мацусита представлен отдельным павильоном, в котором проводится экспозиция на тему «Традиции и развитие: людям, которые будут жить 5 000 лет спустя». На строительство павильона концерн израсходовал более 1 миллиарда иен, но, будучи организацией чисто коммерческой, он не может, видимо, позволить этому миллиарду «пропасть». И вот в бюджете концерна появляется новая статья еще на полмиллиарда. В счет этих ассигнований Мацусита собирается пригласить на выставку около 16 тысяч хозяев сбытовых фирм и посреднических контор, в том числе почти тысячу человек из-за границы. Приглашенным собираются показывать не только «ЭКСПО», но и заводы Мацуситы.

— Как вы понимаете главную цель выставки? — спросил я, прощаясь с Кэндзо Тангэ. Он ответил:

— Видите ли, мы бы не хотели превращать «ЭКСПО» в демонстрацию наших достижений, нашего уровня развития культуры. Это, конечно, тоже нужно, но куда важнее другое: собрать на выставке народы мира, предоставить им возможность встретиться как друзьям, чтобы они лучше узнали друг друга, лучше поняли друг друга. Всемирные выставки должны быть не витриной для рекламы мощи или отличительных особенностей отдельных стран, а праздником всех народов.

Токио, март.

И. Роднина и А. Уланов.

НАШИ — ЧЕМПИОНЫ

Первенство мира по фигурному катанию принесло новый большой успех советским спортсменам. Чемпионы мира прошлого года Ирина Роднина и Алексей Уланов подтвердили свое звание и в 1970 году. Впервые на высшую ступень пьедестала почета поднялся наш танцевальный дуэт — Людмила Пахомова и Александр Горшков. Серебряная медаль досталась дебютантам мирового чемпионата — мастерам парного катания Людмиле Смирновой и Андрею Сурайкину.

В одиночных разрядах высшие награды оставили за собой Габриэль Зейферт (ГДР) и Тим Вуд (США).

Л. Пахомова и А. Горшков (в центре) — на пьедестале почета.
Фото А. Бочинина и ТАСС.

сти Узбекистана были печально «известны» своей поголовной безграмотностью. По переписи населения 1897 года процент грамотности, например, в Ферганской и Самаркандской губерниях колебался где-то возле нуля. Сейчас в Узбекистане тридцать восемь вузов.

Что же касается структуры высшей школы, иначе говоря, ее профилирования по отраслям знаний, то выглядит она следующим образом. Больше всего вузов, готовящих работников просвещения и культуры, и университетов — их насчитывается 266. Особо остановлюсь на университетах. Сейчас их пятьдесят против двенадцати в 1914 году и 29 в предвоенном 1940 году. Они стали подлинными центрами науки и культуры. Им принадлежит особая роль в подготовке высокообразованных людей широкого профиля по многим естественнонаучным и гуманитарным дисциплинам. Воспитанники университетов успешно трудятся в различных отраслях народного хозяйства, в научных учреждениях, а также преподают в средней и высшей школе.

У нас сложилась достаточно стройная система подготовки кадров высшей квалификации и для промышленности и транспорта, строительства и связи. В ее орбите 237 вузов против 18 в 1914 году и 130 в 1940 году. Будущие инженеры приобретают не только глубокие теоретические знания, но и необходимый практический навык, который позволяет им сразу же после защиты дипломного проекта включиться в работу завода, фабрики, стройки. Чрезвычайно богат и разнообразен перечень специальностей. Тут инженеры по энергетике и металлургии, машиностроению и приборостроению, электронной технике, электроприборостроению и автоматике, радиотехнике и связи. Специалисты по химической технологии, лесоинженерному делу и технологии древесины, целлюлозы и бумаги... Кстати, в прошлом, 1969 году вузы СССР готовили кадры по 400 специальностям. Это число не остается стабильным, а определяется современными требованиями народного хозяйства.

Третье место по удельному весу на вузовской шкале поделили между собой здравоохранение, физическая культура и спорт и сельское хозяйство. Они имеют почти одинаковое количество вузов: 99 медицинских и физической культуры против 6 дореволюционных и 98 сельскохозяйственных против 14. Об их значимости говорить не приходится. Она общепонятна. Подчеркну только, что за последние годы в связи с высокими требованиями, предъявляемыми к колхозам и совхозам, резко возросло количество студентов-аграрников. Сегодня их без малого полмиллиона, примерно столько же молодежи занимается в университетах страны.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА». Как меняется социальный и возрастной состав студенчества? О чем говорят социологические исследования в этой области?

Министр. Сразу же после Октябрьской революции перед страной встала задача создания своей интеллигенции из среды рабочих и крестьян, которая была бы неразрывно связана с народом, глубоко предана ему и являлась бы носителем революционных идей пролетариата. Неоспоримую роль в создании такой интеллигенции должна была сыграть высшая школа. Поэтому первыми же декретами Советского правительства были отменены все национальные, сословные и другие ограничения, существовавшие при приеме в университеты и институты.

Как известно, 2 августа 1918 года В. И. Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения РСФСР представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». «На первое место,— подчеркивалось в этом постановлении,— безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии».

Так Советская власть широко распахнула двери в вузы. Однако надо было еще помочь рабочим и крестьянам успешно заниматься. Для этого были созданы подготовительные курсы, а позднее рабочие факультеты — рабфаки. Возник новый тип учебных заведений, призванных решить задачу пролетаризации высшей школы. И уже в 30-е годы рабочие, крестьяне и их дети составляли абсолютное большинство — до 76 процентов — студентов вузов всех профилей — технических, сельскохозяйственных, педагогических и медицинских. Безусловно, прием в вузы по классовому принципу дал в свое время положительные результаты. В дальнейшем, по мере развития социалистического общества, высшая школа перешла к приему по свободному конкурсу.

О чем же говорят современные статистические данные? Социальный состав студенчества с каждым годом изменяется в сторону увеличения детей рабочих и колхозников. В дневные высшие учебные заведения поступают главным образом юноши и девушки в возрасте 17—20 лет. Примечательно, что и теперь, когда внимание обращается не на анкету, а на знания, обнаруженные на вступительных экзаменах, эта пропорция соблюдается сама собой, без каких бы то ни было ограничений. Как правило, детей рабочих и колхозников более половины среди всех обучающихся. В заочных и вечерних высших учебных заведениях до 60—70 процентов — рабочие и колхозники.

Как известно, до Октябрьской революции абсолютное большинство нерусских национальностей не имело доступа к образованию.

Интересны социологические исследования и в этой области. Они подтверждают: в советских вузах обучаются дети буквально всех без исключения народов, живущих в СССР. Я уже говорил о сети высших учебных заведений в союзных республиках, располагающих современной учебно-материальной базой и квалифицированными профессорско-преподавательскими кадрами. А сколько институтов и университетов создано в автономных республиках и областях! Учтите, что в советских вузах занимаются представители еще 126 других стран мира. Вот оно, реальное воплощение ленинского принципа пролетарского интернационализма!

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА». Еще один вопрос, касающийся социального состава студенчества. Если с поступлением в высшую школу все обстоит благополучно, то какими, однако, соображениями вызвано открытие осенью прошлого года подготовительных отделений при некоторых вузах — своеобразных рабфаков наших дней?

Министр. Самыми гуманными и справедливыми. Дело в том, что молодой сталевар, допустим, кончающий вечернюю школу, или хлопкороб, проработавший значительную часть года в поле, или строитель, возводивший плотину ГЭС, даже при всех своих способностях отвечают на конкурсных экзаменах хуже, чем десятиклассник, только что получивший аттестат. Объясняется это не только одаренностью того или иного абитуриента. У школьника много привходящих, помогающих ему обстоятельств. Ни для кого не секрет, что дневная, особенно городская, школа дает более прочные знания, чем вечерняя или заочная, что во многих семьях распространена домашняя, ориентирующая на определенный факультет дополнительная подготовка, что, наконец, знания у десятиклассников более свежие и крепкие, чем у человека, который кончал школу несколько лет назад.

Чтоб устранить такое неравенство, государство взяло на себя заботу по подготовке рабочей и сельской молодежи к поступлению в вузы. Естественно, что приток лучших производственников, направленных коллективами предприятий, повлияет на социальный состав студенчества. На подготовительных отделениях 190 вузов страны уже обучается двадцать с лишним тысяч человек; три четверти из них — рабочие, остальные — колхозники и демобилизованные воины. После сдачи выпускных экзаменов, согласно новым условиям приема в 1970 году, они будут зачислены в вузы. В дальнейшем количество слушателей таких отделений составит пятую часть всех мест дневного обучения.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА». В. И. Ленин неоднократно подчеркивал огромное значение политического образования молодежи, воспитания ее в духе «истых коммунистов», способных окончательно осуществить коммунизм. Как поставлено в высшей школе преподавание основ марксизма-ленинизма? Что делается для того, чтобы будущие специалисты были способны противостоять любым проискам буржуазной и ревизионистской идеологии?

Министр. С именем Ленина связано введение в советских высших учебных заведениях изучения марксистской революционной теории. В декабре 1920 года Владимир Ильич подписал постановление Совета Народных Комиссаров о реорганизации преподавания общественных наук в вузах РСФСР, которое в то время было необходимо ввиду «крайней устарелости учебных планов, программ и методов преподавания общественных наук», а также «совершенной неприспособленности этого преподавания к основным потребностям советского строительства». На следующий год постановлением Совнаркома за подписью Ильича были учреждены институты по подготовке красной профессуры — преподавателей социально-экономических наук в высшей школе, были созданы в университетах новые факультеты общественных наук, во всех вузах был введен обязательный минимум общественных дисциплин.

С тех пор советская высшая школа накопила большой опыт преподавания социально-экономических наук. Ныне во всех наших вузах студенты изучают историю ленинской Коммунистической партии, философию, политическую экономию и научный коммунизм.

В учебных программах усилена критика современной буржуазной идеологии и ревизионизма. Нашу молодежь глубоко волнуют и этические вопросы, борьба с пережитками прошлого в сознании людей. В связи с этим в вузах введено преподавание научного атеизма, марксистско-ленинской этики и эстетики.

Все это вооружает студенчество научным мировоззрением, правильным пониманием законов общественного развития и классовой борьбы, ясным сознанием конечной цели революционного движения рабочего класса и всех трудящихся — построения коммунистического общества.

Студенты пишут доклады и рефераты по актуальным социально-политическим проблемам, все чаще выступают перед населением с лекциями, докладами и беседами, овладевая навыками агитационно-пропагандистской и организационно-политической работы, активно участвуют в конкурсах на лучшую научную работу по общественным наукам.

В эти дни проходит III Всесоюзный конкурс студенческих работ по проблемам общественных наук, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения. В нем участвуют сотни тысяч студентов. Знаменательно, что большинство тем, которые разрабатываются ими, посвящено жизни и деятельности В. И. Ленина. Вопросы истории студенты связывают с современными задачами, конкретно решаемыми в вузе, городе, республике... В Донецком университете успешно идет семинар по проблеме «В. И. Ленин об управлении», а в Красноярском педагогическом институте — о политической ссылке в Енисейской губернии...

Совсем недавно в Актовом зале Казанского университета, где в декабре 1887 года бурлила знаменитая студенческая сходка, работала Общесоюзная интернациональная студенческая научная конференция, прошедшая под лозунгом «В. И. Ленин — вождь и учитель трудящихся всего мира». В ней участвовали студенты из сорока четырех стран. Некоторые доклады, сделанные ими, настолько глубоки и серьезны — назову, к примеру, работу Мухаммеда Мохе эль Дина «Коммунистическая партия Судана в борьбе за претворение в жизнь ленинских идей национального и социального освобождения»,— что можно отнести их к разряду историко-партийных исследований, достойных опубликования.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА». В техникумах занимается четыре с половиной миллиона молодежи — примерно столько же, сколько в вузах. Какова специфика среднего специального образования?

Министр. В стране свыше 4 тысяч учебных заведений, призванных готовить специалистов среднего звена. Специфика среднего специального образования в том, что учащиеся изучают общеобразовательные предметы в объеме средней школы и одновременно получают теоретическую и практическую профессиональную подготовку, необходимую

Начало см. на стр. 1.

для работы организаторами и техническими руководителями первичных звеньев производства, а также непосредственными исполнителями особо сложных операций. Современному высокомеханизированному и автоматизированному производству требуется немало профессионалов такого класса. Не случайно в отличие от вузов в техникумах, как правило, предусматривается более узкая и более конкретная специализация.

В техникумы поступает почти 20 процентов выпускников восьмилетних школ. Преобладающая форма обучения — дневная. Вечерние и заочные отделения — своеобразная форма повышения квалификации работающих в соответствующих отраслях народного хозяйства.

Ежегодно средние специальные учебные заведения выпускают свыше миллиона техников, медицинских сестер, фельдшеров, учителей начальных школ, массовиков, библиотекарей — работников 450 специальностей.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА». В капиталистических странах молодые люди, оканчивающие колледжи и университеты, остаются нередко без работы или вынуждены деквалифицироваться. Существует ли подобная проблема в нашей стране?

Министр. Вопрос интересный. Он напомнил мне встречу с одним крупным чиновником в Англии. Тот рассказывал, что его сын, окончивший юридический факультет Лондонского университета, долгое время не мог нигде устроиться. И вот ему повезло: нашлось место в магазине торговой фирмы. Это не совсем по его специальности, но фирма солидная... Да и он, отец, этому событию очень рад: наконец не придется содержать больше сына...

Да, положение юриста в капиталистической стране часто бывает бесперспективно и безысходно. Если даже ему удается открыть собственную контору, то обнаруживается, что нет клиентов. Невольно я сравнил: попробуйте найти безработного юриста в нашей стране! Потребность в них столь велика, что многие из них работают по совместительству. Юристы нужны каждому предприятию, учреждению, колхозу и совхозу. Впрочем, это касается не только юристов. Возьмите подготовку специалистов для сфер бытового обслуживания. Наши вузы увеличили выпуск инженеров и технологов в этой области. И все мало! Прибавили еще тысячу — и снова недостаточно. Подобная ситуация теперь с экономистами.

Обратного же хода, чтобы человек с дипломом остался за бортом, у нас не бывает. Не может быть! Исключается самим принципом существования высшей школы. Принцип этот в отличие от высшей школы в капиталистических странах, имеющих, кроме государственных, и частные колледжи и университеты, таков: плановый характер ее развития. Покоится он, в свою очередь, на объективном законе планомерного развития всего народного хозяйства. Сколько потребуется специалистов через пять, допустим, лет, столько мы их и выпустим. При этом предусматриваются нужды отраслей промышленности, сельского хозяйства, транспорта, просвещения, науки и культуры, развивающихся опережающими темпами.

Именно поэтому проблемы вынужденной безработицы или деквалификации в связи с отсутствием работы по специальности у нас не возникает. Все выпускники в соответствии с государственным планом распределения с учетом личных пожеланий и склонностей получают направления на работу согласно защищенным дипломам. Спрос всегда есть. Бывают, конечно, отдельные случаи, когда при распределении возникают неувязки, но это единичные случаи, и решаются они индивидуально.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА». Тяга молодежи в высшую школу столь велика, что некоторые руководители сетуют: «Все школьники идут в вузы, кто же придет к станкам?» Каков тут прогноз?

Министр. Опасения, лишенные основания! Средняя школа выпускает в год около 2 миллионов человек, а высшая школа на дневное отделение принимает всего 450 тысяч. На обучение без отрыва от производства идут, как правило, уже работающие люди. Если даже учесть поступающих в средние специальные и профессионально-технические учебные заведения, то даже при этом народное хозяйство ежегодно получает значительное пополнение молодежи из средней школы.

Например, в 1970 году ожидается, что средняя школа выпустит около 2 миллионов человек, из них в вузы на дневное отделение будет принято 490—500 тысяч, в техникумы — около 250 тысяч, в профтехучилища — примерно 235—240 тысяч человек, то есть около миллиона в общей сложности. Вряд ли это соотношение изменится в ближайшие годы.

Не следует забывать и то обстоятельство, что при составлении планов приема учитывается и потребность народного хозяйства в специалистах различных квалификаций.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА». В процессе обучения в вузе часть студентов, как правило, отсеивается. Объясняется ли это все еще недостаточной подготовкой, которую дает средняя школа, или неправильным выбором профессии?

Министр. Действительно, до десяти — двенадцати процентов зачисленных в вуз абитуриентов по тем или иным причинам прерывают учебу, уходят из вузов. Главная из этих причин: поступившие не справились с программой! Возникает вопрос: почему, кто в этом виноват — школа? О перестройке школьных программ говорили последние годы довольно много. Наметились уже некоторые сдвиги. Это показали вступительные экзамены последнего лета: их выдержало большее, чем обычно, число абитуриентов.

Знания школьников становятся лучше, но ведь и требования растут! На первом месте по количеству неудовлетворительных оценок все еще стоит математика. Поступающие, в частности, плохо решают тригонометрические уравнения, не могут построить графики элементарных функций. Не умеют применять свои знания для решения задач по физике. Беспокойство внушает и подготовка поступающих по русскому языку и литературе. Даже претендующие на специальность филолога еще нередко неудовлетворительно знают советскую поэзию и прозу. Имеются серьезные пробелы в грамматике и синтаксисе. Уровень подготовки окончивших сельские школы по-прежнему остается ниже уровня выпускников городских школ...

Все это свидетельствует о том, что новые школьные программы еще не вошли в полную силу, перестройка не завершена.

Вторая, наиболее распространенная причина отсева из вузов — разочарование в выбранной специальности. Плохо, очевидно, помогла система профориентации. Вернее, эта система только еще создается. Шли поиски, ставились эксперименты и школами и вузами. Сами вузы организовывали дни открытых дверей, лекции профессоров в школах, различные олимпиады, физико-математические школы при вузах. К сожалению, вся эта работа была недостаточно скоординирована. Надо полагать, что недавно принятое специальное постановление ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Министерства просвещения СССР и Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию положит конец разобщенности наших усилий. При отделах народного образования создаются межведомственные советы по профессиональной ориентации. Правильный выбор профессии — дело далеко не личное каждого молодого человека, но и государственное.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА». Каков вклад высшей школы в научно-техническую революцию, происходящую в стране? Развитие творческих способностей студентов. Воспитанники высшей школы в науке.

Министр. Вклад советской школы в науку... Если я скажу, что ныне здравствующая плеяда именитых ученых нашей страны, академиков и членов-корреспондентов академий наук во главе со всесоюзной выросла в наше, советское время и воспитана советской высшей школой, то это нисколько не будет преувеличением ее заслуг. Хочу остановиться на другом — на том вкладе, который вносят непосредственно сами вузы в сокровищницу научных исследований. Вот итоги одного только года: вузами разработано 75 тысяч научно-исследовательских тем. Из них более половины вошло в общий народнохозяйственный план. В сорока четырех научно-исследовательских институтах, 350 проблемных и 400 отраслевых вузовских лабораториях успешно разрабатываются оригинальные и перспективные направления, имеющие большое значение для обеспечения научно-технического прогресса. Многим ученым высшей школы присвоены высокие звания лауреатов Ленинской и Государственной премий.

Надо сказать, что столь тесное единение науки и практики, исследовательских поисков и производственных интересов традиционно для русской науки вообще, и истоки его заложены были еще великим Ломоносовым. Не в его ли, не в им ли лично основанной первой в мире химической лаборатории ставились не только научные опыты, имеющие выход в отечественную промышленность, но и происходили практические занятия студентов? В той самой лаборатории Ломоносов прочитал своим студентам знаменитый курс лекций «Введение в истинную физическую химию», заложивший основы этой науки, и его ученики потом совершили в ней свои первые самостоятельные шаги.

Приобщение самых широких студенческих масс к научным изысканиям — вот что характерно и сегодня.

Высшая школа начинает готовить молодую научную смену начиная с первого курса обучения. Способствуют этому научные кружки, студенческие конструкторские бюро, научные студенческие общества, в которых работает около 600 тысяч юношей и девушек — каждый четвертый студент дневного отделения. Именно здесь, на кафедре вместе с профессором, в лаборатории, вырабатывается творческое мышление, формируется личность будущего ученого. Примеров тому предостаточно.

Вот как начинал свой путь ученого и педагога лауреат Ленинской премии профессор МВТУ В. И. Феодосьев. Еще будучи студентом второго курса Бауманского института, он получил обыкновенное задание по сопротивлению материалов — рассчитать пружину. Однако не ограничился этим заданием, расширил свою задачу, темой дипломного проекта стал «Расчет трубок Бурдона». Продолжая работать в избранном направлении, год спустя он защитил кандидатскую диссертацию и в 27 лет стал доктором технических наук. Сейчас по курсовому учебнику профессора Феодосьева по сопротивлению материалов обучаются студенты технических вузов. Аналогичный путь прошел в МВТУ и член-корреспондент АН СССР Е. П. Попов...

Партия, Советское правительство придают большое значение развитию творческой инициативы студентов. В 1956 году было принято специальное постановление Совета Министров СССР о поощрении лучших студенческих работ. Были учреждены для этого специальные медали «За лучшую научную работу». Присуждаются они лауреатам Всесоюзного конкурса, ежегодно проводимого Министерством высшего и среднего специального образования СССР. Назову несколько наиболее важных работ последнего конкурса 1968/69 года. Л. Кузьмин, студент Московского университета, получил весьма интересные, ранее неизвестные результаты в области математики. Л. Кузнецова и С. Чапайкина, студентки Уфимского нефтяного института, открыли и разработали технологию производства «Ниогрина» — вещества, которое избавляет металлические поверхности горнотранспортного оборудования от прилипания и примерзания вскрышных пород. Медали удостоена теоретическая работа студентки Ленинградского механического института Н. Романиной, представляющая интерес для обработки металлов давлением и резанием.

Вуз — только первая ступень по дороге в науку. Вторая — аспирантура. Сейчас в аспирантуре университетов и институтов обучается около 60 тысяч аспирантов — целая армия будущих ученых. Вузы готовят и научных работников высшей квалификации — докторов наук. В так называемую докторантуру с освобождением на два года от всех видов учебно-педагогической нагрузки направляются наиболее перспективные научные сотрудники и преподаватели. Словом, высшая школа терпеливо и заботливо растит исследователей во всех областях знаний. Иначе и не может быть: она призвана, как говорил Ленин, готовить всесторонне развитых людей, людей, которые умеют все делать.

ПЯТЬ ВОПРОСОВ

— ГДЕ НАЧИНАЛСЯ ВАШ ПУТЬ К ЗНАНИЮ?
— КТО БЫЛ ВАШИМ ПЕРВЫМ УЧИТЕЛЕМ?
— КТО ИЛИ ЧТО ПОВЛИЯЛО НА ВЫБОР ВАШЕЙ ПРОФЕССИИ?
— КАКИМ БЫЛ САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ?
— КАКОВЫ ВАШИ ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ?

Люди, к которым наш корреспондент Ванда БЕЛЕЦКАЯ обратилась с этими вопросами, живут за тысячи километров друг от друга, у них разные судьбы, национальности, профессии. Общее у них, пожалуй, одно: 52 года назад их народы не имели даже собственной письменности.

ЯКУТСК

ФИЗИК ИЗ СЕЛА ИННЯХ

А. И. КУЗЬМИН,
доктор физико-математических наук, заместитель директора Института космофизики Сибирского отделения АН СССР

Лаборатория потомка якутских скотоводов Ариана Ильича Кузьмина забралась глубоко под землю. Мерно отстукивают счетчики, регистрирующие космические частицы — предмет исследований ученого. Его работы хорошо известны специалистам по космическим лучам во всем мире. Например, на X международной конференции в Канаде Ариан Ильич докладывал сразу о шести работах, выполненных им и его коллегами — якутскими исследователями.

Мой путь к знаниям начинался в якутском селе Иннях, а первая учительница была русская — Людмила Ивановна Медведева. Много лет прошло с тех пор, но я помню ее так хорошо, будто только вчера она рассаживала нас, якутских ребятишек, за столы в просторной бревенчатой избе, самой большой в селе, отданной под школу. До революции школы у нас не было.

Сейчас трудно сказать, кто повлиял на мой выбор профессии. Мне кажется, я всегда, всю жизнь, как только помню себя, хотел стать физиком. Хотел — это даже не совсем то слово. Я был твердо убежден, что стану физиком, только физиком, и никем больше. И ничто не мешало исполнению моей мечты. Окончил десятилетку, поступил в Якутский педагогический институт на физмат. Когда учился на 4-м курсе, началась война...

Воевал на Дальневосточном и Ленинградском фронтах. И, конечно, как для всего моего поколения, самым счастливым днем для меня было 9 мая 1945 года, день нашей Победы.

Помню, с какой радостью я вернулся на родину. Окончил институт, начал работать.

У меня большая семья: две дочки-студентки и сын-девятиклассник. Ира занимается в Ленинградском университете, станет психологом, а Рая будет, как и я, физиком, учится в Якутском университете.

О планах на будущее скажу только, что хотелось бы превратить нашу лабораторию Института космофизики во всесоюзную базу по исследованию космических лучей. Тут есть для этого все данные: первоклассные исследовательские приборы, благоприятные природные условия (из-за действия магнитного поля Земли космические лучи в области полюсов сыплются, как в воронку). И главное, кадры якутских физиков, для которых изучение частиц высоких энергий стало уже традиционной областью исследования.

ФРУНЗЕ

СЕМЕЙНОЕ ПРИЗВАНИЕ — МЕДИЦИНА

М. ИБРАГИМОВ,
кандидат медицинских наук, доцент Киргизского мединститута

Под крылом самолета вершины Тянь-Шаньских гор. Маленькая посадочная площадка в поселке Кызыл-джар. Тут высаживается научная экспедиция. В ее составе Мамтулахун Ибрагимов, уйгур по национальности.

У моей матери было пятеро братьев и сестер. Все так и умерли неграмотными. Нас у матери тоже шестеро, и все, кроме младшего, который сейчас после десятилетки служит в армии, имеют высшее или среднее специальное образование. Исмаил заканчивает политехнический институт, Ниязжан — мастер-кондитер, остальные работают в медицине. Я в Киргизском мединституте, сестра Рахиля — фармацевт, Хайринса — в Институте охраны материнства и детства.

Моей первой учительницей была уйгурка Абдуллаева. Преподавание в школе шло на уйгурском языке, том самом, на котором до революции не было написано ни одной книги.

Почему я стал медиком и не только я, но и две мои сестры? В этом «виноват» мой школьный товарищ Юра Куракин, и вся его семья. Я часто бывал у него дома, мы вместе готовились к урокам. А у него отец и сестра были врачами. Как много, как увлеченно говорили они о своей профессии! Словом, я «заразился», и, в свою очередь, увлек сестер, а потом и свою жену. Моя жена — биохимик, первая женщина-уйгурка — кандидат наук по медицине.

Когда я поступил учиться, врачей-уйгуров можно было перечесть по пальцам: всего четверо. Один из них, теперь заслуженный врач республики, Хаким Ярлабеков, читал нам лекции. Он много рассказывал, как приходилось им, первым врачам, бороться не только с эпидемиями и болезнями, но и с невежеством. На место своего распределения он ехал на лошадях чуть ли не две недели. А теперь, видите, самолет доставляет нас в любой высокогорный аил.

Тема моей научной работы — влияние местных условий на распространение злокачественных опухолей верхних дыхательных путей. Высота сильно сказывается на изменении дыхания людей. Вот мы и занимаемся обследованием населения высокогорных районов, изучаем методы борьбы с этой тяжелой болезнью, ее ранней профилактики. Найти эти методы — мои планы на будущее, тема докторской диссертации, над которой сейчас работаю.

Я не ответил на вопрос о самом счастливом дне в моей жизни. Мне кажется, это было, когда мой старший сын-школьник сказал, что хочет стать врачом-хирургом.

ЛЕНИНГРАД

ТУНДРА ЖДЕТ...

В аудиторию вошли преподаватель и... один студент. Начался очередной урок чукотского языка. Декан отделения народов Крайнего Севера Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена Лев Васильевич Беликов проводил его с второкурсником Михаилом Зеленским, посланцем далекой Чукотки.

...Было время, когда царское правительство не то что учить малые народы, а даже учитывать их при переписи населения не желало. Первый букварь для северных народностей подготовили советские ученые В. Г. Богораз-Тан и С. Н. Стебницкий. А в 1926 году представители одиннадцати народностей прибыли на рабфак Ленинградского университета. Был среди них чукча Тэвлянто. Анадырский райревком в сопроводительном письме отмечал: «В Тэвлянто таится масса возможностей, которые усилиями русской школы безусловно извлекутся на поверхность и будут служить его одноплеменникам». Ненцы, эвенки, якуты, коряки успешно учились, становились с годами учителями, учеными, инженерами, министрами, писателями, врачами.

Заведующий отделением народов Севера Валентин Иванович Матвеев познакомил меня с нынешними первокурсниками: долганка Пана Спиридонова, селькупка Раиса Безруких, чукчанка Лена Тэвлянто, юкагирка Александра Дьячкова...

Более двухсот семидесяти студентов и сорок четыре учителя начальных школ занимаются на отделении народов Севера. Представители двадцати народностей изучают родной язык в специальных группах. Даже если в группе всего один человек.

В. ГЕРАСИЧЕВ

САЛЕХАРД

«СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ ЯМАЛА»

Леонид ЛАПЦУЯ,
член Союза писателей СССР

В Ямало-Ненецком национальном округе хорошо знают поэта Леонида Лапцуя и его жену Елену Сусой — учительницу, автора сценария «Поэма о рождении Ямала», делегата XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Леонид Лапцуй был первым секретарем Ямальского райкома ВЛКСМ, потом вторым секретарем Ямало-Ненецкого окружкома комсомола. По долгу службы много ездил, много видел, много думал. Сейчас он инструктор окрисполкома.

У Леонида Лапцуя шесть книг стихов и рассказов, вышедших на русском и ненецком языках.

Я поэт, и поэтому естественно, что ответом на ваши вопросы будут строки моих стихов, которые переводит сейчас с ненецкого ленинградская поэтесса Лидия Гладкая.

Родители мои — неграмотные кочевники. И сам я до того, как меня отдали в школу в Новом порту, кочевал с ними.

...Вот в памяти снова печален угрюм
В буранах отцовский качается чум,
И, будто спасенье, я вспомнил потом
Школы любимой ласковый дом.
Огонь в добром доме, где вырос поэт,
Не гаснет, не меркнет за вьюгами лет.
Здесь стал я гордиться, что я человек.
И здесь полюбил я впервые навек...

Я увлекся комсомольской и партийной работой, окончил Высшую партийную школу и опять вернулся на родину. Тут все стало иным: появились новые, невиданные для ненцев профессии: геологи, нефтяники, инженеры, изменился пейзаж. А главное — стал другим сам человек. Я был счастлив!

...Я ехал по тундре летней,
Ветрами не поделенной,
Увидел черные ленты
На тундровой шкуре зеленой.
Оставили их не боги,—
Геологов славное племя.
Жгли тундру людские ноги,
А вслед им спешило время...

...Как утро узнаешь за тучей?
Но если б и солнца не стало,
Узнал бы по вехам могучим
Советское время Ямала.

П. Белоусов. В. И. ЛЕНИН СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ III СЪЕЗДА КОМСОМОЛА.

А. Ткачев, С. Ткачев. МЕЖДУ БОЯМИ.

Е. Чепцов. ПЕРЕПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ.

СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО

Шаддад Мохамед Зейн (Судан).

Я окончил инженерный факультет Университета дружбы народов имени П. Лумумбы в 1966 году, работаю ассистентом кафедры геологии Хартумского университета, и мне, естественно, ближе проблемы подготовки геологов.

Прежде всего скажу, что, на мой взгляд, в Советском Союзе уровень образования не только высокий, но и более целенаправленный, чем во многих странах Запада, где мне пришлось побывать. У вас готовят специалиста конкретной отрасли, весь учебный процесс строится в этом плане. На Западе же преподают основы геологии вообще, и нельзя стать, допустим, геологоразведчиком, не окончив дополнительно аспирантуры.

Два слова об учебных программах. У вас они детально разработаны. На Западе же учебная программа представляет собой лишь общий контур, многое зависит от преподавателя. Иной преподаватель может увести студентов в ту область, которая его конкретно интересует, в ущерб общему образованию. В Советском Союзе обучение специалистов приближено к жизни: в программах большое количество часов отведено на производственную практику.

Научно-исследовательская деятельность в СССР отличается широким охватом проблем. Для каждого вида исследований есть план и соответствующее финансирование. В американских вузах исследования ведутся в зависимости от заказов определенных фирм. Например, в Массачусетском университете в США много денег тратится на военные разработки. Именно против этого выступают студенты. Многие молодые ученые не желают принимать участия в подобного рода деятельности. Если же капиталистам неинтересна (конечно, в плане прибыли) какая-то отрасль науки, то и средства на нее не ассигнуются.

В Советском Союзе у молодых людей неограниченные возможности заниматься научными исследованиями начиная со студенческой скамьи. В распоряжении студента всегда имеются отлично оборудованные лаборатории, за пользование которыми он не должен платить. От него требуется только добросовестное отношение к науке, упорство и терпение. А уровень? Судите сами: профессор геологии Невиль Джордж из университета в Глазго писал в отчете для ЮНЕСКО: «Советская дипломная работа является существенным вкладом в науку, она всегда содержит значительный элемент самостоятельного научного исследования».

Я преподаю петрографию в Хартумском университете по учебнику моего профессора А. М. Даминовой, а когда читал геологию месторождений, то пользовался книгой профессора В. М. Крейтора, у которого я также учился. Кстати, его именем я назвал открытое мной в Судане хромитовое месторождение.

Мишель Самаха (Ливан).

Когда я вернулся на родину после окончания Университета дружбы народов, мне пришлось сдавать государственный экзамен. В нем участвовало двенадцать выпускников, среди которых были врачи, учившиеся в Австрии, Франции, Германии. Я сдал экзамен лучше других. Это говорит об уровне подготовки врачей в СССР. Сейчас я работаю официальным врачом муниципалитета моего родного города и врачом поликлиники Ливанского университета.

Больше 30 ливанских врачей получили образование в СССР. Нам трудно работать в частных клиниках. Нам хочется создать свою больницу и пропагандировать советскую медицинскую школу, особенно профилактическую медицину, которая широко распространена в Советском Союзе. У нас основана ассоциация ливанцев — выпускников советских вузов.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить советский народ за возможность получить образование в вашей стране. Постараюсь всегда достойно нести те знания, которые получил в Москве.

Стихи о встречах

Михаил ЛЬВОВ

Якутия

Якутия! — и сразу
Представятся
снега,
Морозы, и алмазы,
И снежные меха!
С тайгой перекликается
Охотник: — Охо-хо-о!
Дорога не кончается,
Как эпос «Олонхо»...
Сигналы раздадутся
Из космоса, из тьмы,—
Якуты улыбнутся
И скажут: — Это мы!
Сияют — от сигнала —
И город и алас.
Якутия сказала:
— Летает мой алмаз!
Не царские «закуты»,
Не ссыльные края...
Советские якуты —
Алмазная семья!
...За тыщи верст
якуты
Подъехали ко мне.
И продышали будто
Глазок в моем окне.

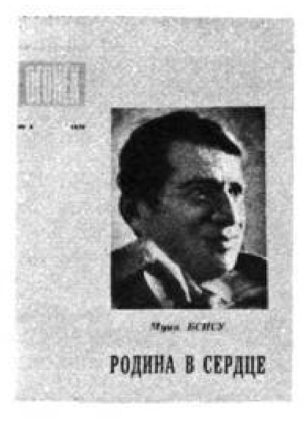
Гулливеры

Кто скажет,
Гулливеров нет?
Я
с ними
каждый день встречаюсь!
Куплю
недорого
билет —
И на плечах
у них
качаюсь!
Аэрофлот,
как Гулливер,
Поэта
взвесил
на ладони,
Пронес
по сини
СССР
И опустил
на Волго-Доне!

Перед картиной Кустодиева

Кустодиевская
Россия...
Палитра
чудо-хороша!
О россияне
дорогие,
Не растеряли б мы,
спеша,
Как ярмарки,
цветные краски...
Я сам
поэт иных страстей,
Стальной брони, солдатской каски
И современных
скоростей,
Пропитываюсь
нежной синью,
Когда,
как праздник у ворот,
Кустодиевская
Россия
Ко мне —
с Шаляпиным! —
идет.
Какие краски
и богатства!
Какой певец
и удалец!
И не могу я
оторваться,
Ну, как от пряника
малец...

РОДИНА В СЕРДЦЕ

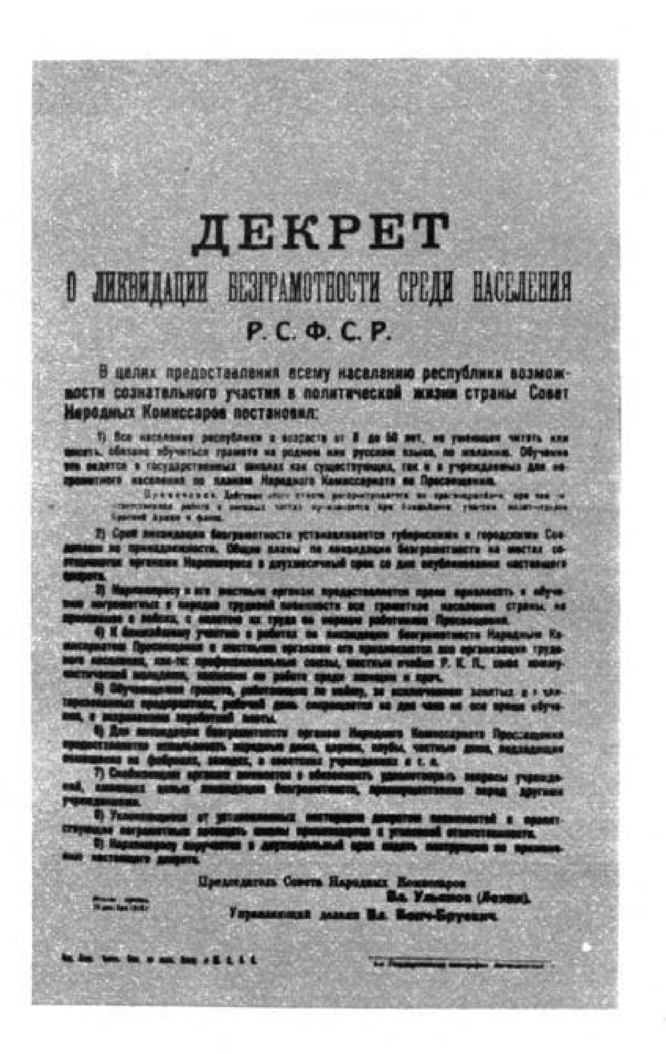
«Родина в сердце» — под таким названием впервые на русском языке вышла книга известного современного палестинского поэта Муина Бсису.

Поэт-патриот, пламенный борец за справедливые права своего народа пишет: «Одна на свете родина моя». И, как сыновняя клятва, звучит его обещание отчизне: «...я умру за тебя... выйду на поединок, буду сражаться...»

Болью и гневом дышат строки, исторгнутые из самой глубины сердца поэта страданиями родной земли:

Как же мне жить и писать,
если бомбы — не яблоки! —
падают с неба,
если по-прежнему есть города,
чья кровь — на щеках палачей...

Книга Муина Бсису, поэта и гражданина, активного участника международного движения писателей стран Азии и Африки, вышла стотысячным тиражом в «Библиотеке «Огонек» (№ 4, 1970 год).

ДЕКРЕТ
О ЛИКВИДАЦИИ БЕЗГРАМОТНОСТИ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ
Р. С. Ф. С. Р.

В целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни страны Совет Народных Комиссаров постановил:

[illegible]

Председатель Совета Народных Комиссаров
Вл. Ульянов (Ленин).
Управляющий делами Вл. Бонч-Бруевич.

УЧАТСЯ, УЧАТСЯ, УЧАТСЯ...

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

Ликбез. Бухарская область, Узбекистан. 1926 год. Фото Г. Зельмы.

Красноармейская школа грамоты.

Едва окончив школу 2-й ступени (так тогда называли среднее учебное заведение), я назначена была учительницей на село.

Еще в 1903 году Программа нашей партии объявила, что революция даст населению право получать образование на родном языке, обеспечит для всех детей даровое, обязательное обучение, общее и профессиональное.

Революция наступила, и необыкновенная жажда познания охватила народ. Помню, с каким увлечением читались газеты! Кто не умел читать,— слушал, боясь пропустить слово. Учиться взялись даже те, кто раньше и не помышлял о книге.

Между тем учителей не хватало. Таким образом без малейшей педагогической подготовки я оказалась деревенской учительницей.

Это было давно. В 1920 году, вот когда это было.

В небольшом селишке в одноклассной, бывшей церковноприходской школе я вела уроки. На ощупь, как подскажет смекалка. И вот помню: поздняя осень, не сильный, но уже прочный морозец стал на дворе, нашу тихую речушку Шаху схватило зеленоватым ледком, и впервые, несмело и медленно, пошел снег.

Я шагала по своему просторному и пустынному классу, еле-еле освещенному керосиновой лампочкой (роскошь по тем временам: в большинстве изб обходились лучиной), и, сжимая холодные от волнения пальцы, ждала. Неужели никто не придет?

Сегодня в моей школе открывался ликбез. Сельсовет по всем домам разослал мальчишек-гонцов. Обстучали все окна.

— Тетенька Лизавета, собирайся учиться. Груняха, Авдотья, дядя Петро, в школу скореича кличут.

И вот немного спустя в школьных сенях послышались робкие шорохи. Дядя Петр, Лизавета, Груняха, Авдотья, больше женщины, молодые и не очень молодые, сошлись в класс и впервые смущенно и неловко сели за парты. Впрочем, и учительница не меньше их волновалась.

Не знаю, плох или хорош был тот наш первый урок, но я увидела любопытство в глазах. Обрадовалась, поняла: не разбегутся мои ученицы и ученики, что-то зацепило их за живое.

Так в небольшом, неприметном селишке началась ликвидация безграмотности, объявленная декретом Совета Народных Комиссаров, подписанным Лениным. По всей России, в самых глухих уголках, шел небывалый, декретом Ленина поднятый труд.

И я помню блеск самолюбия в глазах, румянец радости, когда на классной доске неопытной и неумелой рукой удивительные писались слова: «Мы не рабы».

Особенно чудом было это для женщин — подумать только, они научились, почти научились читать и писать! Разве по старым-то понятиям бабье это дело?

Организация ликбеза в первые годы революции была пережита мною как очень личное дело. Не могу привести точные цифры охваченных учебой взрослых, иногда немолодых, до устали занятых тяжкой работой крестьян, знаю только: в каждой деревенской школе вечерами горел огонек. И, конечно, в городах и рабочих поселках также брали приступом грамоту простые, неученые люди.

Все было вновь. Повсюду, решительно в каждую область жизни революция принесла небывалое. Область народного просвещения перестраивалась, ярко, смело, масштабно.

«...Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя»,— сказал Ленин.

Наступил нэп, меня сократили. Мне исполнилось всего восемнадцать лет, у меня не было ни дома, ни близких, кто бы мог меня приютить. Куда идти? Как кормиться? Кому я нужна?

Но, не успев оставить свою первую милую пристань — сельскую школу, где столько было пережито волнений, огорчений и радостей, я получаю бумажку. Обыкновенная бумажка. До сих пор помню неказистый ее вид, штамп и печать. И бурю надежд и счастья, которую она во мне подняла. Загорский педагогический техникум приглашает меня на одногодичную специальную подготовку для преподавания в школе, буде в дальнейшем я пожелаю остаться учительницей.

Кто обо мне позаботился? Кто протянул ру-

По новым школьным программам геометрия преподается в первом классе. У доски — Наташа Бородина, ученица московской школы № 671.

Фото Г. Санько.

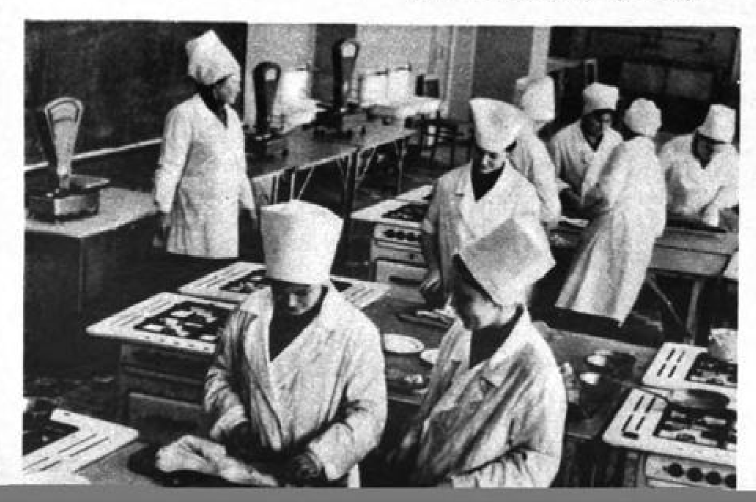

Иностранный язык — с малолетства. В детском саду № 37 Таллина изучается английский.

Фото В. Сальмре.

Техникум советской торговли города Горького. Будущие заведующие производством и бригадиры отделения техники приготовления пищи на практике.

Фото В. Войтенко (ТАСС).

ку поддержки? Неизвестная подпись на бумажке. Нет, этот человек мне незнаком. Да и адреса точного нет. Не персонально Марию Прилежаеву приглашал только что открытый педтехникум, а весьма малоопытную сокращенную учительницу. Десяткам таких же, как я, посланы были эти бумажки.

Советская власть заботилась о том, чтобы учителя ее были умней, образованней.

Нужно ли говорить, с какой радостью ухватилась я за эту бумажку! Сердце мое было полно благодарности.

В ту зиму 1921—1922 года общежитие Загорского педтехникума помещалось в корпусах Троице-Сергиевской лавры. Не гудела призывно гулкая медь колоколов, не совершались в храмах обрядные службы, не кадили кадила перед мощами преподобного Сергия Радонежского, не шныряли по двору, пряча блудливые глазки, монахи в черных подрясниках, только звонкие галки гомонили над главами церквей и шатром колокольни.

А по мощеной площади лавры в назначенный час стройно, ладно маршировали слушатели ВЭШ — военной электротехнической школы. Это были молодые красноармейцы, защитившие от белогвардейщины и Антанты Советскую Родину, и теперь Советская власть призвала их учиться. Они жили, как и мы, в лавре, в соседних с нами корпусах-общежитиях и учились, учились, учились, будущие командиры, организаторы, рядовые электрической промышленности и строительства новой хозяйственной жизни. Уже Восьмым Всероссийским съездом Советов был одобрен и принят великий план электрификации России, и Ленин, вдохновитель его, множество раз обсуждал с Глебом Максимилиановичем Кржижановским и виднейшими специалистами, как, когда, где начинать осуществление плана.

Знаменитый английский писатель-фантаст Герберт Уэллс назвал Ленина кремлевским мечтателем, между тем мечта Ленина в это

Детская школа искусств в поселке Билибино на Чукотке. Воспитанник школы маленький скрипач Егорка Бескровный.

Фото В. Тетерина (ТАСС).

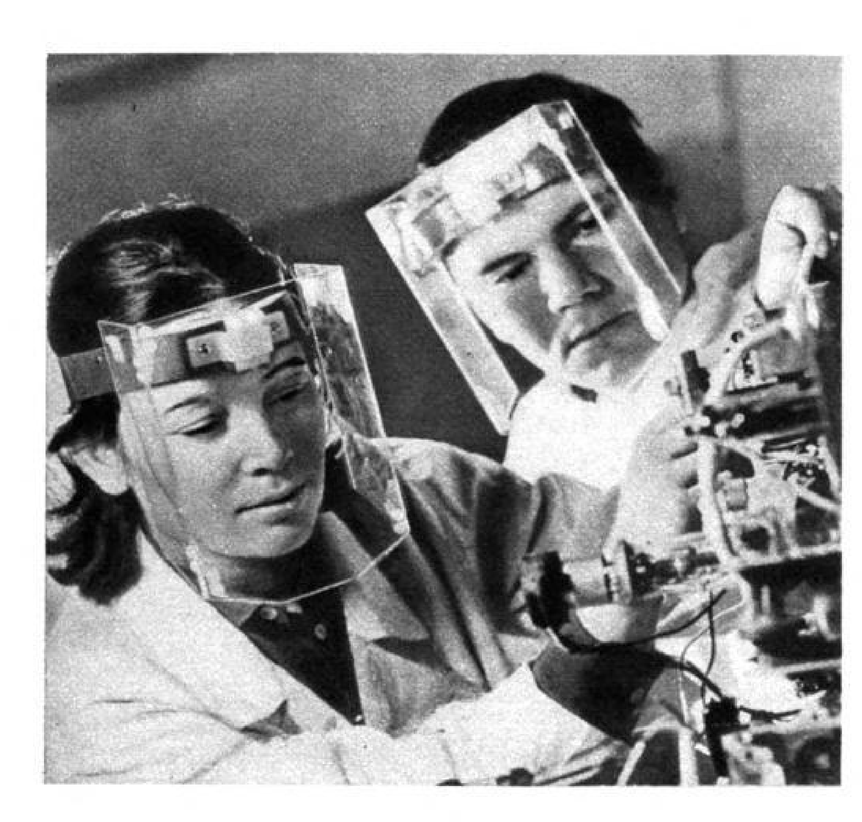
время уже становилась реальностью, ибо учились и готовились люди, которым поручено будет ее исполнение. Я целую зиму жила бок о бок с армией (одной из многих) молодежи, ревностно сидящей за партами, вдохновенно познающей науку, чтобы исполнять наказ Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Может быть и наверное, некоторые из тех молодых курсантов ВЭШ и посейчас трудятся

все возможности для спасения детей. Обессилевших, умирающих от истощения сирот вывозили из голодных губерний. Создавались сотни детских домов.

Детский дом имени Н. К. Крупской создан был для детей из Чувашии. И воспитателями были в большинстве чуваши, сопровождавшие детей из Поволжья.

Смирновы, тетя Груня и дядя Вава — так называли их дети,— бесхитростные, домовитые, деликатные люди, в свое время окончили

Актюбинское техническое училище № 7 готовит экскаваторщиков, машинистов кранов, бульдозеристов, монтажников, телемехаников. Ольга Лукс и Вячеслав Кондрашов монтируют телевизор.

Фото Д. Карачуна (ТАСС).

Педагоги средних школ тоже учатся. Лекцию в Новосибирском институте усовершенствования учителей читает преподаватель-методист А. С. Ростов.

Фото Ю. Лушина.

в народном хозяйстве. Старики. Многое пережито, испытано, создано. Помните ли, товарищи, учебные классы в Загорске, книги, лекции, нескончаемые разговоры и споры о политике и жизни и бесстрашные, гордые мысли о будущем? Разумеется, помните.

...А затем, через год, детский дом имени Н. К. Крупской на станции Хотьково. В жестокую осень 1921 года, когда небывалая засуха и неурожай поразили Поволжье и люди тысячами погибали от голода, Советское правительство напрягло все усилия, мобилизовало

учительскую школу в Симбирске, созданную передовым просветителем чувашского народа, другом семьи Ульяновых, Иваном Яковлевичем Яковлевым. Может быть, от него восприняли они то благородство, ту доброту, на которых основаны были их отношения с детьми. Может быть, с его слов и рассказов знали так близко, по-родному об Илье Николаевиче Ульянове, которого благоговейно любили и чтили. Я мало размышляла об этом в ту пору.

Как молодежь нашего времени считает естественным, что в Советской стране множество школ и всевозможных средних и высших учебных заведений, доступных всякому, кто одарен волей, умом и способностями; без числа библиотек и музеев; нет безработицы, нет национальных ограничений и розни — редко о достояниях наших наши дети задумываются,— так и мы, молодежь первого десятилетия Советской власти, принимали за норму то новое, что, невзирая на бедность, испытания, лишения, трудности, с величайшей щедростью Советской властью народу давалось.

Не тогда, а теперь я всей душой поняла, как был поразителен произведенный Октябрем переворот в жизни чувашей! Я говорю именно о чувашах, потому что в молодые годы судьба меня с ними столкнула.

Всего несколько десятков лет назад Илья Николаевич Ульянов с невероятным трудом отбивал у губернских властей каждую новую чувашскую школу в Симбирской губернии — до Ильи Николаевича их не было вовсе.

Теперь же, в 1923 году, в детском доме имени Н. К. Крупской чувашских и русских беспризорных детей учили и воспитывали и мы, русские, и учителя-чуваши. Учили и сами учились. Да, почти все ездили из Хотькова в Москву, в университеты и другие вузы. День — работа в детском доме с утра до позднего вечера. День — своя учеба в Москве.

Первый пригородный поезд из Загорска, паровой, разумеется, проходил мимо Хотькова в шесть часов. Зимой мы поднимались потемному. Крупные звезды в темном небе под утро светились особенно лучисто и ярко. Снег визжал под ногами.

В вагонах полнехонько было молочниц. И мы, уткнувшиеся при тусклом свете лампочек в записи лекций и книги. Поезд тащился до Москвы два часа. Да почти час на трамвае через всю Москву до Девичьего поля. А там... О! Как величественно и солидно выглядело здание Второго университета! Как торжественны вестибюль, белые колонны, круглая аудитория с расположенными амфитеатром скамьями! Благородный, прекрасный, значительный мир открывался нам в университетских аудиториях. Для меня это был мир литературы.

Весь искрясь талантом, быстро и молодо взбегал на кафедру профессор Николай Каллиникович Гудзий и околдовывал нас — не могу это назвать лекциями — увлекательными, мудрыми, полными блеска рассказами о протопопе Аввакуме или о Льве Толстом, будто целый век он знал жизнь их и творчество близко, лично.

Или остроумный, шутливый и добрый, превеликий знаток и исследователь русского фольклора и народного быта Борис Матвеевич Соколов.

Или жизнерадостная и никогда не равнодушная Мария Александровна Рыбникова.

Наставникам, хранившим юность нашу...
Не помня зла, за благо воздадим.

Не помню зла. Не было зла. Было добро, великолепные знания, влюбленность в искусство, науку и жизнь и бережное внимание к нам, студентам, среди которых более половины приехали учиться по путевкам профсоюзных, комсомольских и партийных организаций.

Может быть, читатель ждет от меня рассказа об истории просвещения и образования в первые годы Советской власти. А я рассказываю о себе. Но так получилось, что историю нашего просвещения, его революционную новизну, гуманизм и искания я испытала на собственном опыте.

Разве не поисками и новизной был Народный университет имени Уханова, где оказалась я преподавательницей после окончания вуза? Был такой университет на Таганке. Он не ставил задач профессионального обучения. Вечерами, после смены, приходили рабочие самых разных специальностей, разных возрастов. Все были грамотны, и все хотели учиться дальше, знать больше. Меня трогали любознательность и доверчивость, с какими рабочие слушали нас, учителей. Потому мы готовились к занятиям с особенным воодушевленным усердием.

Отчего-то среди многих моих учеников того времени (это был уже 31-й год) больше других запомнился мне один рабочий. Довольно еще молодой, он работал на стройке, весь

Комсомолка Таисия Перова станет трактористкой. Эту специальность она получит в Ломоносовском сельском профессионально-техническом училище № 8 Ленинградской области.

Фото С. Смольского (ТАСС).

Курсанты Одесского высшего инженерного морского училища на учебном корабле «Горизонт».

Фото В. Лещенко (ТАСС).

день на морозе, и приходил в класс с горящими глазами и лицом кирпичного цвета. Он морщил лоб, одолевая что-нибудь вроде причастных оборотов, и проникался сочувствием, волновался, когда под конец урока я читала им несколько стихотворений из Некрасова или Есенина. Иногда, махнув рукой на грамматику, при глубокой тишине всего класса я два часа без передышки читала «Неделю» Либединского, и какие бурные обсуждения и споры вспыхивали после и не смолкали, пока уборщица не выставляла нас из класса! Спорили на улице, в трамвае и на другой день, и, должно быть, нужны были эти споры для мужания и роста души.

Много лет спустя из «Воспоминаний» Н. К. Крупской я узнала о вечерних рабочих школах в Петербурге в конце прошлого века. Учителями были революционеры-марксисты, цель их была нести политические знания в массы рабочих (конечно, тайно от полиции и сыщиков). А кроме того, рабочих и просто учили, не только политике. И Надежда Константиновна также читала рабочим Некрасова.

И, может быть, думаю я, идея организации общеобразовательных университетов, вечерних школ для взрослых в послереволюционное время подсказана именно Надеждой Константиновной, которая была образованнейшей и талантливой учительницей и уважала, любила рабочих преданной и глубокой любовью.

Многие десятки рабфаков по всей нашей стране были тоже детищами революции и заслуживают специальных статей и романов.

Мы по праву гордимся размахом образования и просвещения в нашей стране. Малыши уже в детских садах начинают учиться. Старики и за семьдесят лет нередко продолжают учиться. Учатся миллионы, десятки миллионов. Каждый третий, даже второй житель страны. Учатся на пятидесяти семи родных языках народов СССР. Зачем? Затем, что таковы свойства натуры человека, воспитанного всем строем советской жизни. Вперед, вперед. Никогда не считать пределом достигнутое. Дальше, дальше и дальше.

Но я думаю, что всем нам, и старшим поколениям, а главное и прежде всего молодым, для которых открыты тысячи профессиональных, технических, гуманитарных и всевозможных других школ, курсов, техникумов, вузов, институтов, академий, перед которыми будущее, надо твердо и свято помнить слова Ленина.

Ленин сказал, что молодое поколение должно учиться коммунизму.

Вот то новое качество, которое отличает наше советское просвещение.

Нельзя стать коммунистом, «не усвоив того, что накоплено человеческим знанием», сказал Ленин.

И еще он сказал: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали».

«...Быть коммунистом — это значит организовывать и объединять все подрастающее поколение, давать пример воспитания и дисциплины в этой борьбе. Тогда вы сможете начать и довести до конца постройку здания коммунистического общества» — так говорил, знал, верил Ленин.

Так верим мы.

Музыка Овчинникова

Ольга САХАРОВА

Прислушайтесь... Из долгого, протяжного звука рождается мелодия, безыскусная, простая и такая значимая в своей простоте, какой бывает, наверное, лишь русский народный напев. Он растет, ширится в торжественном многоголосии. И звучит музыка, предваряющая то, чем будут жить герои киноэпопеи «Война и мир».

Сейчас, слушая музыку, вы по-новому открываете для себя этот прекрасный фильм. Все его герои, все кульминационные эпизоды воплощаются в музыкальных образах, созданных композитором Вячеславом Овчинниковым, емких, осмысленных не просто сюжетно, но философски...

Бородинское сражение... Затаенный, полный угрожающей тревоги гул прерывается четким, изящным маршем. Он повторится еще раз, в эпизодах наступления французов. Он так блестящ и так пуст, этот французский марш... Вы словно видите слепящее сияние, исходящее от десятков больших и маленьких медных труб, поющих славу утонченному европейскому солдафонству. Но вспомните, вспомните ту русскую колыбельную, что родится вдруг на фоне тревожного гула, вновь сменившего марш! Женский голос, слова, мелодия песни — они так просты и так захватывающе глубоки, что заглушают все литавры французской армии, гул орудий, крики, стоны,— поднимаясь над полем боя, над трупами, над израненной землей... Кажется, будто это скорбно и тихо поет сама Россия, истерзанная нашествием. Ее негромкий голос незаметно заглушает бравурные звуки марша, отодвигает его...

Новый музыкальный фрагмент — «Интермеццо». Но разве важно, как называется та музыка, что вы слышите сейчас? Вы не знаете, что это, почему в вашем горле встает комок... Все, чем живете вы, он, я, вся та боль, страсть, надежда, страдание, которые никто: ни вы, ни он, ни я — никогда не можем выразить, облечь в слова,— все это композитор сказал музыкой.

Что же дано этому человеку? Каким богатством обладает он, если в его власти заставить каждого слушателя открыть в своей душе самое сокровенное, самое значительное?..

Наверное, одним из этих богатств является сама воронежская земля, давшая русскому и мировому искусству Кольцова и Никитина, Бунина...

Спокойная, величавая степная ширь, трогательное кружево одиноких берез, буйная зелень перелесков, всегда живая гладь реки, и над всем этим, если прислушаться — далеко ли, близко,— слышится песня. Неторопливая, распевная, она сливается с голосами природы и становится уже неотделима от вечной красоты родной земли, так же как неотделимы от нее люди, складывающие и поющие те песни...

Среди всей этой зелени и голубизны, среди поющих людей рос в трудные послевоенные годы мальчишка Слава Овчинников. Он плескался в холодной реке, лазил по крышам и по деревьям, видел бездонную неяркую синь русского неба, безграничный земной простор, слушал певучий, выразительный говор воронежских жителей... И однажды где-то здесь впервые зазвучала в нем музыка. Зазвучала так властно, так настойчиво, что подчинила себе все, чем мальчик жил до сих пор.

Он еще не сознавал, пришла ли она к нему извне, или родилась в нем самом. Но существовать без нее уже не мог. Часами стоял около старого патефона, слушая свои любимые «большие» пластинки. Часами мог, забросив игры, сидеть, прислушиваясь к музыке, рождающейся в нем. Яркая эта страсть не могла не поразить тех, кто был рядом с мальчиком. Удивлен был отец, а уж он-то, волжанин, с детских лет повидал немало музыкантов-самородков, которыми испокон веков славилась Волга.

Удивилась и мать — донская казачка, выросшая в краю, издавна известном своими звонкоголосыми певуньями. Но больше всех, наверное, удивлен был тот неуклюжий гость, что, придя к Овчинниковым, сел, не заметив, на любимую Славину пластинку — Шестую симфонию Чайковского: по широкой, будто каменной спине гостя били маленькие кулачки... Слава что-то кричал, плакал...

Да, в отношении к нему сначала главным было удивление. Абсолютный музыкальный слух. Феноменальная память. Едва только начал заниматься в музыкальной школе, а в концертах ученики уже исполняют трио, квартеты девятилетнего композитора...

Но если бы тогда можно было заглянуть хоть немного вперед, добрые Славины учителя поняли бы, что в их воспитаннике таилось нечто такое, что встречается гораздо реже, чем самые яркие музыкальные способности...

Мягкий предутренний снегопад; песня, проплывшая над ленивой рекой; тонкий девичий профиль на фоне черной классной доски; прозрачная хрупкость цветка — все это когда-то видел каждый. Видел, пока оно было рядом, перед глазами. А в Славе это оставалось на всю жизнь, чтобы когда-нибудь, пройдя через горнило его творческой фантазии, воскреснуть в музыкальных образах.

Дар образного видения мира, ежесекундное, беспрерывное восприятие красоты в любых ее проявлениях: в звуках, в красках, в ощущениях,— в те детские, юношеские годы этот дар только начинал сказываться в Вячеславе Овчинникове.

Окрепнуть ему, развернуться помогли люди. И первым среди них был профессор Московской консерватории Семен Семенович Богатырев.

Пожилой, внешне педантичный человек почувствовал в стремительном, еще по-юношески неуравновешенном студенте то образное, художническое видение мира, которое было главной ценностью его собственной натуры. И какое значение для Богатырева имело то, что одни коллеги тщательно подсчитывали, сколько лекций Слава пропустил по тому или иному предмету, другие безудержно восторгались уникальными способностями: надо же, парень на память записал сложнейшую партитуру «Испанской рапсодии» Равеля... Богатырев видел,

О БЮДЖЕТЕ АНГЛИЙСКОГО СТУДЕНТА

ЦЕНА ДИПЛОМА...

Александр ЕФРЕМОВ

Здесь, на «блошином рынке», можно купить одежду по дешевке.

«Студент всегда голоден» — изречение это датируется в Англии XIII веком. Тогда же и диспут вышел, кормить ли студента из казенных харчей. Кормить, однако, взялась церковь. Сегодня в Оксфорде, в колледже «Всех святых», в 6 часов вечера, как и много веков назад, перезвон колоколов, и гурьба студентов, накинув на плечи черные пелерины, надев на лоб черные шапочки, вламывается в гулкий, вечно торжественный пиршественный зал средневекового здания — вроде бы столовую, но скорее по-монастырски — трапезную.

Дежурный по молитве подойдет к профессорскому столу, и под его скоропалительную латынь переминающиеся с ноги на ногу студенты будут следить за секундной стрелкой. Сумеет ли отбарабанить за 45 секунд?

А затем...

— Главное, не теряться,— объясняет мне Мартин, президент студенческого общества. Но он сразу же отвлекается. Миска с соусом, ходившая по рукам, уже пуста.

В крупном промышленном городе Лидсе свой университет, из тех, что в Англии называют «краснокирпичный» — не новой постройки, но и без намеков на средневековье, никаких трапезных, никаких молитвенных. И после лекции идем мы гурьбой «гонять чаи». По-английски. По 3—4 чашки густого, с молоком, с сигаретным дымом. И беседа становится все более непринужденной, житейской.

И хоть в жизни студенческой и поесть, и одеться, и на танцы сходить — вроде бы и не главное, но об этом в конце концов и заходит речь. «А как у вас, а что у вас?» — пытают меня. Сознаюсь, что собственную яхту имеет у нас не каждый студент. Понимая намек, тут же краснеет Питер Ричер (в 20 лет он все деньги готов раздать друзьям или в фонд голодающих, да разве родители разрешат!).

Я хотел бы рассказать о мытарствах и жизнестойкости некоторых моих знакомых студентов из Лондона, Оксфорда, Лидса, Кардиффа, Бристоля, Лестера, Ливерпуля, Эдинбурга... Мне не хочется привносить

знал, что у Овчинникова есть та внутренняя основа, на которой могут укрепиться лишь истинные ценности. Поэтому с таким энтузиазмом посвящал он молодого композитора в святая святых русской музыки — ее богатейшие традиции...

Всем своим творчеством музыканта, педагога ученик Н. А. Римского-Корсакова Семен Семенович Богатырев ратовал за сохранение и развитие в нашей музыке основополагающих ее принципов: высокой художественности, народности.

В даровании Вячеслава Овчинникова, не выпестованном искусственно, а самобытно, привольно выросшем на самой благодатной, народной почве, Богатырев стремился развить именно те черты, которые продолжали традиции великих русских композиторов. Настоящий музыкант, он понимал ценность и хрупкость творческой индивидуальности. И поэтому никогда не ломал ее, а лишь направлял в верное, плодотворное русло.

В консерваторские годы Вячеслав писал очень много. Первая симфония, сонаты, «Баллада» для скрипки и фортепиано... Мысли, чувства, поиски, ощущения отливались в музыке глубокой, своеобразной, всегда осмысленной.

«Баллада», пожалуй,— одно из наиболее ярких произведений Овчинникова того периода. В ней романтизм, необузданный темперамент молодости и в то же время сложный, противоречивый мир человеческих эмоций. Главная тема, которую ведет скрипка, раскрывается во все более сложных рисунках. Музыка захватывает вас, заставляя с каким-то страхом и упоением ринуться в этот сумасшедший вихрь чувств. Кажется, вот-вот скрипка захлебнется, не выдержав все растущей напряженности мелодии. Но в самый последний момент уверенные, наполненные звуки фортепиано подхватывают мелодию, и она долго еще будет вести свой волнующий рассказ, развиваясь в полифонических переплетениях этой музыки.

Уже тогда в произведениях двадцатилетнего композитора явственно угадывалась одна из наиболее ценных особенностей его дарования — мелодизм. Музыка Овчинникова, в каждой мелодии которой заложена потенциальная возможность богатейшего развития, это — наглядное подтверждение нежизненности многочисленных сегодняшних теорий, ратующих за все усложняющийся язык музыки, идущий на смену мелодизму, якобы отжившему уже свой век.

Именно богатый мелодизм заставляет слушать музыку Овчинникова еще и еще раз, позволяя открывать в ней новые, не познанные сразу глубины.

Как эстафету принял от С. С. Богатырева Вячеслав Овчинников стремление к творческому общению с человеком-художником. Поэтому, наверное, с такой радостью отнесся он к предложению Сергея Бондарчука принять участие в конкурсе на право писать музыку к фильму «Война и мир». Он победил в этом конкурсе, 25-летний композитор.

Композитор Вячеслав Овчинников.

Фото Б. Кузьмина.

Прикосновение к гению Льва Толстого, постижение не только духа времени, но духа своего великого народа, который с наивысшей силой проявляет себя в минуты трудных испытаний,— какое благодатное поле деятельности для композитора, чья жизнь и творчество неразрывно связаны с корнями народной культуры. Все пять лет, что шла работа над фильмом, Вячеслав почти безвыездно жил на студии. Он перечитывал Толстого, вникая в его образы, писал музыку, дирижировал, изучал звукооператорское дело, чтобы участвовать в сложном процессе озвучивания фильма. Что толкало его на этот подвижнический труд? Может быть, та захватившая всех участников съемочной группы — от режиссера до реквизиторов — атмосфера углубленного поиска, творческой самоотдачи, которую принес с собой Сергей Федорович Бондарчук? Или выросшая вместе с талантом композитора безудержная жажда работы, созидания? Наверное, это неотделимо одно от другого. Важен результат. Музыка, написанная Вячеславом Овчинниковым к кинофильму «Война и мир»,— это не только самая яркая сейчас страница в творчестве молодого композитора, но и, безусловно, одно из самых интересных произведений в современной советской и мировой музыке.

Сейчас Вячеславу 33 года. Написано уже многое: пять сюит для оркестра, четыре симфонии, музыка для хорового пения a'capella, камерные произведения — сонаты, баллады; музыка к двенадцати кинофильмам, среди них: «Иваново детство», «Первый учитель», «Дворянское гнездо», «Золотые ворота»...

Но для настоящего художника каждое новое произведение лишь ступень на пути к следующим свершениям. Именно теперь, когда образное восприятие жизни, его воплощение в музыке обогатились причастностью композитора к глубинам русского музыкального искусства, к высшему проявлению духовных богатств русской литературы, Вячеслав Овчинников считает себя вправе обратиться к самой дорогой для каждого советского художника — ленинской теме.

Цикл «Музыкальное торжество» задуман композитором еще восемь лет назад. Программа нового масштабного музыкального полотна, в исполнении которого будут участвовать симфонический оркестр, хор, детский хор, орган,— это весь революционный путь народа от первых шагов пролетарского движения в России до наших дней, это размышления о настоящем, полет в будущее. Сейчас Овчинников весь в работе, он полон творческих замыслов.

...Вы помните «Вальс Наташи» в «Войне и мире»? Светлая мелодия его вначале почти неуловима... Она как будто ищет свое место в сложном оркестровом потоке. Но вот в вальс вошла Наташа Ростова, и чистая, торжествующая мелодия зазвучала в полный голос, увлекая Наташу в новый, неизведанный мир.

Мелодия творчества Вячеслава Овчинникова уже обрела себя. Она ширится, крепнет и многое обещает в будущем.

в этот разговор ничего субъективного. Приведу лишь те факты, которые уже стали достоянием английской общественности.

Была ничем вроде не примечательная пресс-конференция. Устроило ее лондонское отделение Национального союза студентов Великобритании. К журналистам вышли пять студентов, как свидетели, как экспонаты.

— Вы только взгляните на них,— пригласил председатель. И видавшие многие виды журналисты опустили глаза. Студенты рассказывали о себе. Вот Джулиан Данн, ему 21 год. Он студент первого курса Королевского колледжа. У него последняя степень истощения. Иногда, рассказывает он, удается поесть два раза в сутки. Новый костюм? Откуда? За последние шесть месяцев купил лишь пару трусов. За это время ни разу не был ни в кино, ни в театре. Последние ботинки вот-вот развалятся.

— Я еще жив,— говорит,— лишь потому, что экономлю и не покупаю учебники.

— Не думайте, что Джулиан — это исключение. Таких, как он, много,— заявил журналистам преподаватель геологии Королевского колледжа Грэм Сирл, потребовав от правительства резкого увеличения размеров студенческих пособий.

А вот еще одна история... Было ничем вроде не примечательное судебное заседание. Судили двух студенток. Судили за кражу продуктов в магазине. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что Линда Лонг и Антея Джонс систематически голодают. Недавно в комнате, которую они снимают, хозяйка отключила электричество. Им нечем было платить. «Как это нечем?» — удивился судья.

Линда получает пособие от муниципалитета — 195 фунтов стерлингов в год. Антея чуть побольше. Судья знал, что прожиточный уровень в Англии измеряется 1 250 фунтами стерлингов в год. И он не задавал больше вопросов.

Питер Рири — президент студенческого союза Ливерпульского университета — опубликовал недавно обзор студенческих бюджетов. Он приводит исключительный случай. При максимальном пособии, при минимальной плате за жилье и питание, без трат на одежду такой счастливчик-студент может позволить себе один раз в неделю купить пачку сигарет, выпить одну кружку пива, сходить в кино или на футбол...

Обязательное школьное обучение в Англии заканчивается в 15 лет, остальные три года учителя готовят своих учеников к сдаче вступительных экзаменов в университет.

30 тысяч талантов теряет Англия ежегодно среди тех, кто покидает школу в 15 лет, чтобы найти заработок. Эту цифру приводит английский социолог Девис в своей книге «Все наше будущее».

«Так где же будущее?» — спрашивает он. Есть в Англии семьи так называемого среднего достатка. Их устоявшийся принцип — поднять детей до 18 лет. Это не эгоизм. Это нравственная норма самосохранения. Иначе разор, иначе немыслимо. Весь их средний достаток рассчитан на среднюю жизнь, итог жесткого скрупулезного расчета на многие годы вперед. Кредит, выплаты, проценты. И вот сын обывателя, отчужденный внезапно от мира мелкой собственности, остается один на развилке дорог: что ему предстоит — научный поиск, карьера на службе или слепой бунт анархического протеста: «Не хочу так жить, не хочу жить с вами»? Но, кажется, я отвлекся. Мы ведь говорим только о материальной стороне жизни английского студента. А он действительно худо живет. И даже не потому, что уж очень нищ или голоден, а потому, что черпать силы для борьбы с нуждой он может лишь в самом себе. Он вдруг находит себя чужеродным всей окружающей его жизни.

Английский студент, выходец из мало или даже среднеобеспеченной семьи, живет скудно, мало рассчитывая на государственную или семейную поддержку. Эта скудость не причина, но и немаловажное сопутствие его духовной неудовлетворенности.

Лондон.

Рассказ Героя Социалистического Труда, заслуженной учительницы РСФСР ТАИСИИ ИВАНОВНЫ АЛЕКСАНДРОВОЙ

ВЕРЮ В МОЛОДЕЖЬ...

Вы говорите «сорок выпусков». Это не совсем так. Действительно в конце двадцать девятого года я окончила педтехникум в Йошкар-Оле и 1 января получила направление в Новый Торъял, райцентр на севере нашей республики, в школу колхозной молодежи. Там-то и началась моя учительская работа. Но четыре года из сорока училась сама в педагогическом институте. А уж после института все время преподаю математику в старших классах. Последние двадцать пять лет в нашей одиннадцатой школе Йошкар-Олы. Тут у меня каждый год по нескольку выпускных классов. Если б их собрать все вместе, то и трех наших скромных залов не хватило бы. В Колонном зале Дома союзов Москвы, пожалуй бы, разместились.

Каждый выпуск — тревоги. За весь класс и за каждого в отдельности. Стоит какой-нибудь Володя у доски, все как будто о нем знаешь, что он может и что не может, к чему способен и какие у него были грехи. А если этот Володя или Юра был трудолюбив или честен, не увиливал и не хитрил, а работал весь год, то вроде бы и нет причин за него волноваться. В открытые окна заглядывает июнь, звенят щеглы, а ты смотришь на доску, исчерченную формулами, и все же что-то беспокоит: а вдруг выскочит из Володиной головы какая-нибудь формула, нарушится логический ход мыслей? Так случилось однажды с моей ученицей Машей Коробовой. Она способная была девочка, впоследствии стала математиком, а на экзамене получила тройку. Как обидно мне было за Машу! Я-то знала, что она ни при чем. Дома у нее тогда были нелады. Но тройка, как мы с Машей ни переживали, вошла в аттестат. Зато мы были вознаграждены с нею на вступительных экзаменах в педагогический институт. Маша получила там «четыре» и «пять» по математике.

После выпускного бала наши птенцы, сразу ставшие взрослыми птицами, разлетаются кто куда. А ты будто отрываешься от стаи, остаешься одна, как мать, проводившая в дальнюю дорогу сыновей, и ждешь, тоскуешь. Но, к счастью, недолго, только до осени. Осенью в классы ворвется пестрая, разноголосая, непричесанная, шумная ватага. Это еще не стая, это всего лишь сборище, которое надо прибрать к рукам, и снова будет трудно, хлопотно и тревожно с ними, и будешь снова сердиться и просыпаться ночью от того, что они, окаянные, сорвали урок по литературе и что мне делать с Петром К., который нахватал за неделю пять двоек! Но как хорошо, что у нас, педагогов, есть эти осени! Как было бы одиноко и пусто в жизни, если б у нас их отняли.

На втором этаже нашей школы висит карта-схема, на которой стрелками показано, где сейчас наши воспитанники — а их более трех тысяч юношей и девушек! Стрел так много, что рябит в глазах. Ими помечены Москва и Ленинград. Севастополь и Донбасс. Минск и Алма-Ата. Владивосток и Архангельск. Братск и Астрахань. Даже в Ашхабад забрались. В Ашхабаде Анатолий, теперь уже Митрофанович, Краснов, выпускник сорок девятого года, у меня учился, между прочим. Теперь его иначе и не назовешь, как по имени и отчеству. Как же: заведует сектором в НИИ антисейсмического строительства. Для Ашхабада участок работы очень важный. А Владимир Некрасов из моего класса — тот шлет письма с Дальнего Востока. Окончил Военно-медицинскую академию имени Кирова, стал военным врачом, майор, полжизни в плавании, на кораблях. Про Урал и Поволжье я уж и не говорю: соседи. Тут почти в каждом городе можно встретить наших ребят. Вот и получается, что наши воспитанники как бы связали через школу небольшую Марийскую республику со всей Советской страной. И, конечно, многие остались у себя в республике, как Володя Дзевицкий, лучший фрезеровщик завода «Контакт».

Тут же на нашей карте диаграмма: круг, разбитый на секторы. Секторы показывают, кем стали наши воспитанники. Самый большой сектор — инженерный. Ученых — узенькая, как щель, полосочка, по неполным нашим данным, два процента. А что такое два процента в масштабах школьной летописи? Значит, шестьдесят из трех тысяч стали кандидатами наук, доцентами, исследователями. Не так уж мало, не правда ли?

А если и дальше проанализировать нашу диаграмму (люблю я этим заниматься — профессиональная, так сказать, привычка), то нетрудно заметить одну замечательную ее особенность: три четверти наших выпускников так или иначе связали свою жизнь с точными науками. Мне, как математику, это особенно приятно. Ведь без математики в наш век не может быть ни хорошего инженера, ни хорошего станочника и наладчика. О научно-исследовательском труде и говорить не приходится. В наше время биология, химия, геология, даже языкознание — вспомните математическую лингвистику — не могут развиваться без математики.

Наша школа дала и «чистых» математиков. Взять хотя бы кандидата математических наук Валентина Дымникова. Учился он в моем классе. Был очень скромный, трудолюбивый мальчик, окончил школу с медалью. Поступил в Московский инженерно-физический институт. Потом аспирантура. Сейчас научный сотрудник Вычислительного центра академгородка в Новосибирске. На съезде учителей в Москве мне было очень приятно получить от его родителей по случаю присвоения мне звания Героя Социалистического Труда теплую поздравительную телеграмму. В ней были и такие слова: «Сын наш — ваш воспитанник, в науке пошел по вашим математическим стопам. Большое спасибо за ваш труд». Я до глубины души признательна Дымниковым за эти слова, они для меня особенно многозначны. Мать Валентина — гуманитарник, кандидат исторических наук. Казалось бы, что и сын пойдет по этой линии, а он взял да и выбрал полярный фронт знаний — математику. Судьба Валентина в этом смысле похожа на мою собственную. Мать моя была одной из первых учительниц народа мари, работала в начальной школе. Отец окончил духовную семинарию в Казани, но пошел в учителя, преподавал сначала в начальных, а потом в старших классах русских школ историю. Вечерами собирались у нас его друзья и при свете коптилки читали что-то запрещенное. Став большой, я узнала, что это было: марксистские книги.

По ходу событий и мне следовало бы быть историком, как отец. А я вот стала математиком.

«Ну, почему ты выбрала себе такой сухой, не женский, трудный предмет?» — допытывались у меня подружки. Что было им отвечать? Рассказывать про Ронгу? Про Григория Ананьевича Заплатина? Ронга — большое село, что стоит среди голубых лесов. Посреди села — школа. Отец директорствовал в ней недолго, пришлось идти воевать ему с белогвардейцами. Коммунистом был. И вот мы трое ребят — сестра, я и брат — остались с матерью. А в деревне голод и разруха. Пришлось нам, невеличкам, вместе с мамой наниматься поденно, кому жать рожь, кому прясть кудель. Ходили в лаптях и домотканом холсте. Наконец дождались праздника: с гражданской вернулся отец, жить стало веселее. Отец проводил среди крестьян сходки, рассказывал о Ленине и большевиках, избрали его секретарем партячейки. Я уже была в шестом классе. В октябре двадцать третьего года — приняли меня в комсомол. А через три месяца морозным зимним вечером встали все коммунисты и комсомольцы села Ронги в одну шеренгу. На руках красные с черным повязки. В руках винтовки. Ровно в восемнадцать часов ноль-ноль минут прогрохотал наш траурный залп. Умер самый дорогой наш учитель — Владимир Ильич Ленин...

Да, так я и не сказала ничего про Григория Ананьевича Заплатина. Так звали молодого учителя математики, которого прислали в нашу школу. Живой, энергичный, всегда в хорошем настроении, умел делать все. Не только рассказать про Пифагора, но и увлечь, ну, чем вы думаете? Тремя углами равнобедренного треугольника. Он налаживал в селе комсомольскую работу. Заметив, что я тянусь к малышам, определил вожатой к пионерам. В Народном доме разучивал с нами танцы, разные игры и устраивал спортивные соревнования. Мне хотелось быть похожей хоть немножко когда-нибудь на него. И, конечно, так же легко решать любые задачи прямо на доске, как это делал он. В педучилище математика еще больше заинтересовала меня. Шла споро. При поступлении в институт раздумий уже не было: только физико-математический факультет.

Тем же, кто считает математику сухой, на кого стройное сочетание формул нагоняет скуку, кто не улавливает красоты в оригинальном ходе решения задач, тому лучше никогда не быть математиком. Очень верно по этому поводу сказал Лев Толстой в своей статье «Воспитание и образование»: «Хочешь наукой воспитать

Т. И. Александрова в группе выпускников 10 «А» класса шестьдесят первого года.

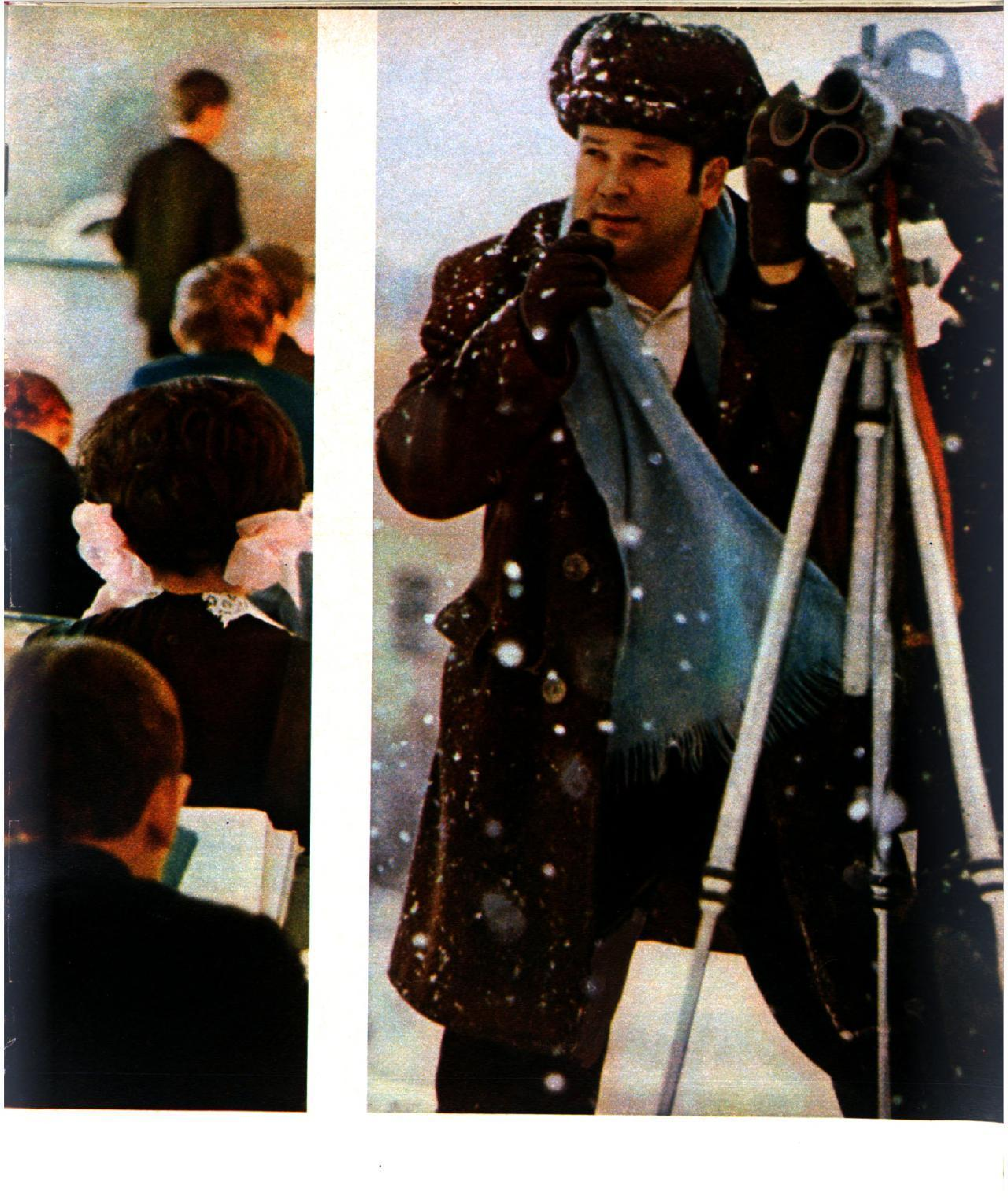

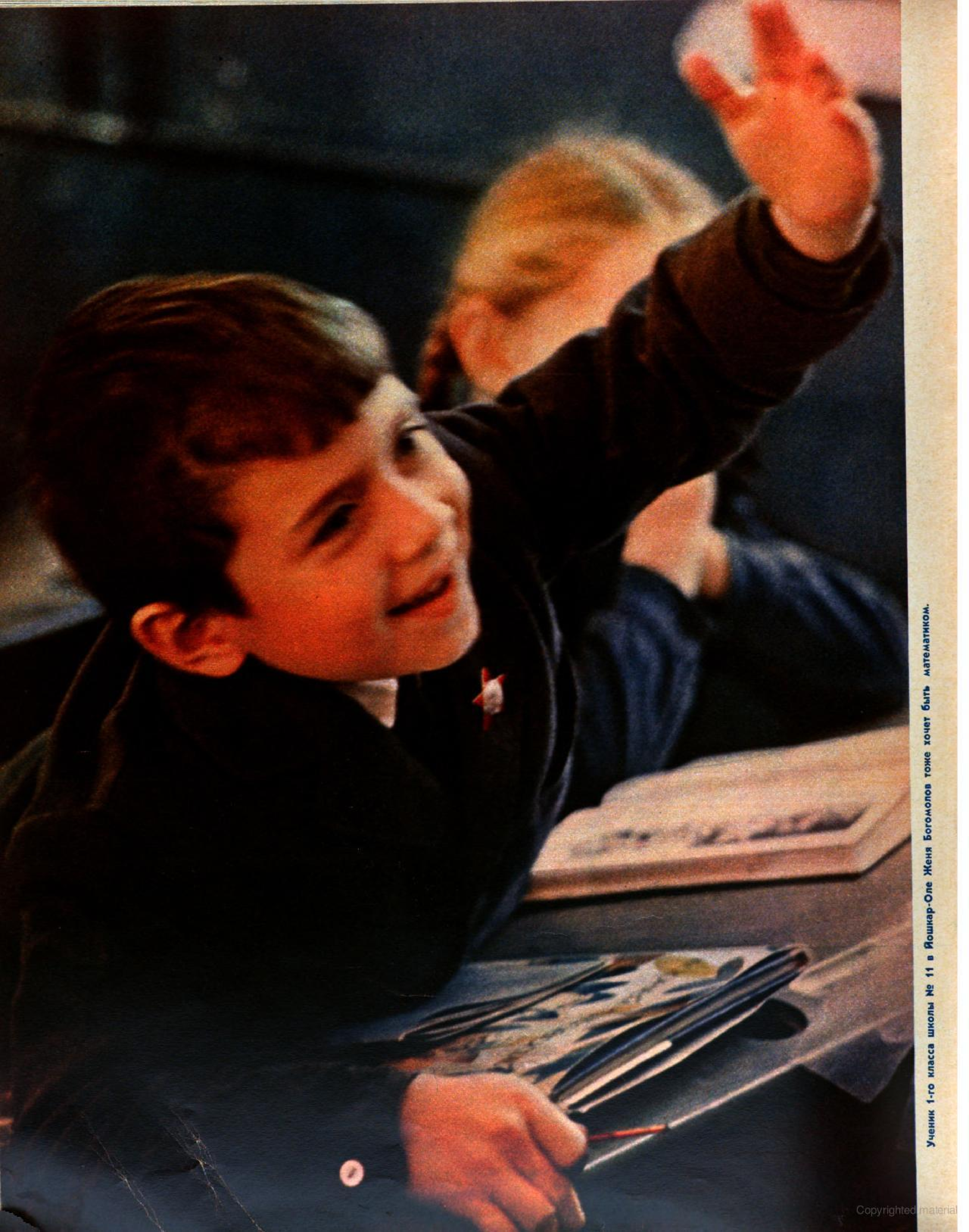
Таисия Ивановна Александрова.
Фото Д. УХТОМСКОГО.

Воспитанники Т. И. Александровой: Наталья Артемова, дипломантка Ленинградского политехнического института; Мария Коробова, учительница математики сельской школы; Валентин Анциферов, режиссер Марийского телевидения.

Ученик 1-го класса школы № 11 в Йошкар-Оле Женя Богомолов тоже хочет быть математиком.

ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбят и тебя, и науку и ты воспитаешь их». Учителями и математиками стали мои ученицы Ольга Кропотова, работает сейчас в школе № 12 Йошкар-Олы, Алексей Соколов — в школе-интернате, Анастасия Бахтина, которая преподает в Сибири. И, конечно, Маша Коробова, о которой я говорила в самом начале. Работает Маша в Шойбулаке, преподает в старших классах сельской средней школы математику. Так вот Маша жалуется:

— Ой, как трудно, Таисия Ивановна, стало! Подростка сейчас ничем не удивишь! Он, дескать, и про это знает и про то слышал. Вопросы всякие задает, а держится как независимо, за словом в карман не лезет! Я одному ученику, лентяй он порядочный, на уроках разговаривает, говорю: «Выйди из класса, ты нам мешаешь». А он в ответ: «А я не пойду». Вот и поговори с ним!

Я Машу успокаиваю. Она еще молодой педагог, научится держать класс в руках. Не всякому это дается легко и сразу. Сегодняшний десятиклассник не очень-то похож на своего сверстника двадцатилетней давности. Это все понятно и закономерно. До войны были в ходу, например, детекторные приемники, ламповый радиоприемник редко где встретишь, а теперь мальчишки ходят со своими собственными транзисторами и слушают чуть ли не весь мир. Для них — телевизоры, фильмы, спектакли, масса журналов, газет и книг. Источников информации очень много, и кругозор подростка вырос неизмеримо.

Что и говорить, нам, учителям, приходится труднее. Нам не только надо идти в ногу со временем, но и где-то, особенно в своем деле, быть еще впереди. Знаменитое высказывание Ушинского о том, что учитель постоянно должен учиться сам и что если он перестанет учиться, то не сможет быть учителем, особую силу и значимость приобрело в нашу эпоху, эпоху научно-технической революции. Исследования атомного ядра, радиоэлектроника, освоение космоса, создание новых летательных аппаратов и невиданных по производительности машин потребовали от учащихся средней школы не только более глубокой, но и иначе построенной подготовки. Нам, учителям, пришлось переучиваться. Я это очень хорошо знаю по себе. Целые разделы математики, например, теорию пределов, уравнения высших степеней, пришлось осваивать заново, вплоть до конспектирования и детальной проработки тем. Мне это было очень интересно.

Кажется, самый острый период освоения новых программ прошел, но я все время начеку. Выписываю специальные математические журналы, пополняю свою библиотечку задачников, веду разработку тем, которые неясно изложены в учебниках. Мое правило остается прежним: ни дня без прочитанной новой страницы...

Как будто, в этом ничего нет таинственного, все прописные истины. Но вот придешь на курсы усовершенствования учителей, на которых я вела несколько лет подряд семинары, и видишь: не все коллеги одинаково подготовлены.

В чем тут дело? В оторванности от источников информации? В недостаточной тиражности периодики? Думаю, что полезно было бы на внутриобластные семинары для учителей привлекать в качестве лекторов преподавателей специальных вузов и сотрудников научно-исследовательских институтов. А может быть, наладить и заочную систему переподготовки с постоянными консультациями.

И еще об одном мне хотелось сказать — о психологии. Курс ее очень сжат. А между тем психология — это тот самый инструмент, который позволит учителю держать класс в руках, найти верный контакт с современными нашими питомцами. К чести нашей молодежи будет сказано, что если и изменились они, то только внешне.

Вот что я заметила по нашей школе: проходят десятилетия, многое исчезает, уходит, а «вкусы» моих учеников какими были, такими и остались. Я имею в виду жизненные пути-дороги, выбор профессии. Ну, давайте сравним хотя бы два моих выпуска: десятый «В» пятьдесят третьего года, тогда у нас была еще мужская школа, и десятый «А» шестьдесят первого. Как раз фотографии у меня есть. На них, правда, классы не полностью, но кого нет, я вспомню.

Десятый «В» — двадцать мальчишек было в нем. Очень сильный был класс. Шестеро окончили с золотыми медалями. Особенно хорошо, блестяще учился Валентин Водоватов. Я еще думала: «Быть ему ученым, аналитический склад ума». Валя заведует кафедрой в нашем Политехническом институте, а его брат, Игорь, на год моложе, стал радиофизиком, доцент Политехнического института в Ленинграде. Второй медалист, Юра Спиридонов, занимался в МИФИ — инженерно-физическом. Уже защитился, говорят, кандидат. Третий медалист, Женя Стрельников, конструктор, работает в Свердловске. Рашид Сулейманов тоже конструктор, но в другом городе, Ижевске. Огонь был мальчишка: быстрый, с черными сверкающими глазами, спортсмен. В Кавголове прыгал все время с трамплина. С ним вместе учился в Ленинградском механическом и Ростислав Бабушкин. Защитил диплом, оставили его в Ленинграде. Начальник сектора какого-то НИИ. Достаточно, говорите?

Ну, тогда перейдем к другой фотографии, к десятому «А». Тут больше девочек было. Они, как правило, техникой не очень увлекаются. Но давайте посмотрим. По порядку, да? Тамара Казанцева окончила наш политехнический в Йошкар-Оле, конструктор. Наташа Пятницкая, теперь Артемова, кончает политехнический в Ленинграде. Специальность выбрала — электрические станции. Ира Кириллова стала врачом. Рядом с ней уже знакомая вам Маша Коробова. Во втором ряду: Галя Бисерова, тоже доктор. Маленькая, росточком с меня, Лариса Дроздова — инженер, работает на заводе под Москвой. Галина Сергеева кончает мехмат в Казанском университете. Лида Якимова после школы сразу пошла работать. А Валера Мальцев и Володя Немцов, крайние в последнем ряду, учились в Казанском авиационном. Немцов окончил с отличием. Сейчас работает в Академии наук Белоруссии и учится в аспирантуре. Нет на этом снимке Валерия Щербакова. Он окончил МГУ.

Неплохой финал, говорите, да? Да, выбор профессии у моих ребят традиционен. Хотя изменились прически у девушек, стали другими платья и кофточки и не приходят парни в школу в валенках и сапогах, как раньше. Мне такое постоянство во взглядах как награда. Я верю в трудолюбие, целеустремленность и одаренность нашей молодежи. Она нисколько не уступает в этом нам, ветеранам, а даже превзошла нас. Много ей дано, многое ей доверяется, но и многое с нее спрашивается. С каждым выпуском в нашей учительской жизни прибавляется еще одна зарубка: все равно как на шероховатой поверхности кристалла появляется еще одна отполированная до блеска грань. Сверкающая грань!

Записала рассказ Г. Куликовская.

БЕЛОРУССИЯ

ОТ СТАНКА—В АУДИТОРИЮ!

Интервью «Огонька»

«Что можно сказать о первых месяцах существования подготовительных отделений в вузах страны?» — такова была тема интервью, которое дал корреспонденту «Огонька» А. Щербакову проректор Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ МАЛЫШЕВ.

— Кто поступил к вам на подготовительное отделение?

— Очень хорошие пришли к нам люди! Вот несколько строк из биографии Климентия Промашкова. Слесарь, одиннадцать лет производственного стажа, имеет три авторских свидетельства рационализатора и изобретателя. Хочет стать физиком. Зоя Дурейко. Работала в совхозе «Вилейский», славилась трудолюбием, инициативностью; совхоз не только рекомендовал ее на учебу, но и назначил стипендию. Более десяти лет производственного стажа имеет слесарь пятого разряда Константин Карицкий, а его тезка Константин Воюш после средней школы был трактористом, потом служил в армии, теперь готовится в университет...

— Как учитывается при организации учебного процесса специфика аудитории?

— На нашем подготовительном отделении сто человек: пятьдесят — в дневных группах и пятьдесят — в вечерних. Ориентировка на четыре факультета: математический, физический, химический и биологический. Сложность преподавания в том, что школьные методы обучения должны сочетаться здесь с вузовскими. Нам пришлось подбирать педагогов, искать таких, которые в свое время преподавали в школах. Они в основном и ведут отделение. Предусмотрены обзорные лекции, цель которых — познакомить аудиторию с новейшими достижениями современной науки и техники. Тут наша опора — ведущие ученые республики: Герой Социалистического Труда, действительный член Академии наук БССР Н. Еругин, действительный член Академии наук БССР П. Рокицкий, профессор И. Тищенко, доктор биологических наук Ю. Фомичев...

— Расскажите, пожалуйста, о тех проблемах, заботах, которые уже сейчас, после первых месяцев работы отделения, дают себя знать?

— Мы проанализировали технологию набора слушателей. Выводы: желательно, чтобы больше народу приезжало из сельских районов, с периферии. Важно, чтобы более активное участие в организации отбора и направления молодежи принимали райкомы партии и комсомола, Министерство сельского хозяйства БССР.

Мы сами ищем разные возможности. В зимние каникулы студенты университета отправились в агитпоход, и мы снабдили ребят положением о подготовительных отделениях, поручили агитировать за них. Такие же поручения даем заочникам, приезжающим в университет на экзаменационные сессии.

Ненормально то, что предприятия, колхозы, совхозы, приславшие людей, уже забыли о них. Я не знаю случая, чтобы кто-то поинтересовался: «А как там наши ребята живут, как успевают, не нужна ли им помощь?» Такое равнодушие повлияет и на тех, кто ушел учиться, и на тех, кто собирается идти завтра. В государственном деле незаинтересованных быть не должно. Иначе трудно рассчитывать на успех.

Будущие физики — слушатели подготовительного отделения Белорусского государственного университета Константин Карицкий, Леонид Шантаренко, Климентий Промашков на занятиях в лаборатории.

Фото М. Савина.

КИРГИЗИЯ

САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ПРОФ

Дочь чабана Жумакан Орозакунова оканчивает музыкально-педагогический факультет. Кроме того, она солистка самодеятельного эстрадного оркестра.

Фото А. ГОСТЕВА.

На астрономической площадке.

— Думаю, что учитель — самая популярная профессия у киргизских девушек,— говорит Н. Х. Абдуазизова, ректор Киргизского женского педагогического института имени В. В. Маяковского. — Судите сами, до десяти абитуриенток претендуют на место. А ведь в прошлом году мы приняли более трехсот студенток на очное и пятьсот — на заочное отделения.

Каждую весну преподаватели института разъезжаются по всей республике в поисках будущих абитуриенток. Рекомендация школы о склонности девушки к педагогической работе имеет не формальное, а решающее значение. За полтора-два месяца до экзаменов девушки съезжаются во Фрунзе на подготовительные курсы.

В институте — пять факультетов: физико-математический, биологический, иностранных языков, филологический и музыкально-педагогический. Какой из них самый популярный? «Биологический»,— не задумываясь, отвечает заведующая кафедрой биологии Г. П. Земляная.

— Дело в том, что большинство студенток с детства близки к природе, многие успели поработать на полях и фермах, пасли отары со своими отцами и братьями. Почти все студентки нашего факультета — активные члены студенческого научного общества...

Заведующий кафедрой физики С. К. Кадыров считает, что будущие преподаватели физики и математики очень перспективны. Молодой астрофизик Мусур Токтогулов утверждает, что самые способные студентки именно у него в группе.

А Бюбюгуль Султанова даже удивилась:

— Ну какие тут могут быть споры! Это же бесспорно, что самый популярный факультет музыкально-педагогический! Кто организовал первый в республике женский ансамбль комузисток? Мы. Кто завоевал золотую медаль лауреатов Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Софии? Мы!..

На репетиции ансамбля комузисток нас познакомили с лауреатами Софийского фестиваля. Б. Султанова, Т. Койгельдиева, Д. Усенова и Н. Ибраева живо, темпераментно исполнили знаменитый «Чон кербез».

Б. СОПЕЛЬНЯК

Художественная гимнастика — любимый вид спорта в институте.

ЕССИЯ

Будущий биолог Джамила Карабекова

Физики ставят опыт с электронной машиной.

УКРАИНА

НАШ ПАРОВОЗ, ВПЕРЕД ЛЕТИ!..

А. СТАСЬ

Фото Н. Козловского.

Шестьдесят пар молодых рук дружно налегли на рельсы.

— Раз, два — взяли! Раз, два — взяли!

Этим парням с детства знаком перезвон буферов, сияние семафорных огней; многие из ребят выросли в семьях, где отцы каждый день надевали спецовку, пропахшую угольной гарью, и фуражку с молоточками. А теперь они сами ощутили в руках тяжесть гаечного ключа, выполняя свою первую в жизни настоящую работу.

Парни из училища железнодорожников, из того самого ГПТУ № 17, что разместилось в старом краснокирпичном здании за подвесным мостом, у вокзала Киев-Пассажирский, производили на морозе замену рельсов на одном из участков станционного пути.

— Раз, два — взя-л-и-и-и!..

Изо ртов клубами вырывался пар. Трудно. А кто сказал, что железнодорожного ремонтника ждет работа с прохладцей? Бывало и потруднее. Полвека назад в этих же самых местах комсомольский отряд добровольцев в зимнюю стужу прокладывал узкоколейку к Боярке, чтобы дать топливо замерзавшему, голодному городу. Дела того комсомольского отряда описаны в романе «Как закалялась сталь». В точности описано, как ребята сами замерзали и голодали, как винтовками отбивались от бандитов, как от сыпняка валились, но не отступили ни на шаг и дорогу построили... То были отцы и деды нынешних парней, комсомольцы двадцатых годов. Все они из той же «колонии» железнодорожников, что за мостом, из тех же домиков с палисадниками, из тех же цехов, что нынче расположены на территории завода имени Январского восстания 1918 года. А некоторые так даже из того же железнодорожного училища. Ведь и Николай Островский тоже учился — ребята в этом твердо убеждены — в тех же классах, что и они.

Первое знакомство с настоящим тепловозом.

Недавно киевлян принимал «командарм» всех железнодорожников страны министр путей сообщения СССР Борис Павлович Бещев. Ребята из училища пригласили его в гости, на юбилей. Когда разговор зашел о том, что будущие железнодорожники решили доброй работой отметить 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина, в министерстве посоветовали: «К рабочим пусть идут ребята. В деле настоящем побывают, самостоятельность почувствуют и свое умение покажут».

И отряд добровольцев — две группы завтрашних бригадиров-путейцев — отправился на завьюженное полотно дороги. А другой отряд учащихся — будущие слесари-ремонтники — заняли рабочие места в цехах Дарницкого вагоноремонтного. У слесарей был свой замысел: вернуть в строй действующих два грузовых вагона из тех, что подлежали списанию. «Вы, хлопцы, понимаете,— спросили их,— что это значит: восстановить шестидесятитонные вагоны? Дело серьезное, тут опыт нужен, сноровка». «Вот мы и попробуем. Доверьте!»

Мы позвонили директору завода Арсентию Кирилловичу Сороке.

— Как показала себя молодая смена?

— Отличные специалисты! Я таких и себе на завод готов принять хоть сегодня. Работу выполнили на высоком уровне, со знанием дела. Молодцы!

— Два вагона — это важно?

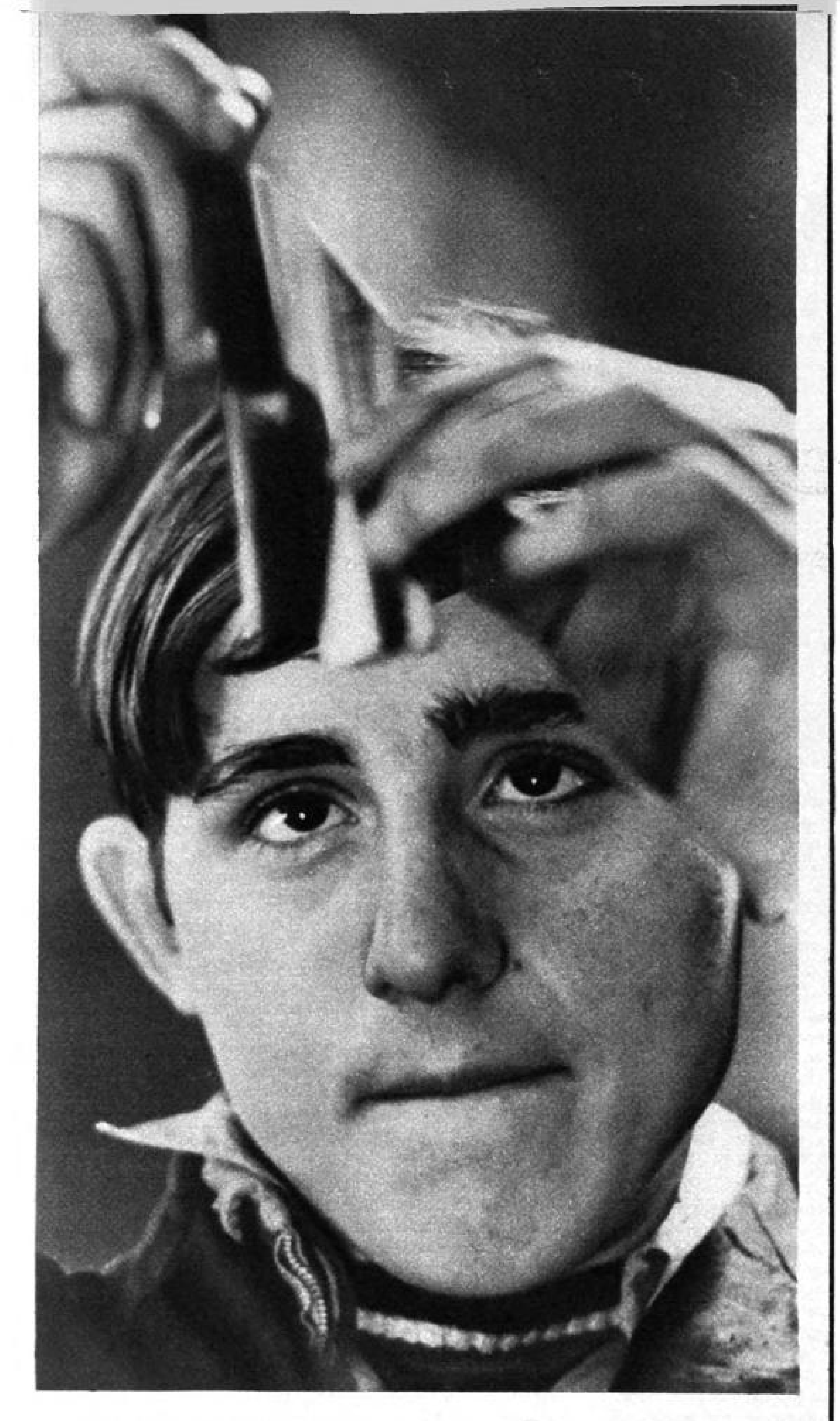
— Если все наши железнодорожные училища реставрируют по два вагона, так получится состав, что конца-края ему не увидите. А на транспорте каждый вагон на вес золота,— сказал директор.

В училище нам показали старую-престарую фотографию. Вывеска на кирпичной стене: «Железнодорожная школа. Основана в 1870 году». У стены стоят парни в форменных тужурках, простые рабочие парни — дворянство в кочегары не рвалось. Нынешнее «население» училища часто спрашивает: а как было здесь раньше, что было?

Живет в городе Иван Игнатьевич Поляков, старый коммунист. Он окончил Киевское железнодорожное еще в 1907-м. Училище открыли, когда была построена дорога Киев — Одесса. В те годы готовили тут и помощников машинистов, а больше, правда, стрелочников, ко-

Начальник Юго-Западной железной дороги Герой Социалистического Труда П. Ф. Кривонос в училище.

Учащийся Владимир Лыжнев.

чегаров, смазчиков. Нынче таких специальностей не требуется. Отжили свое. И учеба, конечно, иная. Мы видели технические кабинеты, оборудованные с учетом современных требований. А новую электролабораторию училища охотно посещают и студенты вечернего отделения филиала Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта. И мастерские здесь отличные, словно настоящие цеха, ребята осваивают токарное, слесарное, кузнечное дело. Многих специалистов воспитали в этих стенах.

Наш паровоз, вперед лети!
В коммуне остановка...

Когда-то песню эту пела вся страна, она и теперь самая любимая в училище...

Как раз, когда мы были в училище, приехал к ребятам дорогой гость — Петр Федорович Кривонос, начальник Юго-Западной дороги, Герой Социалистического Труда. Ведь он тоже «свой», «фезеушник»: учился в Славянском железнодорожном в Донбассе. Ребята показали ему свою гордость — небольшой паровоз. Теперь уже на дорогах таких нет, и вообще паровозы, как говорят железнодорожники, стоят на запасном пути: сменили их электровозы, тепловозы. Но этот особенный. На таком Владимир Ильич Ленин на родину возвратился...

У ребят вообще тут целый музей, где можно увидеть действующие модели всех видов железнодорожного транспорта. Это как бы продолжение учебы, и мастерить учащиеся умеют здорово. Да иначе и нельзя, ведь в наше время на дорогах нужны всесторонне подготовленные, технически грамотные люди. Если своими руками изготовлен каждый винтик, каждый узел модели, то и настоящая машина будет доступна и понятна.

Мы спросили шестнадцатилетнего Юру Василенко из Нежина, что привело его в училище.

— Как это что? — удивился паренек.— Во-первых, отец у меня машинист электровоза. Во-вторых, я же, кроме специальности помощника машиниста да еще слесаря третьего разряда, получаю здесь среднее образование.

Второй наш собеседник, Вадим Зюмбровский, еще в школе три года водил поезда на «Малой Юго-Западной». Так что дело это ему знакомое, привычное и по душе.

В прошлом году в профессионально-техническое училище № 17 пришли двести юношей и девушек, которые будут учиться по новой программе. Вместе с дипломом о среднем образовании они получат путевку в жизнь, выведут на магистрали электровозы и тепловозы, вольются в рабочую семью как токари, ремонтники-путейцы, слесари, столяры. После революции одно только это училище дало стране около пятнадцати тысяч специалистов-железнодорожников. И все их не хватает...

Луч

Александр **КОВАЛЕНКОВ**

Борясь с его умом, с его умом
свободным,
Упрямо спорили, смотря в ночную
тьму,
Готовые служить чему угодно,
Но только не таланту и уму;

Жандармы, соглядатаи, холопы,
Их всех страшил землетрясений
гул;
В тюремный сон, в окопный дым
Европы
С броневика луч солнца полыхнул.

А то, что, в городки, в крокет
играя,
Пиджак снимал Ильич, жалел
чужих детей,
Деталь, конечно, очень дорогая,
Но он был вождь, а это поважней.

Тепло земли

Мих. **АКСЕНОВ**

АВГУСТ В ЗАВОЛЖЬЕ

Степь. Пыльная дорога.
Бурьян — по сторонам.
А там за степью Волга
Прильнула к Жигулям.
Проехал самосвал,
Прогрохотал — как не был!
До блеска самовар
Начищен.
Тот,
что в небе!
Шагаю целиной,
Снимаю с плеч рубашку.
Широкою спиной
Несу горячий август.

СОЛОВЕЙ

Соловей у нас поет —
Небывалый случай!
Кто-то шепчет:
— Тот!
Тот!
Прошлогодний!
Слушай!
И стали
звезды
ближе
сразу,
И приоткрылся
мир!
А что он спел?..
Лишь две-три фразы.
Он пел какой-то миг!
И не беда, что был он краток!
Мы вспомним вдруг его подарок
И в январе,
когда метель
Оледенит на кухне дверь.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА КОМАРОВА

Неба синь
мы в петлицах носили.
На ремнях медь горела —
пожар!
Вспомнил я
наш поселок в Сибири,
Нары тесные
в два этажа!
...Бой на Волге.
Туда мы хотели!
Только нам воевать не пришлось!
Нет, недаром на смерть шел
Гастелло,
Чтобы ты
дотянулся
до звезд!
И на небе, где звездам так тесно,
Ты остался
звездою
Советской!

РАДУГА

Над Рязанским шоссе
Встала радуга.
Охватила и лес и завод.
Дождь на землю швырнул
Тонны радости
И ушел —
Посветлел небосвод.
Вон мальчишки
Пускают кораблики.
Закачался бумажный их флот.
Он к Пехорке поплыл от
Малаховки,
Прямо в Светлый высокий Проход,
Мимо сосен, заборов и дач.
И его не вернуть.
И все правильно.
Пусть полна жизнь удач, неудач.
Наше детство стоит,
Словно радуга.

НА ВОЛЕЙБОЛЬНОЙ ПЛОЩАДКЕ

В обтяжку брючки,
маечка тугая.
Ловлю твой взгляд,
тону,
шагаю в небо!
Совсем ты юная,
счастливая такая,
Я никогда
таким счастливым не был.
Я даже не окончил школу.
Семнадцать мне:
на мне обмотки,
скатка...
Обмотки?!
Вот словцо!
Что значит это слово?—
Когда-нибудь
потомки скажут.
И снимут
с полки том.
Все в словаре найдут.
Про скатку пусть прочтут: она так
терла грудь.

ЧУВСТВО

В. ЧАЛМАЕВ

Бессмертны страницы родной истории — уроки нерасторжимого братства, великого содружества народов, культур, гениев художественной мысли запечатлены на них...

Об одном из этих уроков нельзя не вспомнить... В бурные дни Октября 1917 года один из великих народных поэтов Грузии, Галактион Табидзе (1892—1959), стал в Петербурге очевидцем исторического подвига российского пролетариата, услышал всю неповторимую «музыку революции» непосредственно во всем ее громе и очистительном вдохновении. В поэме «Джон Рид» — непосредственном отклике на события революции — он раскрыл всю историческую новизну чувства братства, восхищения революционной душой русского народа. «Если бы меня спросили: — Который час? — Я бы ответил, как Батюшков: — Вечность!» — писал поэт об этих днях, потрясших весь мир.

Бесспорно, что идея дружбы всех трудящихся, идея интернационального братства всех прогрессивных художников прокладывала себе путь и до этого, утверждалась вопреки всем обстоятельствам, сеявшим разобщение и неравенство. Дружба и побратимство Т. Шевченко с революционными демократами и с М. Щепкиным, О. Туманяна и В. Брюсова, М. Горького и М. Коцюбинского складывались в общей социальной и гуманистической борьбе за счастье, равноправие и дружбу всех людей труда. Но в Октябре 1917 года, в последующие десятилетия, может быть, впервые в истории сложилась основа для невиданного братства и содружества, сближения и расцвета национальных культур. Все обновилось до самых глубин даже в прежнем понимании дружбы и единства. И позднее, в 1923 году, в стихотворении «Идея» тот же Г. Табидзе вспомнит вновь об этих «первых радостях», о сущности своего нового гражданского сознания, социалистического патриотизма, вновь отдаст дань высокого уважения русскому пролетариату:

Народу верен будь всегда!
Пусть будет твердым шаг твой в жизни!
Талантов всех сильней, властней —
Талант служения отчизне!..
Бессмертный Смольный — той поры.
Меч, наковальня, молот ярый!

(Пер. Н. Заболоцкого.)

Павло Тычина впоследствии назовет этот новый строй души «чувством семьи единой». А армянский поэт-революционер Е. Чаренц скажет об этом обогащении человеческого сознания как о расширении «душевных границ»... И с какой же силой вспыхнула в каждом народе на основе идейной монолитности, общности идеалов и цели любовь к родному языку и поэтической традиции,— уже в 20—30-е годы можно было говорить о рождении в каждой литературе новой — общесоветской и национальной — классики.

Где б ни был я, мне никогда напев армян не позабыть!
Молитвенно звучащих книг, письмен чекан не позабыть!

(Пер. И. Поступальского.)

признавался Е. Чаренц («Армении»). И это тоже было по-своему исторически новым. Ведь чувство семьи единой вовсе не упраздняло в сознании поэта-интернационалиста, как некий сковывающий черепаший панцирь, любви к родному очагу, к языку отцов и дедов... Этого добивались даже в 20-е годы лишь отдельные псевдореволюционеры от искусства, «головоногие» существа, по невежеству, видимо, обходившиеся без почвы, без родных тропинок, колодцев, лесов. Нет, революция не изгоняла понятия родины и в узком смысле — не отказывала в жизнеспособности передовым национальным традициям ни в быту, ни в искусстве. И прав был идейно и нравственно А. Малышко, когда говорил о расцветшем в песне рушничке, вобравшем все: «Багрец зари и чернота дороги двойною ниткой вышиты на нем». Как отбросить рушничок, внеся его по совету некоторых критиков в реестр «пережитков», если

Его мне как-то подарила мать,
Чтоб я не смел ту землю забывать,
Где ел хлеб-соль и знал соленый пот,
Где радости порой меня встречали,
И первые неясные печали,
И отблески зари вблизи ворот...

(Пер. А. Прокофьева.)

Но это чувство семьи единой, углубляя и развивая гордость Эльбрусом, Окой, Вахшем, Севаном, степями или тайгой, вносило и вносит поныне в гражданское сознание всех народов и новые, общие черты советского патриотизма, гордости, братства, видоизменяет постепенно и комплекс традиций, обычаев, вкусов. В сознании каждого советского человека, художника в особенности, живет и утверждается — всем ходом исторической борьбы — мысль о том, что все самое лучшее из национальных традиций в морали и культуре может быть сбережено и развито только в интернациональном содружестве с другими народами. Таков решающий момент в диалектике взаимоотношений «своего» и «общего», национального и общесоветского: без чувства семьи единой, без постоянного расширения душевных границ личности, развития самосознания советского человека вырождается до инфантильной этнографической созерцательности или бесплодного изоляционизма, узкокорыстного эгоизма и любовь к родному углу. С другой стороны, и социалистический интернационализм — это не единение пустот, стандартов, это — сложное, живое, обновляющееся единство глубоко самобытных культур, взаимообогащающих друг друга, вносящих свой неповторимый вклад в будущую единую культуру коммунистического общества.

...Есть в Белоруссии скромная речка Беседь — низкие луговые берега, деревянные мостики, тихое, почти неуловимое течение. И «участь» ее внешне заурядна: недалеко от Гомеля вливается она в Сож, затем вместе с Сожем исчезает в синей полосе Днепра, и, вероятно, каплей выглядит ее «вклад» в Мировой океан. Но, пожалуй, всякое истинно человеческое, а не машинное сердце отзовется на искреннее, просветленно-гуманистическое признание Аркадия Кулешова, вспомнившего в океанском просторе, где небо слилось с океаном, об этой речке, о крупице родной земли:

Опять стою, объятый чувством странным,
Гляжу на след, бурлящий за кормой,
Как будто я плыву не океаном,
А Беседью — желанною рекой.

По Беседи плыву! Как мальчугану,
Судьба решила мне ее послать.
Река родная за руку, как мать,
Ведет меня домой по океану...

(Пер. Я. Хелемского.)

Это «чувство странное», охватывающее лирического героя Кулешова, отнюдь не анахронизм, не младенческая черта сознания, присущая, если верить некоторым теоретикам, лишь «мужиковствующим» апологетам старины. Это признание в какой-то мере помогает понять решающие стороны нынешнего литературного процесса. Что нас роднит и укрепляет сейчас?

Бесспорно, свидетельством высоты и зрелости социального сознания художников всех республик, верности революционным традициям, бережного отношения к реалистическим средствам художественного освоения мира является то, что не только на почве русской, но и на почве братских литератур потерпели крах разного рода доктрины «наведения мостов», «реализма без берегов», призывы к преодолению «культурного герметизма», «неразвитости культурного импорта»...

Высоту идейно-гуманистических позиций, конкретно-исторического исследования современности, зоркость социально-классового анализа поддерживают и развивают писатели разных творческих — реалистических и романтических — манер, работающие в духе традиций, присущих литературе своего народа, непрерывно обновляемых благодаря ведущей роли социалистического содержания. Их объединяет глубокая народность, жизнеутверждающее звучание философских взглядов, уважение к национально-народному характеру как первоэлементу реализма.

Пафос утверждения народного как частицы интернационального, своего, как составной части общесоветского, единство традиций партийности и народности и лучших художественных традиций родной земли — все это и позволило многим талантливым художникам братских республик добиться выдающихся успехов. Эпопея И. Мележа «Дыхание грозы», выдвинутая ныне на соискание Ленинской премии, роман «Бремя нашей доброты» И. Друцэ, историко-революционные романы А. Нурпеисова «Сумерки» и «Мытарства», А. Кешокова «Вершины не спят», романы и повести о наших днях — «Судьба» И. Рахима, «Прощай, Гульсары» Ч. Айтматова, «Ивушка неплакучая» М. Алексеева, «Мы и наши горы» Г. Матевосяна, роман П. Куусберга «В разгар лета», «Монологи» Ю. Смуула, рассказы Я. Брыля, Е. Гуцало, Ф. Мухаммадиева, С. Воронина, К. Лордкипанидзе, Е. Носова и др., эпические поэмы С. Викулова, Б. Шинкубы, К. Кулиева, Ю. Марцинкявичюса, поэтические книги покойного А. Малышко, Н. Наджми, А. Яшина, Р. Гамзатова, Д. Ковалева, Н. Хазри, Фазу Алиевой, Н. Рубцова, А. Сагияна, К. Каладзе, М. Танка, Р. Лубкивского, З. Тхагазитова и других — все эти и многие другие произведения знаменуют новый этап в развитии нашей литературы. И какое весомое опровержение неких «всеобщих» законов художественного процесса, проклямируемых зарубежными художниками, содержится в этих произведениях! Вспоминается, как один из американских художников, Р. Мазеруэлл, возвещал о некоем

СЕМЬИ ЕДИНОЙ

«законе» поэзии: «Необходимо знать, что искусство не является национальным. Быть просто американским или французским художником — это значит быть ничем. Не суметь превзойти свою первоначальную окружающую обстановку — значит никогда не постигнуть человеческую природу». Как жаль, что в спорах с подобными представлениями о «прогрессе» в искусстве мы не опираемся зачастую на опыт братских литератур!

Романы И. Мележа, повествующие об одном из сложнейших моментов деревенской жизни (канун и свершение коллективизации), поражают эпической полнотой картин, именно глубиной постижения человеческой природы, мудростью классовых оценок событий. Со времен поэмы Я. Коласа «Новая земля», романов К. Чорного белорусская проза, может быть, не одерживала столь серьезных побед. Характеры Василя Дятла, Ганны, чье девичество и материнство оскорблены стяжательством былого патриархального уклада, первых энтузиастов новой жизни в глухой белорусской деревне Курени Миканора и Хони, сама природа и стихия трудов на земле,— все это возвышено писателем до высот настоящего эпоса. Сам И. Мележ сказал о своем замысле, чуждом абстрактного правдоискательства, так: «Мне хотелось показать, в каких муках рождалась новая жизнь, как в мученьях и бореньях рождался новый человек». И этот замысел сейчас — после многолетнего труда — реализован в монументальной прозе, в которой, как волна за волной, проходит целая эпоха, где в океане человеческих страстей возникают новые моральные богатства. «Сколько ж тут дум передумано, меж этих сизых зарослей, сколько надежд умерло, сколько разочарований и злобы истлело! — пишет писатель о ночных думах крестьян в лугах, после первого «собрания» у костра.— Люди думали, рвались душой, а жизнь шла своей размеренной, тяжелой поступью, безразличная, беспощадная к людским чаяниям и стонам! Шла, пока однажды не повернули ее...» Коллективизация в изображении И. Мележа не результат диктаторского насилия над крестьянством, как твердят зарубежные лжетолкователи нашей истории, а закономерный итог революционного обновления жизни, итог усилий лучшей части самого крестьянства и партии.

Характер коммуниста Апейки у И. Мележа, как и народные характеры Онакия Карабуша из романа молдаванина И. Друцэ «Бремя нашей доброты», рыбака Каспара Каула, прозванного «чертовым кряжем» (роман латыша Эгона Лива «Чертов Кряж»), герои армянина Г. Матевосяна и другие говорят о действительной сложности исторического процесса, о поступательном — часто весьма драматичном — движении общества к новому.

Прекрасные народные характеры воссоздает Ю. Смуул в «Монологах», с удивительной пластичностью воспроизводя живую речь людей труда, эстонских «островитян», их соленый юмор и нравственное здоровье. Украинский и всесоюзный читатель, бесспорно, отметил и новые повести В. Козаченко о «Молнии», подпольной организации времен Отечественной войны, и психологические новеллы Я. Брыля, Т. Чиладзе, Гр. Тютюнника, и исторические произведения Гр. Абашидзе, М. Юхмы, И. Цюпы.

Характерно, что многие крупные прозаические произведения представляют собой как бы историю одного характера, развернутого во времени. Это так называемые «монороманы». Ион Друцэ в романе «Бремя нашей доброты» продолжает начатое ранее (в романе «Степные баллады») жизнеописание старого молдавского крестьянина Онакия Карабуша, своего рода «патриарха» Сорокской степи, все более уплотняя, концентрируя нравственные выводы героя.

Сейчас очевидно, что проповедям непознаваемости, хаотичности исторического процесса, культу жестокости и насилия, философии индивидуализма, «раскрепощающей» в человеке низменно-эгоистичные инстинкты, советская многонациональная литература все более активно противопоставляет идеалы осознанного исторического творчества, революционного гуманизма, нравственного здоровья. Народное в современном понимании советских художников слова — это исторический оптимизм, героическая созидательная энергия творцов нового, высокое чувство ответственности за судьбы мира.

Нет, не «высвобождение» из мира социально-нравственной борьбы, не уход от роли борца... И не отрыв от родной почвы. Лирический герой А. Кулешова, убежденный в том, что «преображаться буду я стократ из мысли в плоть, из жизни в жизнь иную», всегда осознает и роль речки Беседи, родных берез и многого другого, в чем воплощается Родина:

Я всем обязан матери: прописною
В родном дому, в ее большом роду,
И зыбкою, по-нашему, колыскою,
И деревянной ложкою, и мискою —
Всем, чем обязан дом ее труду...

(Пер. Я. Хелемского.)

От сердечного знания этих деталей, родников, где зарождается жизнь и красота, идет и напряженное чувство ответственности, интернационального долга!

Не любя родные «колыски», нивы, златящиеся во мгле, все, что «душу облекает в плоть», нельзя любить и человечество. Это будет явная подделка под гуманизм, бутафорский «прометеизм», бездеятельное позерство. Точно так же и К. Кулиев в цикле «Мир дому твоему» говорит о любви к материнскому очагу, как о животворной нити, связующей его со всем миром.

И может статься: слишком много тоже
Я говорю о матери своей,
Но тот, кто мать свою любить не может,
Не любит и соседских матерей.

(Пер. Н. Гребнева.)

Опыт горских литератур Северного Кавказа, появление новых имен и литератур на литературной карте страны (манси Ю. Шесталов с повестью «Синий ветер каслания», нанаец Гр. Ходжер с романами «Конец большого дома» и «Белая тишина», нивх Владимир Санги с повестями «Изгин» и «Тынграй») убеждают в огромной роли процесса взаимообогащения, обмена, взаимосближения самобытных народов. Благодаря взаимодействию, взаимопомощи в столь короткий срок произошло событие самое решающее для нашей многонациональной литературы: всестороннее сближение уровней всех литератур — и древних, высокоразвитых и самых молодых, возникших после Октября. В наши дни рядом с именами русских, украинских, грузинских, латышских и других писателей широко известны имена представителей литератур численно небольших народов. Об этом говорят новые книги и М. Хонинова, и Х. Байрамуковой, и Л. Лапцуя, и первые публикации молодых писателей — студентов Литературного института алтайцев Б. Бедюрова и К. Телесова...

Нашей литературе чужды те пути скоротечного, мнимого «преодоления провинциализма», изолированности, которые предлагают — порой в силу странного и субъективного понимания прогресса в культуре — некоторые зарубежные культурфилософы. Нас упрекают в недооценке так называемой «геокультуры», мировой культуры. «Вместо того чтобы отнять оружие у противника, вместо того чтобы освоить, поставить себе на службу западную социологию, кибернетику и теорию информации, операционное исчисление, психоанализ, крупнейшие произведения буржуазной литературы и искусства, дав им истинное истолкование, включив их в систему, которой они противоречат лишь в той мере, в какой остаются оторванными от нее, марксистская идеология неизменно отвергает их, как совершенно испорченные продукты, способные ее отравить; тем самым она обрекает себя на то, чтобы все делать самой, отказываясь от каштанов, которые враг таскает для нее из огня»,— писал Ж. П. Сартр.

В подобных призывах, в самой методологии советов (выходит, нужна всего лишь «обработка», «интерпретация», чтобы сблизить псевдохудожественную порнографию и здоровые явления нашего искусства!) звучит иллюзорное убеждение в якобы исчерпанности, устарелости многих «традиционных» представлений о человеке, прогрессе, устарелости критериев классового подхода к оценке идей... Мы не думаем переубедить известного французского писателя-экзистенциалиста. Но ясно, что призывать к подобной конвергенции можно только на основе обоюдной уверенности, что и капитализм и социализм вступили якобы в так называемый единый «постиндустриальный» период, в котором классовые различия, национальные (региональные) традиции, понятия патриотизма, специфические формы искусства утратили всякое значение... Что в числе новых, единых якобы для всего человечества ценностей рождается мировосприятие людей космической эры, возникающее якобы на совершенно неожиданной, внесоциальной основе... Что везде «элита» общества страдает от «стада» и потому вырабатывает свой закамуфлированный художественный язык — смесь мистики, эротики и математики... Если согласиться со всем этим, тогда действительно «легок» обмен, возможна беспредельная интеграция, возможно писать прямо с буржуазных, естественно, позиций — для всего человечества. Но как раз с этим-то, с теорией угасания классовых различий двух систем, мы и не можем согласиться.

А родина в социальном, нравственном, историческом значении? Понятие ее в концепциях апологетов геокультуры вообще умаляется. Так, Ганс Магнус Энценсбергер (ФРГ), говоря о стремлении избавиться от всемирного тяготения к интеграции, «похожести», от призрака пластмассовой пустыни, все же отвергает как устарелое, исчерпанное понятие нации, национальной самобытности: «Я предпочитаю называть эту контрсилу, призванную нас спасти (от стихии стандартов.— В. Ч.), силой провинциализма. Я понимаю это так: провинциализм означает ощущение дома, родины. И совсем не обязательно это должна быть страна, это может быть деревня, или большая ферма, или один-единственный дом на острове».

Все эти концепции, теории, мнения не просто безразличный, инертный фон, на котором сейчас развиваются социальные и художнические искания нашей многонациональной литературы, формируется единый художественно-философский опыт социалистического реализма. Эти концепции и многие авторы их ищут, как говорят, «взаимности», согласия...

Чем опасны подобные теории, выставляемые как некий новый горизонт сближения? Подобные новинки «духовного сближения», требующие вначале как будто «малого» — всего лишь упразднения чувства революционного первородства, потрясшего когда-то Г. Табидзе,— а затем национального характера и самобытного нравственно-психического облика художника, чужды советским литераторам. Мы видим в этом приукрашенную форму буржуазной деградации художественной мысли, нивелировки ее на основе эстетики и практики модернизма, этой безнациональной мета-культуры. Модернизм — это духовное обнищание культуры человечества, унижение гуманистического и национального самосознания народов, это замедленное, бескровное народоубийство, обесцвечивание национального духовного облика. И одновременно это яростная атака на пролетарский интернационализм! Сами модернисты, бесспорно, отрекутся от всякой генеалогической взаимосвязи с политической агрессией империализма. Но это именно так, взаимосвязь эта есть, независимо от их субъективных намерений.

Но нам чужд и мнимый, зачастую провокационно предлагаемый тем же империализмом путь «преодоления» диктата духовных стандартов, модернизма, псевдонационального самоутверждения, который выражается в буржуазных условиях в виде вспышек изоляционизма. И ведь и сам национализм — и по своей антиреволюционной, чуждой пролетарской солидарности сущности — столь же буржуазный метод «борьбы» с закономерностями буржуазного же мира. Точно такой же бесплодный и тупиковый, как и «бунты» битников, дикарей XX века, как другие формы искусственного, предусмотренного хулиганства — средства «ниспровержения» буржуазного мира.

На самом деле и изоляционизм и космополитизм одинаково враждебны подлинной культуре, они взаимодополняют друг друга в глазах обезличенной, зараженной «энтузиазмом» стяжательства, садизма буржуазной толпы. Вчерашний поборник герметизации легко становится с изменением моды и ситуации «гражданином мира», и, наоборот, догматик модернизма вдруг начинает мечтать о националистическом остром соусе к своей безликой стряпне. Есть и другое объединяющее начало у национализма и модернизма: провинциализм художественного мышления, умаление роли классического наследия, попытки отомкнуть все «ларчики» в искусстве одним и тем же мещанским «ключиком», игнорируя революционную классовую позицию в оценке событий истории и культуры.

Без революции, без ленинизма нет и подлинного обретения родины, расцвета лучших национальных традиций в культуре!

Именно поэтому художнику социалистического реализма дорог мир, но не хаотичный, деформированный, болезненно извращенный или измельченный в гримасах модернистского или псевдонационального искусства. Ему дорог мир в революционном развитии, во всем, еще не изведанном, неистощимом богатстве реальных красок, линий, естественных «композиций», дорог человек как высшее гармонически развитое существо, а не условный знак, расплывчатое пятно, бездушный логарифм. Как пример преодоления всех видов буржуазного измельчания искусства характерны не только романы, рассказы, но в особенности поэмы последних лет — «Чегемская поэма» К. Кулиева, «Стена» Ю. Марцинкявичюса, «Суд памяти» Е. Исаева.

Уголок своей родины, Чегемское ущелье Кабардино-Балкарии, в его прошлом и настоящем К. Кулиев видит с той духовной, исторической высоты, которой достиг весь советский народ, все наше общество. И в то же время в поэме словно вновь заговорила земля гор, излюбленный поэтом «раненый камень» горских троп, ущелий, древних очагов.

Тропинки детства, малая родина... Но как много света, вдохновения дает и зрелому человеку «младенческая», казалось бы, колыбель родины, художественная традиция родного народа! К. Кулиев, словно обозревая корни своей поэтической строки, с великой любовью вспоминает о безвестных ашугах, певцах трудового народа: «О, безымянные поэты моей древней земли, простые и великие! Я, знающий сегодня Данте и Шекспира, Пушкина и Мицкевича, удивленный и восхищенный, склоняю голову перед силой вашего таланта! Вы слагали свои песни, вися над пропастью, идя за деревянным плугом или ночью проезжая верхом через тесное ущелье, откуда едва виден синий клочок неба с крупными звездами. С тех пор прошли века, окутанные туманами, как горы в пасмурную ночь, и освещенные грозой. Но порывы вашей души, ее мужество и доброта дошли и до меня... Милые и неподкупные кудесники, вы высоко несли знамя души своего народа, ни разу не уронив его, и оно поныне развевается над нами...»

От народной традиции идет пластическая определенность, ощутимость монументальных образов многих других национальных поэтов. Об этом говорят не только стихи таких известных мастеров, как П. Бровка, М. Турсун-заде, А. Сагиян, И. Абашидзе, М. Бажан, но и молодых поэтов — Р. Лубкивского («Громовое дерево»), О. Сулейменова, М. Каноатова... Прекрасно сказал о своеобразии Амо Сагияна, поэта исключительного эмоционального напряжения и сдержанности, его переводчик А. Тарковский: «Поэзия Амо Сагияна — поэзия суровая (я чуть не написал молчаливая), она не хочет быть пестрей скромного зангезурского камня». Но в этой мнимой одноцветности скрыто удивительное — как и в немногоцветных, тяготеющих к основным тонам полотнах М. Сарьяна,— богатство мелодий, оттенков, голосов, словно «освобожденных» поэтом из каменного плена. В русле шевченковских традиций неистового «пророческого» утверждения жизни, бессмертия народа («наша дума, наша песня, не вмре, не загине»...) работают и Р. Лубкивский, и Д. Улзытуев, и А. Пысин.

Об органическом единстве идейно-эстетических задач, об укреплении интернациональной основы и единого художественного опыта советской многонациональной литературы свидетельствует тот факт, что и в русской литературе усиливается в наши дни пафос идейной непримиримости к чуждым концепциям, растет уважение к традициям реализма, народности. Роман Гр. Коновалова «Былинка в поле», поэма С. Викулова «Против неба на земле», рассказы Е. Носова (сборник «За долами, за лесами»), стихи М. Луконина, В. Жукова, М. Дудина, Вас. Федорова, А. Прасолова, А. Передреева, публицистика В. Чивилихина — все это весомые «аргументы» в борьбе за высокий авторитет единой литературы социалистического реализма. Замечательным примером содружества талантов, братства художников, пишущих на разных языках, является и переводческая деятельность многих русских писателей — об этом говорят переводы В. Солоухина повести Р. Гамзатова «Мой Дагестан» и романа Г. Абашидзе «Лашарела», А. Межирова (поэмы Ю. Марцинкявичюса и И. Абашидзе), переводы Я. Хелемского из белорусской поэзии, переводы Ю. Казакова романов А. Нурпеисова «Сумерки» и «Мытарства», перевод Дм. Ковалева романов И. Мележа и другие.

В последние годы на основе ведущей, усиливающейся роли современного социалистического содержания происходит своеобразный отбор, «отсев» плодотворного и архаичного в самих национальных традициях. Активно развивается все действенное, живое, способствующее полному выражению социальных и нравственных побед советского человека. Народное, национальное — это не символ чего-то простенького, даже банального, связанного всецело с какими-то архаичными, когда-то примелькавшимися фигурами вещуна-старика или занозистой, «шустрой» на язык бабки.

Об этом усложнении критериев народности и национальной самобытности говорят и повести Г. Матевосяна, словно воскрешающие на новом уровне опыт новеллистики А. Бакунца, и лирика К. Каладзе, словно впитавшая в себя уроки и классического грузинского стиха и опыт поэтов братских республик, и психологическая новеллистика Е. Гуцало, близкая одновременно и прозе раннего А. Головко, П. Панча, Г. Косынки и современным достижениям О. Гончара, и роман латыша Э. Лива «Чертов Кряж», суровый герой которого напоминает во многом некоторых героев В. Лациса. Всем этим, как и многим другим современным произведениям братских республик, присуще общее свойство: «обнаженность» духовной сущности лирического или эпического героя, «открытость» ее. Заметно, что полнота выражения правды достигается не за счет механического, эмпирического накопления фактов, «материала», а за счет значительности и глубины философской концепции и характеров.

В художественной практике и в критических высказываниях художников братских республик в наши дни нередко ощущается стихийная или осознанная полемика как с буржуазными ликвидаторами или опустошителями национального характера, так и с неверными концепциями некоторых критиков, изничтожавших еще недавно само понятие «национальный характер». Критики эти, видимо, поддались магии «интегралов», иллюзии преодоления надуманной «провинциальности» братских литератур во имя безнационального, космополитического искусства, принялись с усердием аннулировать понятие национального характера. Для иных критиков самобытность — это что-то малосущественное, вроде родинки, морщинки на одинаковых, стандартных лицах! Для других теоретиков национальный характер — или чистая фикция, или производное только от текущих социально-экономических условий, «упраздняемое» или легко изменяемое по воле немногих обстоятельств или лиц. Объективно эти теории приводят к сужению, обеднению почвы нашего искусства, палитры реалистических красок, ослаблению его в идейной борьбе с поборниками интеграции, духовного поглощения реализма, традиций народности и патриотизма псевдоискусством модерна. «Понятие народного характера — не фикция, не фантом... сфера народного характера издавна была и остается сферой острой классовой борьбы, борьбы старого и нового, консервативного и прогрессивного»,— справедливо отмечал эти ошибки критик Ю. Барабаш в статье «О народности литературы» («Коммунист», 1969 г., № 8).

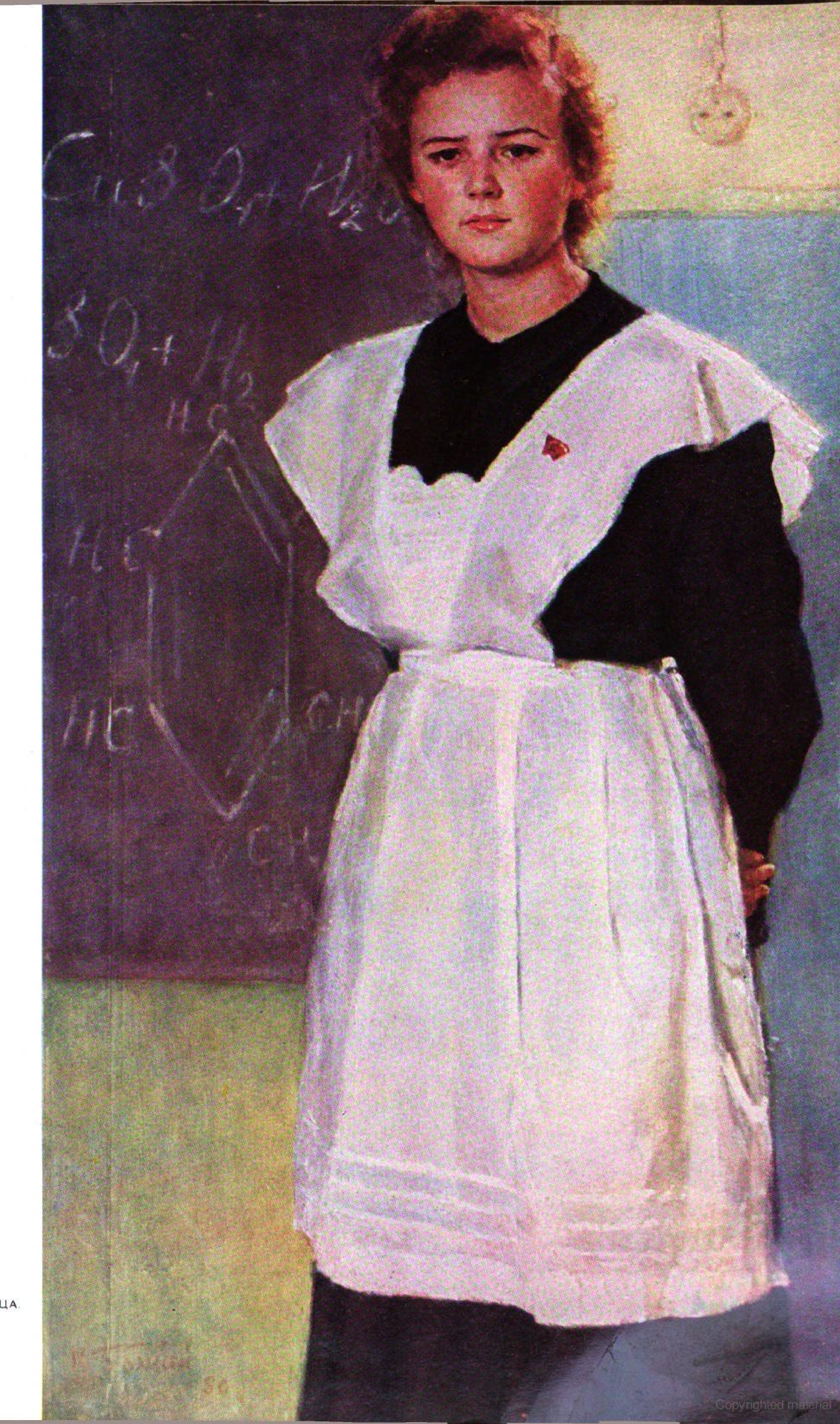
И отрадно, что в то самое время, когда некоторые теоретики ратуют за упразднение национального характера как главной «преграды» перед безнациональным модернистским искусством, наиболее серьезные и искренне заинтересованные в сближении и взаимообогащении литератур писатели и критики активно выступают против такого рода однобокого, провоцирующего национальный эгоизм «прогресса». В этом смысле интересны высказывания некоторых критиков из братских республик.

Борьба вокруг вопроса о традициях и новаторстве, уважении к классическому наследию приобретает сейчас особую остроту во всех братских литературах. Везде становится очевидным: модернизм несет опустошение, распад, исчезновение даже надежд на появление произведений, равных по масштабам идей хотя бы «Новой земле» Я. Коласа, «Бурьяну» А. Головко, «Сумеркам провинции» и «Лар-Маркару» А. Бакунца, «Абаю» М. Ауэзова, «Водовороту» Г. Тютюнника, «Решающему шагу» Б. Кербабаева...

Верную позицию занимает известный армянский ученый Сурен Агабабян. Автор отличной монографии об А. Бакунце, отмечая всю плодотворность взаимообмена, изучения опыта зарубежной художественной мысли, в статье «Проблемы современной армянской прозы» («Дружба народов», 1967 г., № 6) серьезно озабочен проблемой сохранения реалистических традиций, народных основ искусства, эпической глубины прозы. Он видит опасность утраты содержательности слова, как следствие засилья некоей «современной манеры».

«Сегодня красивость слова стала таким же бичом, каким была несколько лет назад серость повествования. Часто читаешь образцы прозы, называемой лирической, и не находишь ни одной обычной фразы, обычного ударения, все отполировано до такой степени, что кажется, будто слова преподносятся тебе в изоляционных перчатках. Получается какая-то разнаряженная в шелка, припомаженная литература. Часто литературная ювелирность превращается в бессмысленное занятие, потому что лишает слово и образ живого дыхания. Действительно, лучше быть опытным кузнецом, чем ювелиром. В ювелирной обработке плохо не то, что она оттачивает слово и придает ему благозвучие, а то, что в гладких предложениях звучат не те или иные мысли и волнения, а звенят лишь сами фразы».

Другой армянский критик, Ф. Мелоян, отмечает, что произведения, написанные в такой манере, мертвы уже в момент рождения, бескровны, в них «неузнаваемо искажены

М. Божий. ОТЛИЧНИЦА.

И. Гринюк. ЛЕКЦИЯ.

В. Щербаков. СТУДЕНТЫ.

естественные человеческие взаимоотношения», а люди «подменяются роботами». И самое главное: «В произведениях псевдоурбанистов нет живой атмосферы самой действительности, и они демонстрируют такое языковое мышление, что вряд ли можно выяснить, на смеси каких языков написаны их вещи»,— пишет Ф. Мелоян («Дружба народов», 1969 г., № 1), приводя в дальнейшем некоторые образцы подобного «творчества»: «Один автор «выращивает в своем саду богов», у другого «глаз катится по мокрым улицам ночного города», а третий считает возможным так представиться читателю при первом знакомстве:

Снимаю изношенные туфли
С моих изношенных ног
И кладу их на желтые стены
Напоказ людям.
Пусть они придут и увидят,
Изучат мои туфли.
Я существую в моих туфлях».

(Пер. подстрочный.)

Подлинно интернациональной задачей всесоюзной критики является сплочение своих усилий для защиты социальных высот мышления, лучших национальных традиций, реалистических завоеваний единой многонациональной литературы от мертвящего — идейно и эстетически — воздействия модернизма, убивающего все живое на любой почве. Таков главный горизонт содружества, фронт единого сражения с духовными порождениями буржуазного мира. Наш долг — предотвратить всякие попытки движения к формализму или национальной ограниченности, к пустозвонной риторике или суетливой спекуляции на модном... Глубоко прав грузинский критик Гурам Асатиани в своем анализе одного из «попятных» движений, которое порой рекомендуется нам с этикеткой «прогресс»: «...Поэты усердно расщепляют слова на звуки, сознание — на мельчайшие осколки представлений, чувства — на смутные импульсы подсознания. Знаков все больше, они все мельче и все причудливей... Но это отбрасывает поэзию на много лет назад к тем временам, когда дух, идея, как опьяненная, искала свое выражение в многообразных ликах природы и, не находя искомого, насиловала, коверкала, до неузнаваемости искажала ее живые формы. И мне кажется, что модернизм, экстремизм, неоавангардизм, под каким бы именем он сегодня ни выступал, в этом смысле есть утверждение не нового эстетического мира, а шаг назад в художественном развитии человечества».

Наше время ознаменовано расцветом творческих сил всего советского народа, новым подъемом культуры. В романе М. Алексеева «Ивушка неплакучая», повествующем о судьбе русской крестьянки, о молодом поколении преемников и продолжателей героических традиций революционных лет, в романе И. Шамякина «Снежные зимы», в книге воспоминаний М. Исаковского «На Ельнинской земле», в новых повестях Б. Харчука «Гороховое чудо», Т. Пулатова «Второе путешествие Каипа», в рассказе Е. Носова «Красное вино победы» и других мы видим завоевание новых высот в идейно-художественном освоении различных этапов, сторон народной истории. Последовательный интернационализм, зрелость классовых позиций, обогащение традиций реализма и народности ведут к новым открытиям, действительным победам в искусстве, к подлинному прогрессу культуры, чуждому «псевдооткрытиям» всякого рода модернистов. Еще более возрастает и роль русского языка как средства сближения и взаимодействия народов на почве искусства. «Русский язык помог нам выйти к свету. И только потерявшие совесть клеветники могут называть это ассимиляцией. Нас вполне устраивает «ассимиляция», в результате которой наша национальная культура назло вражеским наветам с каждым годом расцветает все ярче»,— писал в статье «Ленинской правдой окрыленные» Б. Е. Кабалоев («Октябрь», 1969 г., № 11).

Горизонты содружества — горизонты социальной и нравственной жизни нашей страны, это все более крепнущее чувство семьи единой. Время изменяет характер конкретных форм взаимодействия, взаимопомощи, прокладывает новые пути братства и содружества. Но неизменной, вечно живой остается сама идея ленинского интернационализма, бережное, сыновнее отношение к общему нашему достоянию и оплоту — Стране Советов.

ВОЛШЕБНИКИ ИЗ ДРУСКИНИНКАЙ

Марат ШИШИГИН

Любой встречный — местный или приезжий — скажет не задумываясь, что главная достопримечательность литовского курорта Друскининкай — Парк лечебной физкультуры. Первое впечатление: парк как парк, ничего особенного. Но чудо на то и чудо, что на поверхности не лежит.

Знакомство с парком я начал с диспансера. Несколько десятков людей дожидаются своей очереди. Интересуюсь статистикой. Летом каждый врач-ординатор принимает по 100—110 человек в день. В Парке лечебной физкультуры ежедневно бывает от 1 500 до 4 000 человек. Из них свыше тысячи занимаются по курсовкам, выданным диспансером парка, остальные получают направления в санатории.

Из кабинета врача обычно уходишь с рецептом. Из диспансера парка люди тоже выходят с рецептами. Вот некоторые из них: гимнастика общая... лечебная гимнастика с учетом заболевания... дыхательная гимнастика... ионизация, спортивные игры, теннис, волейбол, пинг-понг, велосипед и т. д.

Как вы уже заметили, главное лекарство — движение, дыхание, солнце, вода, воздух. Работники Парка лечебной физкультуры — заслуженный работник здравоохранения Литовской ССР Карл Викентьевич Динейка и его коллеги — считают, что от многих болезней можно вылечиться с помощью физических упражнений и закаливания.

Попробуем разобраться в свойствах лекарств, применяемых в парке. Начнем с самого распространенного и эффективного — каскадных купален. Представьте, что на вас падают не струйки душа, а целая река. Да-да, река. Русло реки Ратнича преградила плотина высотой в три метра, ниже ее сооружена глубокая в полтора человеческих роста ванна. Вода падает со скоростью 4,5 метра в секунду. В ванне есть разные уголки. Для начала можно полежать в тихой воде, побултыхнуть, а затем уже войти в бурлящую зону.

Это так называемая жемчужная ванна. Впечатление такое, как будто вы попали в горный поток. Ну, а после этого можете подставить тело под плотные струи падающего потока реки. Вы ощущаете сильный, но приятный удар, вам хочется подставить под удары грудь, спину, петь от прилива бодрости и беспричинной радости. Все это похоже на веселье, царящее на морском берегу в трехбалльный шторм. Все резвятся, борются с волнами, ныряют...

Сильная струя разогревает, массирует тело, увеличивает приток крови в легкие. Каскад—это естественный и очень эффективный массаж всего тела. Ощущение человека, вышедшего из купальни, передать трудно. Во всяком случае, бодрость испытывает каждый, и во всем курорте нет более популярной процедуры, чем каскадные купальни, или, как принято их здесь называть, «каскад».

Другое лекарство, широко используемое в парке,— это целенаправленная лечебная гимнастика. Многие специалисты практически сводят лечебную функцию физкультуры к утренней гимнастике. Работники парка утверждают, что нужно чередовать общую гимнастику с воздействием на тот или другой орган, подверженный заболеванию. Работники парка утверждают, что только изменения нагрузок в одном виде движений большого эффекта не дадут. К. Динейка с помощью своих товарищей разработал определенные комплексы, рассчитанные на разные категории, больных: гипертоников, астматиков, страдающих радикулитом, эмфиземой и т. д.

Движения людей, особенно ведущих сидячий образ жизни, ограниченны, дыхание поверхностно, и поэтому они постоянно сидят на голодном кислородном пайке. Так появляется кислородная задолженность, а отсюда и беды.

Еще Аристотель говорил: дыхание — это жизнь. К. Динейка и его товарищи широко применяют в Парке лечебной физкультуры систему упражнений для восстановления у человека правильного и полного дыхания. Дыхательная гимнастика применяется как самостоятельно, так и в сочетании с разнообразными физическими упражнениями, спортивными играми. Особенно хорошие результаты дыхательная гимнастика дает при неврастении, переутомлении.

— Прежде всего нужно организовать хорошую кислородную вентиляцию всего организма, наладить легочное и внутритканевое дыхание. С этого я предлагаю начать каждому своему пациенту,— говорит К. Динейка.

Методисты Парка лечебной физкультуры применяют целую серию упражнений для восстановления правильного дыхания: упражнения на тренировку частоты и глубины дыхания, сочетание фаз дыхания и движения, выдохи в воду для тренировки внутритканевого дыхания. Все эти упражнения дают прекрасные результаты.

70-летний Н. в течение трехнедельной тренировки дыхания сумел увеличить емкость легких с 1,5 до 2,7 литра. К. Динейка считает, что все эти упражнения должны привести к полному и гармоничному дыханию, когда активно участвуют и легкие и диафрагма, то есть сочетается грудной и брюшной тип дыхания. При таком дыхании кровь хорошо обогащается кислородом, а диафрагма, как хорошая массажистка, массирует внутренние органы. Хорошо поставленное дыхание — преграда на пути болезни. Кислород — самый активный и главный разрушитель жировых веществ и отложений. Поэтому человеку, который правильно дышит, не грозит полнота.

Смешными выглядят попытки некоторых мужчин и женщин избавиться от лишних килограммов с помощью изнурительного голодания. Но, отказывая себе в еде, они не меняют своего двигательного режима — мало бывают на

воздухе, не занимаются физкультурой, туризмом и поэтому, вполне естественно, ничего не добиваются.

Динейка обнаружил интересную закономерность: певцы очень редко болеют гипертонией, бронхиальной астмой. Дело в том, что у них, как говорится, хорошо поставлено дыхание, то есть они умеют дышать и полно и гармонично. На этом основании Динейка пришел к выводу, что пение и произношение отдельных звуков можно использовать в качестве одного из видов упражнений для тренировки и восстановления дыхания. В парке применяется сейчас ряд комплексов упражнений, в основе которых лежит пение.

В чем секрет эффективности метода, применяемого К. Динейкой и его коллегами в Парке лечебной физкультуры? Лечебная физкультура, климатотерапия, закаливание не новость, они довольно широко применяются у нас во врачебно-физкультурных диспансерах, поликлиниках, домах отдыха, санаториях. Все это так. Думаю, что секрет эффективности — в творческом подходе ко всем этим известным методам. Несомненно, что Динейка и его коллеги внесли в практику применения лечебной физкультуры немало своего, оригинального, существенно обогатили ее.

Окружающая среда воздействует на нас — это известно всем. Солнце, воздух, вода и другие компоненты окружающей среды могут благотворно влиять на человека. Могут воздействовать и отрицательно. Например, увлечение загаром расстраивает нервную систему, вызывает слабость, утомление. Характер воздействия зависит от дозировки, и все процедуры так называемого климатолечения в парке строятся на комплексном, строгом дозировании.

По собственному опыту каждый из нас знает, сколько радостных, успокаивающих эмоций вызывает у нас прогулка по лесу, зеленому лугу. Общение с природой создает особую благотворную психологическую атмосферу, отсюда методисты парка делают для себя практический вывод: комплекс упражнений может дать наилучший эффект в том случае, если он выполняется с настроением, в хорошей эмоциональной атмосфере. Как правило, приезжающий на отдых нашпигован отрицательными эмоциями, связанными с усталостью, физической и нервной перенапряженностью. Первое, что нужно сделать для такого отдыхающего,— избавить его от них.

В Парке лечебной физкультуры используются комплексы упражнений на расслабление мышц, на снятие нервного напряжения и физической усталости. Особенно хороший эффект дают эти упражнения в сочетании с музыкой, которая используется как успокаивающий фактор. Она снимает нервное напряжение, расслабляет тело.

Карл Викентьевич Динейка и его сотрудники-экспериментаторы обогащают науку интересными научными выводами. Свои мысли и наблюдения Карл Викентьевич описал в ряде оригинальных и широко известных в республике работ: «Физическая культура — источник здоровья», «Лечебная физическая культура». В 1966 году литовское республиканское издательство «Минтис» издало его большой труд «Дыхание, движение, здоровье». Весь тираж был быстро распродан.

У Карла Викентьевича немало и других заслуг. В 1945—1948 годах он был активным организатором первого в Литве Каунасского института физкультуры. Несмотря на свои семьдесят лет, Динейка энергичен, неутомим, полон планов. Под стать руководителю парка и его соратники. Правая рука Динейки — молодой врач-ординатор Гедиминас Римдейка, выпускник Каунасского медицинского института. Прекрасный спортсмен — в прошлом член юношеской сборной, а затем взрослой команды Литвы по плаванию, участник III Спартакиады народов СССР, он вместе с Динейкой разработал оригинальную методику лечебных упражнений в вертикальной ванне, с помощью которых можно активно лечить нарушения опорно-двигательного аппарата, болезни позвоночника, радикулит. Римдейка готовится защищать на эту тему диссертацию.

Когда-то волшебники из Друскининкая мечтали о диспансере, где можно было бы принимать больных, об аппаратуре для диагностики, лабораториях, о зимнем зале лечебной физкультуры. И эти мечты сбылись. В 1968 году по решению республиканских организаций парк превращен в центр лечебной физкультуры Литовской ССР. Недавно в парке открыто новое помещение врачебно-физкультурного диспансера, в котором имеются и отлично оборудованные кабинеты для врачей, и зал лечебной физкультуры, и массажные комнаты, и вертикальная ванна. А в новом году войдет в строй Дворец лечебной физкультуры с каскадными купальнями, работающими круглый год, залами лечебной физкультуры, кабинетами для водных процедур, душевыми, залом для спортивных игр, бассейном.

А между тем Динейка и его помощники уже увлечены новыми идеями и планами. Вот один из них — «Солнечная тропа». Так назвали работники парка оригинальный пешеходный маршрут, главная цель которого — возбудить у человека радостные эмоции, вызвать хорошее настроение.

Солнечная тропа начинается у центра лечебной физкультуры и пробегает по живописному берегу речки Ратнича. Вы идете по дорожке вдоль ручья, солнечные зайчики играют в листве. Журчит речка, на отмелях, темнеет на омутах, ярко блестит на солнце. А вот и первая остановка у минерального источника. Здесь вы можете отдохнуть, утолить жажду, и снова в путь. Следующая остановка — каскадная купальня на месте старой живописной мельницы. Вода бьется о бетонную плотину, пенится упругой, тяжелой стеной. Как тут удержаться, чтобы не искупаться! В здании мельницы кафе, а после прогулки и каскадных купален аппетит волчий... И снова в путь. На небольшом ипподроме, расположенном посреди душистого заливного луга, можно посмотреть на конные состязания, самому покататься под наблюдением инструктора, а там, где речка Ратнича берет свое начало, вы можете получить лодку и по стремительному потоку вернуться к самому началу маршрута.

В парке звучит музыка, радостный смех. Волшебники из Друскининкая возвращают людям молодость.

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Все?

— Все, Василий Михайлович. На этом запись обрывается...

— А она действительно молодцом, ваша Катя. Сообщения весьма полезны. Главные действующие лица уже находятся под нашим наблюдением. Вот только «Толстый»... Надеюсь, Александр Порфирьевич, что ваша группа сумеет найти его след. Прошу вас сегодня же разработать план действий оперативных сотрудников. Ну что же, все, кажется, ясно...

— За исключением одного темного пятна.

— Что вы имеете в виду, Николай Андреевич? — сказал генерал, хотя отлично знал, о чем пойдет речь.

— Марина Васильева... Нам до сих пор неизвестно, чем закончились беседы Зильбера с ней...

— А ваше мнение каково? Нам важно знать вашу личную оценку линии Зильбер — Марина,— сказал генерал.

Бахарев молчал. Он сидел в углу комнаты и словно изучал карту, что висела на стене, будто искал там ответа.

— Так как же, товарищ Бахарев,— настаивал генерал.— Воздерживаетесь...

Генерал встал из-за стола, подошел поближе к лейтенанту и, обращаясь непосредственно к нему, продолжал:

— Странное молчание... Я ведь все знаю, Николай Андреевич, все, все, так сказать, привходящие обстоятельства. Включая и то, как вы однажды отказались продолжать вести дело...

Бахарев перевел взгляд с карты на генерала и, посмотрев на него в упор, тихо, едва слышно сказал:

— А вы о доверии к людям говорили, Василий Михайлович... Да и сами... Прибалтийская сага... Мы ведь знаем ее. Волнующая история...

Генерал нахмурился.

— Если бы вам не доверяли, товарищ Бахарев, то мы не сидели бы здесь вчетвером. Ясно? А психологическими коррективами никогда не следует пренебрегать. Ясно? Итак, я повторяю: какова ваша личная, да, да, подчеркиваю, личная оценка линии Зильбер — Марина? Смог он одолеть этот барьер или нет?

— Я лично допускаю такое... Может, и смог.— Бахарев говорил непривычно для него медленно.— У девушки сумбур в голове. И к тому же до сих пор, хотя прошло уже немало времени, она продолжает пребывать в состоянии некоторой озлобленности. И это тоже сказывается. От озлобленности до преступления один шаг.

— Насчет одного шага — это вы правильно изволили заметить, товарищ Бахарев. На такой один шаг противник тоже рассчитывает. Не знаю, сделан ли уже тот шаг, но нельзя не зафиксировать состояние известной готовности к тому. Нам не следует забывать, что отчим Марины был и есть сотрудник иностранной разведки. Через лиц весьма подозрительных шлет он дочери из-за рубежа подарки. Дочь не может не догадываться, чем занимаются все они — и папа и его друзья-«туристы» — и чего добиваются они от нее. И не считает нужным заявить обо всем этом кому следует... Тут, знаете ли, есть над чем призадуматься...

Василий Михайлович насупился, словно именно в этот момент он как раз и «призадумывается».

— Теперь о сумбуре в голове девушки. Зильберу он на руку, этот сумбур. Между тем нам до сих пор еще неизвестно, сумел ли он воспользоваться теми обстоятельствами, что облегчают его работу? Вы сами изволили, товарищ Бахарев, назвать их: сумбур и озлобленность. Назвать назвали, а от оценки сложившейся ситуации воздерживаетесь... Молчите... Или вам не ясен вопрос? Я готов сформулировать его еще раз: сумел ли Зильбер, используя названные вами обстоятельства и всякие иные, пока неизвестные нам, выполнить задание своего центра по части Марины?

В разговор вступил Птицын:

— Я не спешил бы с категорическим ответом на такой трудный вопрос. Картина складывается противоречивая, порой запутанная...

— Согласен... Ваши предложения?

— Усилив наблюдение за Зильбером — Ольгой, настойчиво продолжать выяснение линии Зильбер — Марина... Со всеми ее ответвлениями...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—10.

НИК

— Имеете что-нибудь добавить, Бахарев?

— Нет. Тут, как сказал поэт, ни прибавить, ни убавить.

— А я хотел бы прибавить. Позволю высказать еще одно пожелание. Думается, что нам небезынтересно узнать степень стойкости этого сумбура в голове девушки, в какой мере он поддается доброму влиянию человека, который захочет навести там небольшой порядок. Попытайтесь, проведите «разведку боем». Задание, конечно, не главное, но немаловажное. Не нам заниматься сейчас перевоспитанием этой девушки. Нет у нас пока такой возможности. Но нам нужно знать, с каким человеческим материалом имеет дело Зильбер: небольшой ералаш в голове, который легко приводится в порядок, или нечто иное? К тому же прошу учесть: Зильбер уедет, а она останется среди нас. Ясно? Вот и отлично. Желаю успеха...

* * *

Для Бахарева разговор с генералом — повод к серьезным размышлениям. Ему, еще сравнительно молодому контрразведчику, не раз приходилось заниматься глубоким исследованием настроений, мировоззрения подопечных. Но, пожалуй, еще никогда, с тех пор как он стал работать в органах КГБ, ему не приходилось оказываться в роли... пропагандиста. Хотя в свое время, в пору комсомольской юности, он слыл отличным руководителем политкружка рабочей молодежи. Как понимать последнее пожелание генерала? «Разведка боем»... В чем ее смысл? И он мысленно ведет диалог Клементьев — Бахарев. Он мысленно, заняв позицию генерала, разъясняет Бахареву: «Ты помнишь сарказм Владика насчет сопротивления материалов? А если без сарказма?» И он повторяет слова генерала: «Нам нужно знать, с каким человеческим материалом имеет дело Зильбер». И тут же Бахарев спорит с генералом: «А вы уверены, что расчеты Зильбера и иже с ним строятся лишь на таком фундаменте, как политические настроения Марины, как незарубцевавшаяся ее рана?» «Нет, не уверен,— отвечает генерал.— Но думаю, что среди других факторов и этот взят противником на вооружение. И занимает не последнее место в том расчете. Значит, надо проверить, правилен ли их расчет. Ясно?»

Ох, уж это генеральское риторическое «ясно»! Бахарев слегка раздражен. Но это состояние некоторой раздраженности длится недолго. В общем-то генерал не далек от истины, когда говорил о сумбуре в Марининой голове. Хаос там изрядный. Поди разберись... Ведь всякий раз, если кто-то смел атаковать, как говорится, основу основ, Марина, словно коршун, обрушивалась: «Не тронь!» Бахарев однажды с наслаждением наблюдал ее в такой яростной контратаке против Владика, когда она вдруг вспомнила, что ее мама, дочь санитарки из захудалой сельской больницы, могла только благодаря Советской власти стать врачом. И что мамина сестра, в прошлом батрачка и кухарка, при Советской власти стала государством управлять: председателем райисполкома была.

— Это же факты,— наступала она на Владика,— неоспоримые. И ты полегче насчет коллективизации... С моей мамой поговори, она тебе расскажет, как жила их деревня до колхоза... Тут, Владик, мы с тобой драться будем...

А через несколько минут она столь же яростно спорила с Бахаревым по поводу статьи, объективно анализировавшей события первых месяцев войны — для нее они сплошные просчеты, ошибки, поражения. И пошло: «Фальсификация истории... От молодежи скрывают правду... Чужие голоса!..»

Вспоминая все это сейчас, Бахарев не очень-то четко представлял себе, как он проведет «разведку боем».

* * *

На следующий день Марина пригласила Николая на концерт: «У мамы абонемент в зал Чайковского. А сегодня у нее неожиданное дежурство».

...Пианист с первых аккордов покорил зал артистизмом, пониманием музыки, глубиной ее трактовки. В программе концерта любимый Бахаревым Шопен. И, возвращаясь домой, он восторженно говорил Марине о шопеновской музыке — откровение более высокое, чем мудрость философии,— о полонезе, пробуждающем в душе его что-то трепетное, непередаваемое словами и в то же время удивительно реально-ощутимое. Каждая нота звучит, будто зов сердца композитора, высекая огонь из души человеческой.

С этого, кажется, и начался их спор. Они сошлись на том, что симфоническая музыка в программах радио и телевидения, увы, порою пребывает на положении падчерицы, а за попытки создать джазовые варианты фортепианного концерта Чайковского надо ссылать на необитаемый остров без права переписки... Они сошлись во вкусах по части додекафонной музыки — обоим она не по душе. Но когда речь зашла о пошлости в эстрадной музыке, о примитиве во многих, к сожалению, ставших популярными туристских и студенческих песнях, Марина вдруг взвилась:

— Почему молодежи отказывают в праве самой решать, что есть хорошо, а что плохо? И в поэзии, и в живописи, и в танцах, и в музыке... Почему нельзя спорить о вкусах? Когда же наконец исчезнет перст указующий?

Разговор перенесся в сферу отнюдь не музыкальную. Марина бушевала.

— Весной нынешнего года наш старшекурсник написал туристскую студенческую песню. И слова и музыку... Я допускаю, что песня эта не без пошловатого налета. Есть в ней куплеты со злобным подтекстом... Но ведь автора на всех собраниях прорабатывали. Фамилия парня стала нарицательной. Кто-то потребовал исключить его из института. Прости меня, Коля, но это уже... Слов не нахожу... Не нравится песня? Не пойте. Запретите ее петь на студенческих вечерах. Но шум такой к чему? Об авторе и его песне мало кто и слышал. А тут по всему институту слухи пошли... Да и не только по институту. Ну, что молчишь?

— Как эта песня называется?

— «Заря».

— А-а-а! «Заря»! Я кое-что слышал об этом боевике эстрады. Где? В одном весьма респектабельном доме за ужином профессор рассказывал про ту песню. Она, кажется, стала гимном клуба «Заря».

— Коля, прости меня, но ты какую-то ахинею несешь. Что за клуб?

— Самый настоящий клуб. Автор песни и еще девять молодых балбесов из других институтов решили создать клуб «Заря». Со своим уставом. Главное в их уставе: «У нас все будет не так, как в комсомоле. Наше кредо — свобода мнений и вкусов». Фокусники слова... Жонглеры... Между прочим, эти «борцы за свободу мнений» выпустили рукописный журнал, в котором есть вирши, принадлежащие автору «Зари»... Я слышал твой разговор с Владиком о маме и колхозах. Так вот, Мариночка, в тех виршах коллективизация поэтическими образами дана в сравнении с реформой... 1861 года...

И Бахарев впервые, кажется, за все время их знакомства окинул ее колючим взглядом, и на губах его появилась ироническая усмешка.

— Ты разговариваешь со мной, как с глупой девчонкой...— вскипела Марина.— Речь шла о музыке, о легком жанре, о праве молодежи на свои песни, а ты привел ни к селу ни к городу какой-то клуб, коллективизацию. Меньше всего я ожидала этого от литератора Бахарева.

— Ты не сердись. И клуб и коллективизация — все это и к селу и к городу. Началось с пошловатой туристской песенки, а кончилось виршами против Советской власти...

— Мой собеседник не отдает себе отчета в том, что он говорит.

— Отдаю... Ты, Мариночка, не то чтобы уж совсем невежественна в некоторых вопросах нашего бытия, но, как говорится, не совсем, что ли, разбираешься в многосложных деталях архимудрой социальной науки. Между прочим, Чайковский писал, что ни музыка, ни литература, ни какое бы то ни было искусство в настоящем смысле этого слова не существуют просто для забавы. Они отвечают куда более серьезным потребностям человеческого общества. А Гендель мечтал о том, чтобы его музыка делала людей лучше... Но это так, к слову. Мы отвлеклись от истории с песней «Заря», точнее, от продолжения этой истории... Так вот, этот самый клуб молодых «свободолюбов»...

— Я впервые слышу о нем. Неужели все так было?

— У меня нет оснований не верить рассказу профессора. Солидный дядя... Девяносто кило-

граммов.— И он улыбнулся, вспомнив Птицына, в свое время беседовавшего со взбалмошными юнцами из несостоявшегося клуба «Заря».

— Ну и прохвост! — в сердцах воскликнула Марина.

— Кто, профессор?

— Да нет же, автор «Зари». И вообще вся эта гоп-компания.

Бахарев мысленно отметил, что первая «разведка боем», пожалуй, дала кое-какие результаты.

* * *

В тот день Птицын получил несколько сообщений оперативных работников, действовавших под его началом в группе с кодовым названием «Доб-1». Ни одно из этих сообщений не привлекло внимания подполковника — ничего нового к тому, что уже известно. Есть детали, подтверждающие и без того бесспорные выводы. Но в последнем сообщении было нечто новое.

...Она долго прогуливалась по парку в Архангельском, свернула на уединенную «зет»-аллею — так эта аллея обозначалась в деле «Доб-1»,— села на скамейку под ивой, оглянулась и, убедившись, что кругом безлюдно, стала прилаживать контейнер: видимо, Зильбер лучшей для себя скамейки так и не нашел и остановился все на той же, однажды им облюбованной.

Доставленная Птицыну фотография девушки и фотокопия шифровки, которую она положила в контейнер, не оставляли сомнений: Ольга!

С ключом к шифру пришлось основательно повозиться. И все же ключ удалось найти. Записка предназначалась Зильберу — девушка явно побаивалась личных встреч.

Разведчица сообщала «бородачу», что в воскресенье Марина и Бахарев отправляются на ВДНХ. Там же, вероятно, они будут обедать в одном из ресторанов. Ольга в понедельник снова приедет в Архангельское, чтобы получить инструкции Зильбера после его встречи с Бахаревым на ВДНХ. Желательно уточнить: следует ли собранные ею и хранимые в разных местах материалы передать шефу через Зильбера, или ждать ближайших зимних каникул, когда она сама поедет домой. Лично она считает более надежным второй вариант.

...С наступлением сумерек на той же аллее «зет» появился элегантно одетый толстяк. Раза два он неторопливо продефилировал по аллее, а потом, «устав», сел «отдохнуть» на скамью под ивой. Операцию изъятия контейнера он провел ловко и незаметно — так по крайней мере ему казалось...

К вечеру Птицын получил лаконичное сообщение: улица, номер дома и квартиры, куда толстяк проследовал из Архангельского. Хозяйка квартиры — Н. В. Вакулова. А вскоре пришло еще одно сообщение: более года назад по ходатайству одного из ученых Надежда Васильевна Вакулова была направлена на работу в научно-техническую библиотеку подмосковного филиала одного научно-исследовательского института. Покойный муж ее, крупный специалист в области радиоэлектроники, был научным сотрудником того же института.

Птицын сразу же пошел к генералу. Надо было решать, арестовывать «Косого» или повременить.

— Не будем спешить, Александр Порфирьевич. Арестовать «Косого» значит подать Зильберу сигнал: «Спасайся, провалились!» Подождем... Согласны?

— Я того же мнения. Никуда он теперь от нас не уйдет. Вот только с Вакуловой как быть. Она ведь черт те что натворить может...

— И все же подождем... Есть в этом резон...

Между тем «бородач» продолжал атаковывать Марину. Сегодня после обеда она виделась с Зильбером в Сокольниках, в парке.

...В пять часов в кабинете Бахарева раздался телефонный звонок.

— Слушаю... Где вы находитесь?.. Вас понял... Будет сделано... Постараюсь...

Звонил Птицын. Из Сокольников.

О характере разговора Зильбера и Марины можно было догадываться лишь по выражению их лиц — невозмутимо спокойное, несколько ироническое у Зильбера; злое, испуганное, полное негодования — у Марины. Беседа длилась около получаса. Только что Марина ушла из парка. Бахарев обязательно должен повидать ее сегодня.

В пять тридцать Николай позвонил Марине. Дома он ее не застал. К телефону подошла мама, и до Бахарева донеслось горькое материнское слово, слово женщины, отчаявшейся, растерявшейся:

— Не знаю, что и думать, девочка снова в каком-то страшном трансе. Звонил ей все тот же бархатный голос. Спрашиваю Марину: «Кто это?» Отвечает раздраженно: «Знакомый». Тут же собралась и ушла. Недавно звонила и сказала, что работает в библиотеке. Обещала к восьми вернуться.

Поздно вечером Николай позвонил Александру Порфирьевичу домой. Позвонил только для того, чтобы сообщить: «Виделся. Разговор был недолгий. Она снова в состоянии нервного потрясения. Подробности при встрече».

Подробности оказались весьма значимыми. Около девяти вечера Бахарев перехватил Марину на пути к дому и предложил погулять в ближайшем сквере. Стоял сырой, ненастный ноябрьский вечер. Мокрый асфальт шуршал опавшими листьями. В темных уголках, на скамейках, заботливо укрытых от взоров любопытных, ворковали парочки. Марина предпочла укромному уголку безлюдную боковую аллею, едва-едва озаренную мигающим лампионом. Но и тусклого этого света было достаточно Бахареву, чтобы заметить, сколь хмуро выражение лица его спутницы. Такой она была и в тот вечер, когда он навестил ее после болезни. Но теперь появились и тревога, и порыв к откровенности, и боязнь, как бы не проговориться. И видно, как тяжко дается ей это молчание. Все попытки завести разговор не увенчались успехом.

— Мы так и будем молчать весь вечер? — спросил Бахарев.

— Если это тебе неприятно, мы можем разойтись по домам...— ощетинилась она.

И широким шагом направилась к выходу из сквера. Бахарев догнал ее, взял за руку.

— Не надо, Марина... Не сердись. Я ведь это так, для красного словца. Да будет вам известно, сударыня, что даже классическая школа Цицерона признает право на существование такой разновидности красноречия, как... молчание. Вот я и пытаюсь «услышать» твое мнение. И «слышится» мне, как что-то невыносимо тяжелое легло на хрупкие плечи сударыни и сбросить это тяжкое не хватает у нее силы воли. Не так ли? Или у меня плохой «слух»?

— Ты о чем?

— О том, что на твоем хмуром челе начертано. Я ошибся?

Она ничего не ответила, подняла воротник пальто, взяла Бахарева под руку, и вот так, снова молча, они шагали по укрытому золотом осени асфальту. Вдруг она резко повернулась к Бахареву:

— Ты как-то похвалил меня, сказал, что я девушка сильная. Это неправда, неправда. Безвольное существо, испугавшаяся шантажа какого-то негодяя...

— Ничего не понимаю, Марина. Объясни, пожалуйста, что случилось? Кто тебя обидел?

Снова огоньки страха, смятения метнулись в ее глазах, и вся она вдруг сникла, сгорбилась и, не поднимая головы, прошептала:

— Так, просто так... Разыгравшиеся нервы. Пустое все это. Пошли, пожалуй, домой. Уже поздно...

И она направилась к дому. Больше он не услышал от нее ни слова. Уже прощаясь, Бахарев напомнил о ВДНХ.

— Ты не забыла?

— Может быть, отложим на другое воскресенье?

— Но мы уже договорились с Ольгой, а она с Владиком. Нет, это неприлично.

— Неприлично... Гм! Неужели в мире, где столько подлости, еще существует такое старомодное понятие? Ну ладно... Договорились. Завтра на ВДНХ. Ты заедешь за мной? Буду ждать...

* * *

...Они оба тщательно готовились к этой встрече — разведчик и контрразведчик, Бахарев и Зильбер. Стороны продумали все детали. Даже количество мест за столом.

В тот вечер, когда Николай впервые попал в комнату Ольги, прощаясь с гостями, она спросила: «В воскресенье на ВДНХ — это твердо? Я надеюсь, что Гарун-аль-Рашид заранее позаботится о столике на четыре персоны?» «О да, конечно. Гарун-аль-Рашид хорошо знает свое дело». Также хорошо он знает, что Ольга на ВДНХ не приедет: разговор должен быть в присутствии одной только Марины. А столик — на четыре персоны. Все ясно. Зильбер попросит разрешения присесть за стол к «старым знакомым». Ну что же, здесь их планы не расходятся. Бахарев тоже не случайно приглашал Ольгу с Владиком. Ему тоже нужен повод заказать стол для четверых.

...Сервированный на четыре персоны столик стоит в углу большого зала. С полудня на белой скатерти лежит серая картонка с магическим словом «занято». А над нею уже возвышается ваза с фруктами. Заказано! Фрукты оплачены...

Все шло так, как и предполагал Бахарев. Часика полтора он гулял с Мариной по выставке. Воскресный день для конца ноября выдался ясный, теплый. В павильонах многолюдно, и Марина, по-прежнему хмурая, неразговорчивая, с раздражением процедила, что ей надоела эта толчея, что она предпочитает быть на воздухе. Да и вообще пора идти к Большому фонтану, месту встречи с Ольгой и Владиком. У фонтана их не оказалось. Ждали десять, двадцать минут, полчаса. Николай предложил позвонить из автомата в общежитие и спросить у Герты, давно ли уехала Ольга. Нашли автомат. Позвонили и выяснили: «Тысяча извинений... Страшно болит голова... Лежу в постели и глотаю пакостные таблетки... К тому же и у Владика неожиданное задание по институту».

Марина, не скрывая своей радости, передает Николаю телефонный разговор с Ольгой. А чему, собственно говоря, она радуется — тому, что они будут только вдвоем, или тому, что задуманная ею или ею и Ольгой операция развивается успешно?.. Мысль эта не дает покоя Бахареву-контрразведчику, а Бахарев-литератор весело откликается:

— Ну что же, раз так, шагаем в ресторан. Я чертовски голоден...

Столик на четыре персоны — к их услугам. Официант, расторопный малый, узнав, что второй пары не будет, так поставил два свободных стула, что каждому ясно — без согласия хозяев не подсаживайся.

Ресторанное многоголосье, суетня официантов — народу полным-полно,— первая рюмка коньяка, ласковая улыбка собеседника, рассказывающего что-то интересное и смешное, делают свое дело. Лед, кажется, тронулся. Марина уже смеется, острит. Коля пересаживается поближе к ней, поднимает рюмку и предлагает тост:

— Я хочу выпить за свою проницательность и за твою силу воли. Я хочу быть правым. Ты сильная, ты должна быть сильной...

— Раз должна, значит, буду. Хотеть — это быть. Так, кажется, говорили древние?..

Они выпили, закусили, оба чмокнули от удовольствия, и вдруг рядом с их столиком, словно поднявшиеся откуда-то из подземелья, появились двое сухопарых, изысканно одетых мужчин. В одном из них Бахарев сразу узнал Зильбера. Он мастерски изобразил на своем лице крайнее изумление.

— О, майн гот... Русские говорят — мир есть тесен... Я имел честь быть познакомлен с вами в «Метрополе». Мадемуазель есть сама грация в танце...

И «бородач» галантно поклонился девушке.

Лицо Марины перекосилось от бешенства. Николай мельком взглянул на нее и тут же подумал: вот, пожалуй, и ответ на твой вопрос, товарищ Бахарев,— чему радовалась Марина. Он никогда не видел ее в таком состоянии — сейчас Марина, кажется, готова на любую акцию, ничто и никто ее не удержит, надо поспешить как-то самортизировать «удар». Он поднялся со стула и, улыбаясь, продолжал разговор стоя.

— Ты узнаешь, Марина, своего партнера? У господина... не имею честь...

— Зильбера, Эрнста Карловича Зильбера...— И «турист» галантно склонил голову в сторону Бахарева.

— Так вот, у господина Эрнста Карловича Зильбера бархатный голос и очень приятная, легко запоминающаяся внешность. Будем знакомы — Николай.

— Очень приятно... Это есть мой коллега и друг. Ганс Рихтер... Мы есть туристы... Мы будем иметь много впечатлений. О, это чудесный городок. Я инженер-физик и имею возможность быть высоким ценителем того, что демонстрируют русские. Это изумительно. Я видел в павильоне радиоэлектроники не только то, что есть сегодняшний день мировой техники, но и то, что есть завтрашний... Потом я есть немного голодный и делал предложение Гансу искать ресторан... Но, к сожалению, как говорят коммерсанты, спрос выше предложения. Все места заняты, и будем искать другой ресторан.

После такого заявления гостей продолжать разговор стоя было уже невозможно — есть нормы приличия, долг хозяев, традиционное русское гостеприимство. В общем, все складывается наилучшим образом. Пора приглашать гостей к столу, хотя Бахарев и догадывается, какая ярость клокочет сейчас в груди Марины. И ловит себя все на той же мысли: неужели перекосившееся в злобе лицо, нескрываемое раздражение — лишь отлично сработанная маска? А под ней — полное удовлетворение? События развиваются так, как потребовал от нее «бородач», все идет по ею же разработанному и ею же твердо осуществленному плану. Ведь может быть и такой вариант? Он, Бахарев, еще не уверен, что...

На раздумья нет времени. Бахарев любезно приглашает туристов к столу и по-немецки говорит им:

— Мы сможем объясняться и по-немецки... Если это устраивает гостей...

— О, да, конечно. В России многие отлично разговаривают и читают по-немецки.— И уже по-русски Зильбер добавляет: — Это есть очень приятно.

Рихтер сердечно благодарит за приглашение, но у него деловое свидание, и он должен спешить. Бахарев, соблюдая «протокол», увещевает гостя, хотя знает, что по замыслу Зильбера Рихтер должен удалиться—он тут был лишь для «фона». И Рихтер удаляется — Бахарев обратил внимание на то, как тот пошел к выходу на негнущихся ногах, походкой кадрового вояки: «турист»!

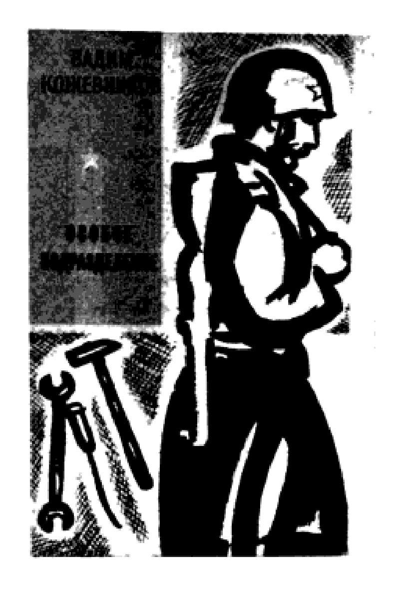
На столе появляется третий прибор. Обед продолжается. Идет оживленный разговор мужчин, в котором Марина не принимает участия, лишь изредка подавая какие-то реплики или односложно отвечая на вопросы Зильбера: «да», «нет». А тот заливается соловьем, расхваливая Москву, размах строительства, потом переключается на выставку, и тут уж пошли в ход превосходные степени. Гость, между прочим, не оставил без внимания павильон печати. О нем он тоже говорит восторженно. Блестящий взлет культуры, гигантские тиражи газет, журналов, книг, проникающих в самые глухие уголки России. Гость изумлен, восхищен. Но он не может не заметить...

— Я не литератор... Вы больше меня есть специалист по этим делам.— Он уже знает, что его собеседник — литератор, поэт, что у него широкий круг знакомых среди писателей разных возрастов, что его собеседник на короткой ноге с поэтами, о которых Зильбер premного был наслышан у себя дома: «Таланты, увы, не всегда признанные и поддержанные». Так вот, гость не может не заметить, что, по мнению прогрессивных людей Запада, советская литература достигла бы куда больших успехов, если бы не... Тут «турист» запнулся и попросил прощения за то, что должен сделать небольшое критическое замечание. Он, конечно, понимает, что неприлично в доме хозяев говорить вещи, неприятные им, но, поверьте,— от души.

— У вас это называют партийное руководство литературой... У нас это называют антигуманной, антидемократичной акцией. Я не есть политик. Я есть физик. Но я есть демократ и горячий поклонник свободы творчества. Мой большой друг, господин Эрхард — он мельком глянул в сторону Марины — крупный специалист по новейшей русской литературе — немного просвещал меня...

— Разрешите и мне немного просветить вас,— сказал Бахарев.— Я тоже сторонник свободы творчества, но...

— О, это очень приятно... Я имею просьбу моего друга Эрхарда познакомиться с такими

СВЕТЯТ НЕУГАСИМО

«Книга хорошая для того пишется, чтобы вроде как заочно научиться разных людей понимать. Их жизнь». Эта мысль высказана Степаном Захаровичем Буковым, героем повести Вадима Кожевникова «Особое подразделение». Обращена она в первую очередь к молодым инженерам и технологам, с которыми беседует Буков по ходу действия повести. Однако содержится в ней и серьезное требование к писателю.

Автор повести имел полное право вложить это требование в уста своего героя, так как знакомство с каждой новой его книгой — это обстоятельное, глубокое знакомство с разными людьми, с их жизнью. Оно ведет читателя к пониманию важнейших основ мировоззрения и психологии советского человека, тех основ, на которых зиждется не только настоящее, но и будущее нашего общества.

«По существу я кто? Рабочий человек. Считаю высшим званием в любом человеческом деле — звание мастера»,— говорит Степан Буков. Этому принципу он верен всегда в самом прямом его смысле: на фронте, в ремонтном батальоне, овладевает новыми специальностями, повышает свою техническую грамотность, обнаруживает незаурядную сметливость в сложном деле — возвращении в строй вытащенных из-под обстрела, покалеченных танков; после войны, став машинистом экскаватора, разрабатывает новые приемы, дающие резкое увеличение производительности труда. Но высокая квалификация, личные производственные успехи, за которые удостоен Буков высшей награды, еще не определяют его человеческой сущности.

Прислушаемся внимательно к нему самому: «Мастерство не специальность, а особенность человека». Именно в этих словах заключено зерно раскрытого писателем характера. Здесь речь идет не просто о делах человеческих рук, а об отношении к работе, к жизни, об особом душевном складе, присущем нашему современнику, советскому рабочему, представителю передового отряда человечества.

Характер этот складывается не сразу. Отчасти прав Буков, когда утверждает, что в человека он «по-настоящему только на фронте вылупился». Многое пришлось испытать: и почти круглосуточную работу под вражеским огнем, и бои, в которых участвовали рабочие ремонтного батальона. А сразу по окончании войны зачислили Степана Захаровича в Особое подразделение — производить ремонт и охранять подземные коммуникации Берлина. Солдат-победитель почувствовал всю меру ответственности за безопасность освобожденного от фашизма немецкого народа, глубоко осознал «высшую историческую обязанность советского человека: не только для себя, но и для других».

Ощущение личной причастности ко всему совершаемому советским народом, ко всему происходящему на родной земле влечет за собой и активное, хозяйское отношение к жизни. Оно проявляется во всем — от бережного внимания к тому, чтобы вместе с пустой породой не выбросить в отвал ни килограмма руды, до требования, чтобы у каждого «зоркости хватало при своем труде обо всем пространстве страны думать».

Проявляется оно и в более важном — в глубоком понимании самой природы Советской власти, завоеванной трудящимися и в них же олицетворенной. Один из героев повести, Платон Егорович Густов, прокатчик, ставший после войны председателем исполкома, рассуждает так: «Я как раньше считал? Власть — так давай командуй. А выходит, все тобой командуют, каждой человеческой заботе ты подчиненный и перед каждым за нее ответчик. Исполком — значит, исполняй все, что Советская власть для людей задумала...»

Знаменательна перекличка этих слов с предложением после победы сменить лозунг «Все для фронта» на лозунг «Все для людей». Предложение такое выдвинул Петр Рябинкин, герой одноименной повести Вадима Кожевникова, «рабочий человек из того поколения советских людей, которое изумило мир своей доблестью и скромной простотой, с какой оно пришло к празднику Победы — подвигу века, возвысив звание человека своей верностью человечности, всему тому, что мы чтим в людях нашей Отчизны».

Развитие характера Петра Рябинкина при всей его индивидуальной неповторимости идет таким же путем. Для него «заводская жизнь и на фронте оставалась образцом поведения», а чувство рабочего коллективизма — основой армейской дисциплины. Вчерашний молодой рабочий, ставший на войне командиром подразделения, в полной мере постигает необходимость отвечать за людей, доверивших ему свои жизни. Высокое понимание командирского долга приводит Рябинкина к осмыслению своих взаимоотношений с солдатами, рождает чувство ответственности по самому большому счету — перед человеческими душами, требующими проницательности, чуткости и прежде всего правды.

Ощущение неразрывного единства с людьми, со всем народом, рожденное в боях, приносит Рябинкин и в мирную жизнь, с этим ощущением готовится он к своей новой работе в качестве освобожденного секретаря заводского партийного комитета.

Недавно вышедшая из печати новая книга Вадима Кожевникова включает в себя повести «Особое подразделение» и «Петр Рябинкин» и двадцать пять рассказов.

Читатель встретит здесь и старых своих знакомых — водолаза Бухова из рассказа «Всю неделю дождь», бывшего танкиста Елкина, работающего на бульдозере «с той грациозной, небрежной уверенностью, какая бывает присуща только высоким мастерам своего дела» («Товарищ Елкин»); встретит он здесь и совсем зеленую молодежь, например, девчонку Нину, которая собирается в Сибирь на молодежную стройку, потому что «хочет испытать себя там, человек она или не человек».

Героев Вадима Кожевникова, бесконечно разнообразных по своим характерам, по своему облику, роднит отношение к труду как к главному содержанию жизни, роднит глубочайшее патриотическое чувство, постоянно подтверждаемое делом. Самой советской действительностью заложены и развиты в них черты, формирующие людей нашего коммунистического будущего, которое строят эти же люди.

Итог размышлений, вызванных новой книгой Вадима Кожевникова, точнее всего можно выразить его же собственными словами: «Страну нашу вызвездило хорошими людьми на всем долгом и трудном пути ее истории. Они нам и светят при всех — и хороших и плохих — обстоятельствах жизни, при любой, так сказать, погоде. Светят неугасимо».

Надежда ЦВЕТКОВА

Вадим Кожевников. Особое подразделение. Повести и рассказы. «Советский писатель», Москва, 1969.

литераторами. Мой друг имеет большой интерес к произведениям молодых литераторов... Это есть будущее человечества... Молодые легко увлекаются, иногда впадают в крайность, но мы благодарны им за свежесть мысли, ума... А это есть индивидуум, который имеет свой особый взгляд на общество, не стандартный... У вас их называют нигилистами... Мой друг пишет монографию и будет рад узнать, что́ есть нового у таких литераторов, что́ есть предмет их споров с официозной позицией... Я буду благодарен господину...

Но Марина не дала ему закончить. Она резко поднялась с места и, обращаясь к Бахареву, сказала:

— Я себя очень плохо чувствую, Коля... Пойдем домой... Вы простите нас, господин Зильбер...

«Бородач» тоже встал и несколько растерянно смотрел то на Марину, то на Бахарева.

— Это есть очень неприятно...— заговорил он, продолжая мешать русские слова с немецкими.— Ресторан не имеет кондишин... Я хочу предложить госпоже небольшую прогулку в парке... Или кафе «Метрополь», где есть очень уютно...

— Нет, нет! Благодарю вас. Я иду домой.— И, не попрощавшись, пошла к выходу.

Николай догнал ее.

— Подожди, пожалуйста, меня в парке. Я рассчитаюсь с официантом. А гость... Право, не знаю, как с ним быть.

— Я тоже не знаю... И знать не хочу...

Бахарев вернулся к столу и позвал официанта: «Прошу общий счет...» Зильбер понял, что сие значит, и благодарно улыбнулся: «То есть русское гостеприимство... Я буду иметь предложение выпить за это радушие... И буду просить разрешить мне ответить вам, господин Бахарев. Мы будем провожать фрейлейн Марину домой, а потом поедем ко мне, в гостиницу. Я буду иметь удовольствие предложить вам французский коньяк... Мы можем продолжить наш интересный разговор».

Бахарев согласился. Они оба вышли из ресторана, и Николай, пытаясь перевести разговор на шутливый тон, торжественно объявил поджидавшей его Марине:

— Синьорита проследует до своего палаццо под интернациональным эскортом, после чего мужчины отправятся пить коктейль и продолжат свою беседу.

Марина с тревогой и удивлением посмотрела на Бахарева, иронически-снисходительно улыбнулась Зильберу, и они молча зашагали по аллеям выставки. Надсадно гудела осень, небо заволокло тучами, и первые капли надвигающегося дождя окропили землю. Зильбер раскрыл зонт, протянул его Марине, но она в меру вежливо поблагодарила и в меру резко отказалась от услуг «туриста». Бахарев, наблюдавший эту немую сцену, не мог не обратить внимания на то, каким ледяным холодом повеяло от дочери Эрхарда...

Они сели в такси и через двадцать минут были у дома Марины. В пути она не проронила ни слова и так же молча вышла из машины, на прощание буркнув Зильберу что-то похожее на «ауфвидерзеен». Зильбер остался сидеть в такси, а Бахарев выскочил, чтобы проводить Марину во двор, к подъезду. Николай попытался отшутиться, шаркнул ногой, поцеловал ручку, но, когда их взгляды перекрестились, он понял: не место, не время для шуток — и ничего веселого у него не получится. Она стояла перед ним серьезная и печальная, в ее глазах светились то страх, то грусть, то злоба, то страшная беспомощность. Сейчас она не могла ничего сказать Николаю. Она могла только пренебречь женской гордостью и вполголоса промолвить:

— Коля, я хочу, чтобы ты оставил гостя и пришел сейчас к Марине... Она одна дома, и ей... Ей немного грустно и тяжко...

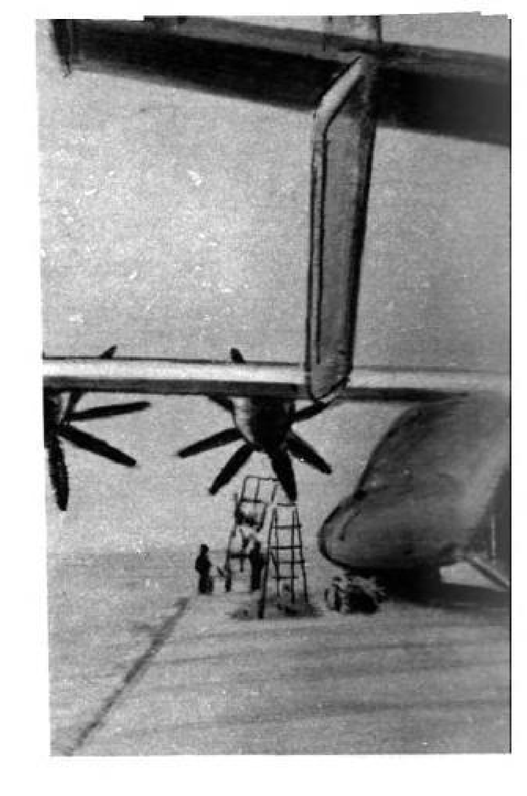
— Мы недолго задержимся, Марина... Мужской разговор... Ваш покорный слуга через час-другой будет у ваших ног...

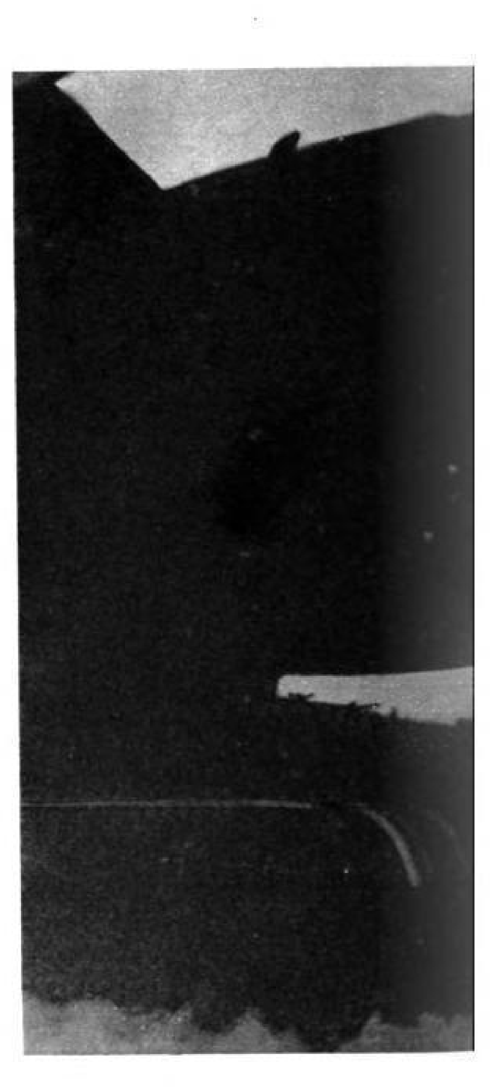
Марина скорее прошептала, чем сказала:

— Не уходи, умоляю тебя... Попрощайся с ним... Не надо...

Он ничего не ответил. Повернулся и шагнул в темноту, туда, где стояла машина с господином Зильбером.

Продолжение следует.

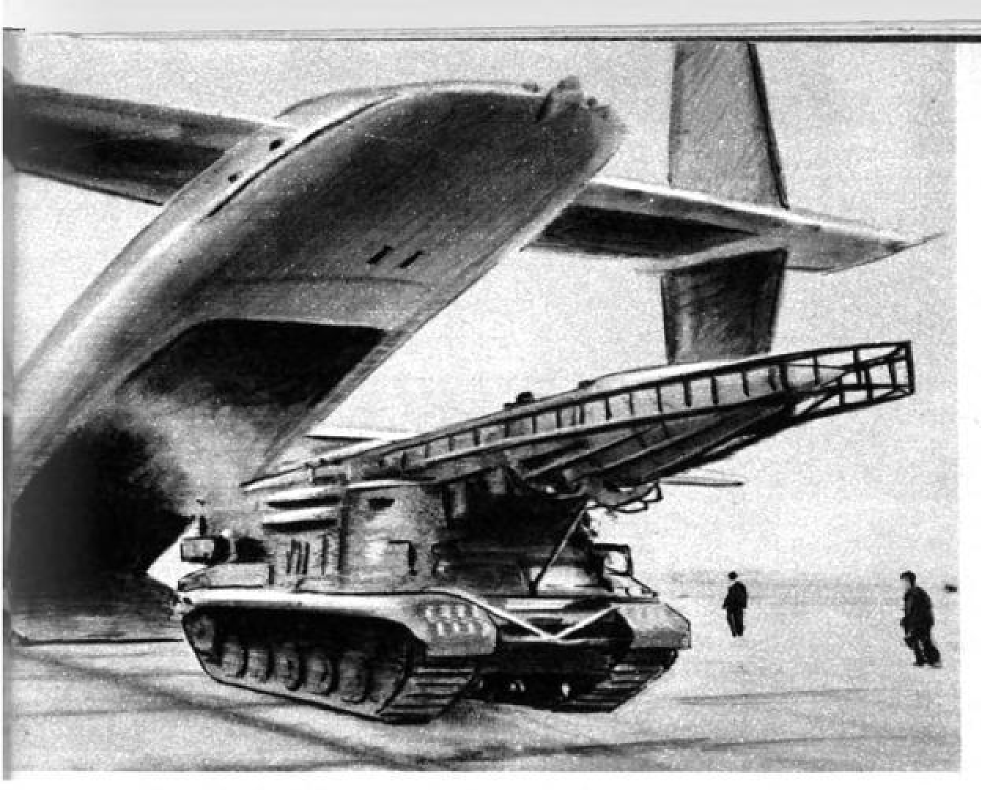

Зенитчик гвардии рядовой М. Черняховский на боевом посту.
Фото В. Мусаэльяна и Н. Акимова (ТАСС).

РЕПОРТАЖ ИЗ РАЙОНА ВОЙСКОВЫХ МАНЕВРОВ

„ДВИНА"— НОВАЯ СТУПЕНЬ БОЕВОЙ ВЫУЧКИ

Иван СТАДНЮК,
специальный корреспондент «Огонька»

Могучий «Антей», совершив дальний перелет, доставил ракетную технику в один из районов сосредоточения войск.

Фото В. Воронина («Правда»).

Ракетная техника готовится к «бою».

Ветераны нашей армии, участвующие на маневрах «Двина», не помнят учений такого размаха, которые проводились бы в суровых зимних условиях бездорожья, на столь трудной лесисто-болотистой местности, изрезанной реками, речками, речушками и бесчисленными озерами. Действия эти, однако, охватывают куда более обширную территорию, чем та, на которой развернулись фронты противоборствующих «Северной» и «Южной» сторон. Если взглянуть на карту и проследить маршруты, проделанные к району маневров частями и соединениями всех родов войск ряда военных округов, то мы увидим расстояния в тысячи километров, и преодолены они за минимальные сроки — точно по расчетам штабов, а иными, как, например, гвардейской Таманской краснознаменной ордена Суворова мотострелковой дивизией имени М. И. Калинина и гвардейской мотострелковой Московско-Минской ордена Ленина, орденов Суворова и Кутузова дивизией с суточным опережением намеченных сроков.

Казалось бы, можно было бы не удивляться масштабу учений, учитывая, что Советская Армия имеет богатый опыт проведения крупнейших боевых операций, которые она осуществила в период Великой Отечественной войны в самые различные времена года в различных условиях местности. Но удивляться приходится, ибо новейшее вооружение пусть и облегчает сегодняшней армии решение боевых задач, а современнейшие машины различных видов и назначений хоть практически преодолевают самую непроходимую местность, однако современное вооружение и боевая техника требуют и иного класса выучки личного состава подразделений, иного уровня оперативной подготовки штабов. И маневры «Двина» с яркой убедительностью показывают, что солдаты и сержанты, офицеры и генералы, каждый на своем посту, не просто успешно справляются со своими сложными задачами, а демонстрируют в высшей степени отличную выучку. И также удивительно, что специалисты, призванные для участия в учениях из запаса, сумели с ходу включиться в общий ритм боевой деятельности подразделений и показать себя с лучшей стороны.

Уже в самом начале маневров проявилась высокая боевая готовность войск. Поднятые по тревоге, они вместе с боевой техникой, соблюдая строгий порядок, погрузились в железнодорожные эшелоны и под надежным прикрытием зенитных средств, готовых с любого направления отразить налеты авиации «неприятеля», направились по маршрутам, ведущим к местам сосредоточения. Некоторые же части были доставлены в Белоруссию по воздуху на «Антеях». Летающие гиганты, несмотря на трудные погодные условия, успешно высадили на заснеженные аэродромы различную боевую технику и личный состав.

Трижды орденоносная Советская Белоруссия... Легендарная земля, на которой живет и трудится легендарный народ, особо прославивший себя в героической борьбе во время гитлеровской оккупации. Именно на этой земле Советская Армия выдержала самые тяжелые испытания в первые недели минувшей войны. Именно здесь летом 1944 года была осуществлена тремя белорусскими и Первым прибалтийским фронтами одна из грандиознейших стратегических наступательных операций, в результате которой рухнул созданный гитлеровцами «восточный вал». Совершив молниеносные прорывы вражеских укреплений, наши войска окружили и уничтожили только восточнее Минска около 30 дивизий (более 100 тысяч солдат и офицеров) противника. В итоге наступления на фронте шириной свыше 1000 километров Советская Армия стремительно продвинулась по прямой на 500—600 километров.

В минувшую неделю всколыхнулись воспоминания о прошлом у жителей многих районов Белоруссии. Поводом для этих воспоминаний явились воинские эшелоны, прибывшие на станции разгрузки и появившиеся на дорогах первые колонны танков, бронемашин, тягачей, буксировавших пушки, ракетные и минометные установки. Вспыхнула волна летучих митингов. Люди встречали воинов хлебом-солью, приветственными плакатами и транспарантами со словами любви к Советской Армии и гордости ее могуществом. Перед личным составом частей, в которых мне удалось побывать, выступали на митингах секретари обкомов КПБ А. Н. Аксенов, А. Я. Калитко, секретарь райкома партии У. Ф. Кришталь, секретарь горкома партии В. И. Катушенок, председатель горисполкома А. И. Титов, многие бывшие партизаны и участники боев за освобождение Белоруссии от фашистов.

Сосредоточение войск шло широким фронтом — вначале по многим дорогам, а затем по вновь проложенным колонным путям, сквозь заснеженные леса и перелески, через коварные болота, речки и речушки; этим новым дорогам, по которым проходили не знающие преград вездеходы, суждено умереть с наступлением весны.

Погода не баловала участников маневров. Поначалу стояли трескучие морозы. Леса и балки, где частям надлежало замаскироваться и ждать приказа для начала действий, встретили людей сыпучими снегами полутораметровой высоты.

— С нашей техникой любой покров снега нипочем,— рассказывал нам политработник Л. И. Бабушкин, когда мы с корреспондентом «Правды» Геннадием Буравкиным прилетели на командный пункт части одного из фронтов «Северной» стороны.— Даже передовые эшелоны, прокладывавшие колонные пути, двигались с довольно высокой скоростью. Всего наши подразделения проложили 450 километров новых дорог.

Затем мы услышали рассказ о том, как солдаты устраивали биваки в лесах — рыли блиндажи, землянки, строили шалаши, чтобы укрыться от непогоды. В одном месте под снегом группа солдат во главе с младшим сержантом А. В. Краликасом наткнулась на старую партизанскую землянку. Ее тут же очистили и приспособили под жилье. Затем эта землянка стала как бы агитпунктом, куда приходили офицеры — участники боев за Белоруссию и делились своими воспоминаниями.

Кстати, в этой дивизии среди офицеров насчитывается 36 человек, которые воевали в Белоруссии. Среди них Герой Советского Союза Ф. Н. Жила, А. А. Ковалев, М. И. Гаврилов. Солдаты с глубоким интересом слушают их рассказы об отгремевших битвах.

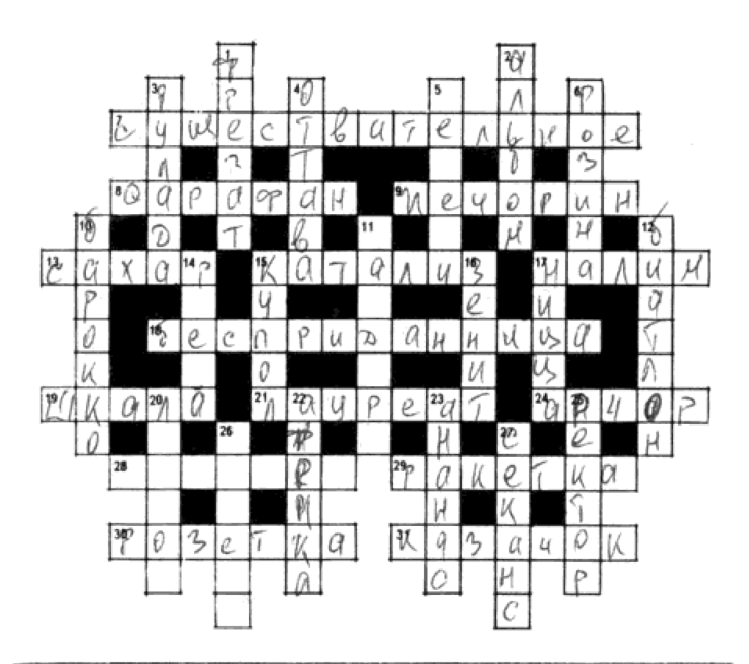
...Сосредоточение войск продолжалось. Грохот тысяч моторов на земле и в воздухе будто разбудил спящий в чащобах и долах ветер, и он, ветер-ветрище, стремительно-сильный, дышащий теплой влагой, яростно навалился на глубокие снега. И заструились на склонах ручьи, а недавно окованные морозом дороги ослизли и под колесами несметных автоколонн, под гусеницами танков, бронетранспортеров, тягачей выплеснули за обочины бурую жижу, почернели. Затем на подмогу ураганному ветру повалил мокрый снег, перешедший в дождь... Все это создало дополнительные трудности, но нисколько не повлияло на решение учебно-боевых задач. Воины горят одним желанием — показать на учении высокую выучку и ради этого не жалеют сил. Когда во время марша таманцев один танк неожиданно попал в водяную ловушку, гвардии рядовой Алексей Лагунов мгновенно разделся, нырнул в ледяную купель и зацепил буксирный трос за крюк.

В эти дни заметно пополняются ряды Ленинского комсомола. Только в комсомольскую организацию, где секретарем комитета гвардии лейтенант И. И. Наливайко, поступило 23 заявления. Гвардии сержант И. М. Жмуйдинавичус в своем заявлении написал:

«Прошу первичную комсомольскую организацию принять меня в ряды ВЛКСМ, так как я хочу к 100-летию В. И. Ленина быть в первых рядах нашей молодежи. Обязуюсь все возложенные на меня задачи в ходе маневров выполнить только на отлично».

Близящееся столетие со дня рождения В. И. Ленина, а также 25-летие со дня Победы над фашистской Германией являются как бы знаменательными рубежами, на которых Советские Вооруженные Силы рапортуют Родине о своей боевой выучке и готовности защищать мирный труд нашего народа.

Сейчас учение «Двина» приблизилось к главному этапу. Нам удалось, пользуясь «нейтральностью» предоставленного журналистам вертолета, который пилотировал капитан Ю. А. Мельников, низко пролететь над Двиной с юга на север и обратно, но увидели мы немногое: войска хорошо замаскированы. Однако нам известно, что фронты «Северной» стороны и фронты «Южной» стороны заняли исходное положение для активных действий. Основные события развернутся на участках двух фронтов: с «Северной» стороны на фронте, которым командует генерал-полковник И. Е. Шавров, и «Южной» стороны на фронте, которым командует генерал-полковник Ивановский Е. Ф. Сражения, превосходящие по своим масштабам сражения на учениях «Днепр», разгорятся тогда, когда этот номер «Огонька» уже будет печататься.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Часть речи. 8. Женское платье. 9. Герой романа М. Ю. Лермонтова. 13. Продукт, добываемый из свеклы. 15. Изменение скорости химической реакции. 17. Рыба семейства тресковых. 18. Пьеса А. Н. Островского. 19. Линейка или циферблат с делениями в различных приборах. 21. Победитель в конкурсе. 24. Стихотворение А. С. Пушкина. 28. Артиллерийское орудие с коротким стволом. 29. Спортивный инвентарь теннисиста. 30. Лепное украшение в виде цветочных лепестков. 31. Украинский танец.

По вертикали: 1. Парусный корабль. 2. Тетрадь для рисунков, фотографий. 3. Быстрый виртуозный пассаж в пении. 4. Столица Канады. 5. Венгерский поэт XIX века. 6. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 10. Архитектурный стиль XVI—XVIII веков. 11. Промысловая лодка. 12. Современное зимнее двоеборье. 14. Порт в Югославии. 15. Часть парашюта. 16. Наивысшая точка небесной сферы над головой наблюдателя. 17. Курорт во Франции. 20. Советский писатель. 22. Материк. 23. Тропический плод. 25. Руководитель высшего учебного заведения. 26. Созвездие северного полушария неба. 27. Тригонометрическая функция.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 7. «Квартет». 8. Цесарка. 9. Орион. 10. Никитин. 12. Сачок. 13. Офсет. 15. «Федра». 17. Егерь. 18. Стокгольм. 21. Парта. 22. Сирия. 23. Кефир. 27. Врасс. 28. «Тачанка». 29. Ферма. 30. Шпатель. 31. Кулибин.

По вертикали: 1. Златоуст. 2. Марганец. 3. Скерцо. 4. Весна. 5. Серна. 6. Фасоль. 11. Индигирка. 14. «Тоска». 15. Флокс. 16. Аллея. 17. «Ермак». 19. Хрусталь. 20. Оффенбах. 21. Пороша. 24. Романс. 25. Сталь. 26. Гарус.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Дипломант механико-математического факультета Валерий Никифоров — один из многотысячного отряда студентов, обучающихся в старейшем вузе Сибири — Томском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете имени В. В. Куйбышева.

Фото Л. Шерстенникова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На горных трассах Чимбулака, Казахстан.

Фото Л. Бородулина.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 24/II-70 г. А 00350. Подп. в печ. 10/III-70 г.
Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Изд. № 427. Тираж 2 186 000 экз. Заказ № 573.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НАШИ ГОСТИ

ТЕАТР ЕСТЬ!

Московская публика давно знакома с театром, который когда-то назывался ТРАМ, что означало: Театр рабочей молодежи, а потом получил имя Ленинского комсомола. С ним тесно связана юность тех зрителей, которые и до сих пор бережно хранят в памяти дорогие образы искусства сцены, созданные большими мастерами этого театра: Берсеневым, Гиацинтовой, Бирман, Пляттом, Серовой... Приходя на Малую Дмитровку — теперь это улица Чехова,— зритель заранее готовился внутренне к волнующей встрече с их искусством, как к свиданию с дорогими людьми, близкими друзьями. И каждая встреча непременно становилась задушевной беседой о жизни, о самом сокровенном в ней...

Эти далекие и столь важные для самого театра и для широкого зрителя времена — разве они миновали?.. Нет, театр жив!.. Театр есть!.. Как случается со всяким живым, сложным организмом, театр не просто перенес пору трудностей и перемен. Он, случалось, уходил и в сторону с пути. А теперь, найдя дорогу, театр ищет собственные, интересные возможности нового широкого общения со зрителем на яркой творческой идейно-художественной основе.

Недавно к нам на традиционный «Огонек» приехали артисты Театра имени Ленинского комсомола во главе с его старейшиной — народной артисткой СССР Софьей Владимировной Гиацинтовой.

Артисты приехали вместе со своими подшефными, со своими друзьями: рабочими Московского завода малолитражных автомобилей имени Ленинского комсомола. И не только рассказали о своих новых сценических работах, но и показали нам эти работы: эпизоды из спектаклей.

Итак, первое слово Софье Владимировне Гиацинтовой.

— В постоянном поиске жил театр во времена И. Н. Берсенева. В поиске театр живет и теперь! — говорит Софья Владимировна Гиацинтова (фото № 1).

Берсенев,— продолжает актриса далее,— был прирожденным созидателем театра. Все в нем сочеталось: и умение организовать, направить, вдохновить коллектив, который был его огромным детищем; и редчайший талант артиста; и способность находить для своего театра интересных, сильных драматургов... После смерти Берсенева мы долго блуждали, оставшись без опоры. Мы хотели, но не могли найти свою линию, свое лицо, свою направленность... Мне, например, казалось, что после смерти Берсенева мы вообще все не так делали, как нужно... Короче, нас лихорадило. Сейчас этот трудный период позади. Сейчас мы обрели — пусть постепенно, пусть не сразу — дорогое для нас, очень нужное нам чувство творческой уверенности, чувство дружбы. Для каждого артиста они чрезвычайно важны. Умное, доброжелательное слово режиссера, а потом зрителя, критика — вот что для нас всегда бывает дороже всего... Мы, актеры, ведь вообще работаем очень много, упорно. А сейчас очень честно, старательно работает у нас в театре молодежь!.. Ее, конечно, надо критиковать, но ее надо и хвалить: ее работу просто надо видеть. Все они как одержимые репетируют каждый день, работают без конца, и я рада сказать: работа эта носит благородный, созидательный характер.

— Сохраняются ли сегодня в театре традиции Берсенева?..

На этот вопрос отвечает главный режиссер театра В. Б. Монахов, заслуженный деятель искусств РСФСР (фото № 2).

— Мы живая ветвь от мхатовской «Чайки», полетевшей к рабочей молодежи, к рабочим Москвы, ко всем труженикам столицы...

В нашем театре в первые годы существования живейшее участие в его становлении принимали тогда еще совсем молодые мастера прославленного театра Н. Баталов, В. Станицын, Н. Хмелев, И. Судаков. Лучшие традиции МХАТа мы и сегодня хотим нести зрителю.

Мы хорошо понимаем, как велика сегодня роль художника, как огромна ответственность перед зрителем... Ведь если художник волен выбирать свою точку зрения на явления жизни, то первейший его долг — передать зрителям свой взгляд на мир со всей убедительностью таланта.

Цель искусства, — продолжает В. Б. Монахов,— воспитывать людей. Но я не понимаю, чему может научить человека лицезрение одних только теневых сторон жизни. Уж если я, артист, взялся разрушить что-то дурное, то моя обязанность взамен выстроить хорошее. Вот этот-то процесс созидания, построения и должен происходить на глазах у людей и убеждать их живым примером искусства, его заразительной силой.

Нам очень нужны пьесы, продолжающие линию спектаклей «Молодая гвардия», «Как закалялась сталь»... И мы не теряем надежды, что у нас будут подобные пьесы, построенные на фактах сегодняшней героической действительности...

Побывав летом на гастролях, мы увидели своих героев в жизни. Это они строят город нефтяников Стрежевой на севере Томской области; это они прокладывают дорогу Асино — Белый Яр через тайгу. Но ведь мало увидеть героя. Надо создавать такие пьесы, где образы подлинного искусства отражали бы всю многогранность жизни советской молодежи.

Большой успех имеет наша новая большая работа: спектакль «Прощай, оружие!» по мотивам романа Эрнеста Хемингуэя, в постановке А. Гинзбурга и О. Чубайса.

Но, может быть, мы лучше покажем нашу работу, чем будем рассказывать о ней,— предлагает В. Б. Монахов.— Тогда концерт начнет представитель заводской самодеятельности, автослесарь Лев Дойников, обладатель отличного голоса. Он поет романс «Я встретил вас...» (фото № 3).

Затем старые мастера театра А. Г. Вовси и А. Р. Барский сыграли сцену из спектакля «Не ждали» (фото № 4).

В сцене из спектакля «Дым отечества» К. Симонова происходит встреча братьев Басаргиных. Петр — Ю. Колычев, Александр — А. Збруев. Роль матери играет Софья Владимировна Гиацинтова (фото № 5).

Молодежь театра, участники спектакля «Прощай, оружие!», артисты В. Ширяев, Б. Чунаев, Н. Караченцов, В. Максимов в роли четырех солдат, исполняют зонги, составляющие своеобразный рефрен новой постановки (фото № 6).

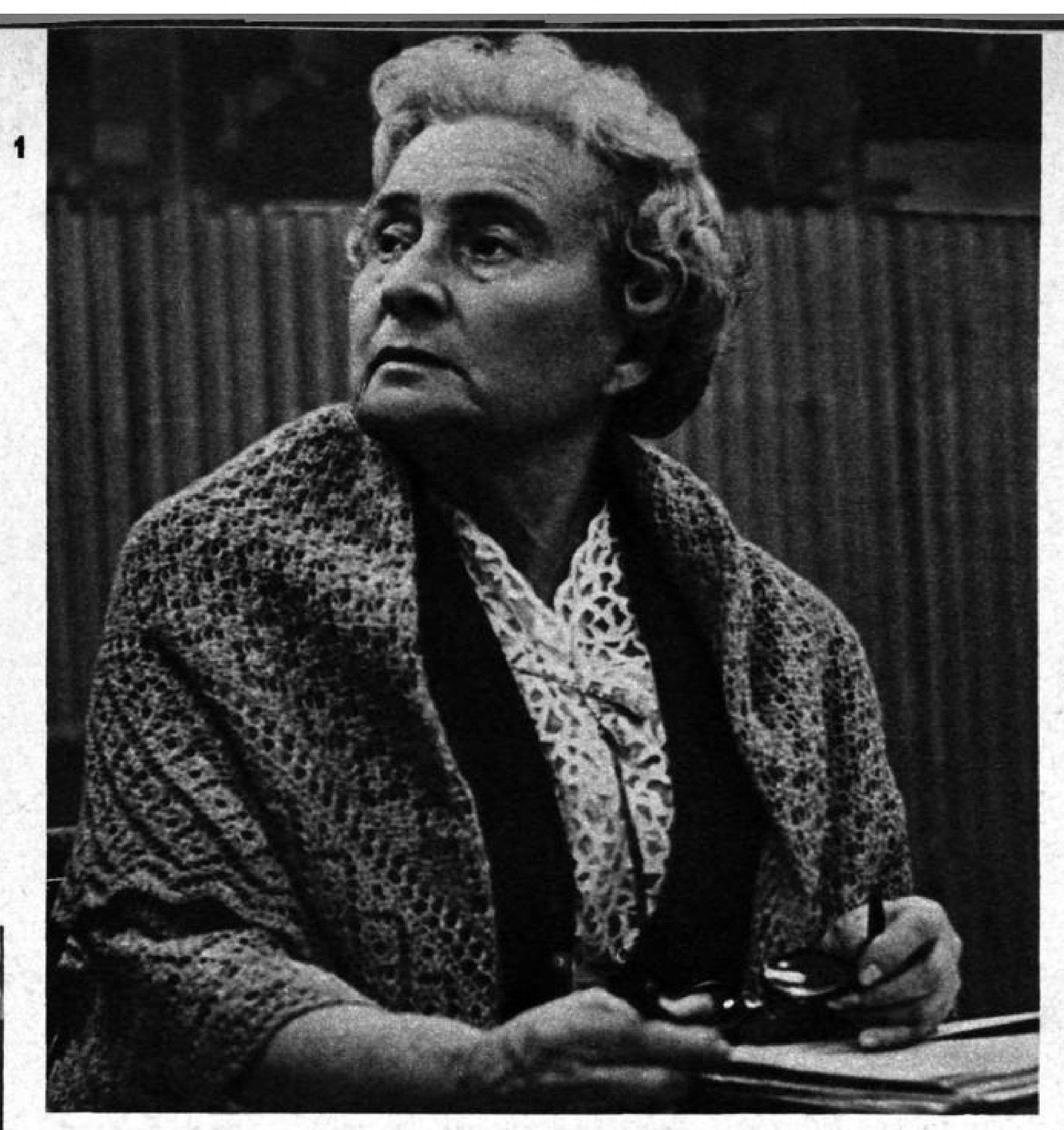
Эпизод из спектакля «Судженские мадонны» сыграли актрисы Э. Луценко и Э. Бурова. Солдат Василий, вернувшийся с войны,— Д. Гошев (фото № 7).

Сцену из спектакля «Дождь — хорошая погода» сыграли молодые актеры С. Савелова и В. Речман (фото № 8).

Своих товарищей по театру представляла коллективу «Огонька» артистка В. Дугина (фото № 9).

Н. ЗЫБИНА

Фото А. БОЧИНИНА.

1

2

4

3

6

9

5

7

8

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.